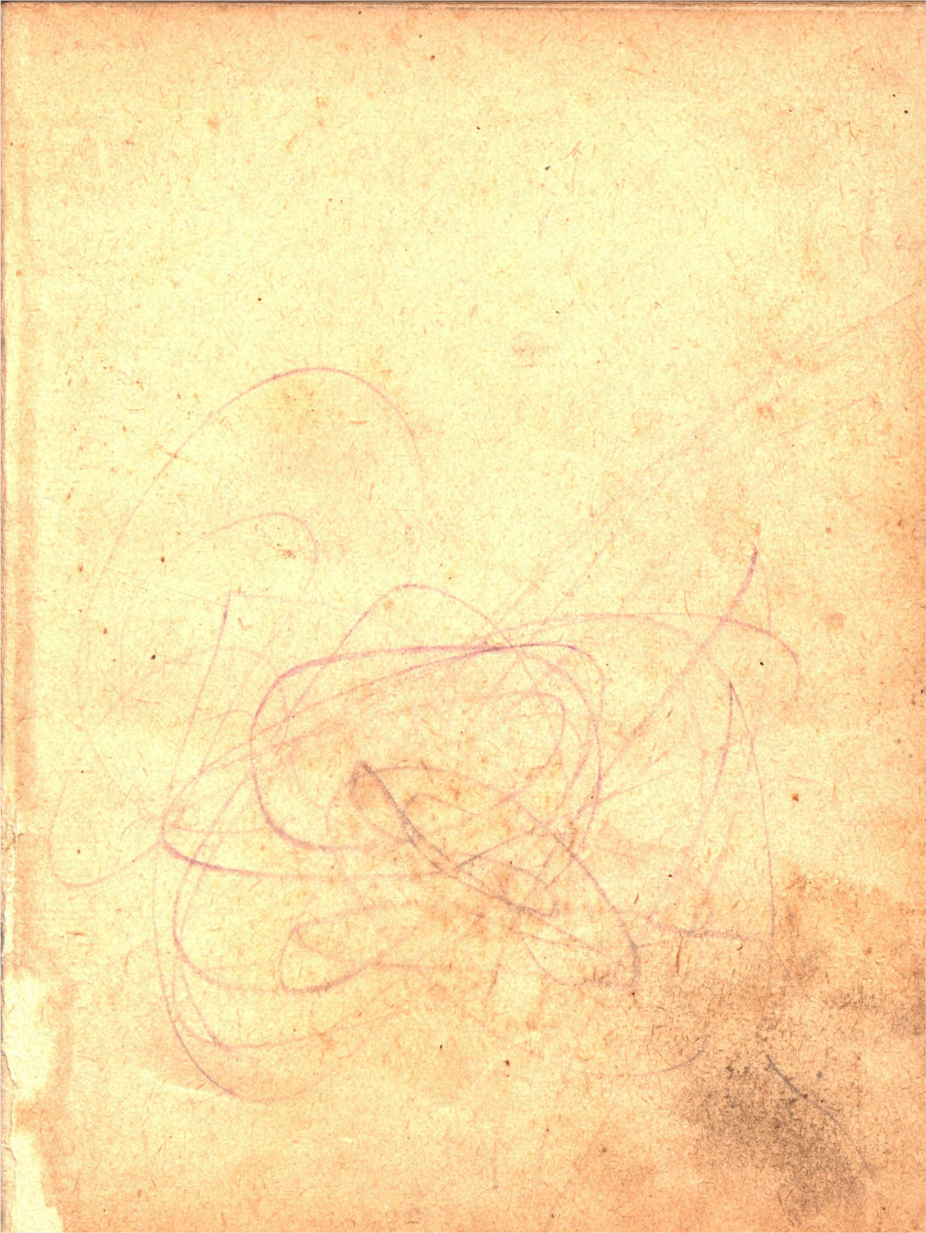

С. СМИРНОВ
Брестская крепость
БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА И МАТРОСА

БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА И МАТРОСА

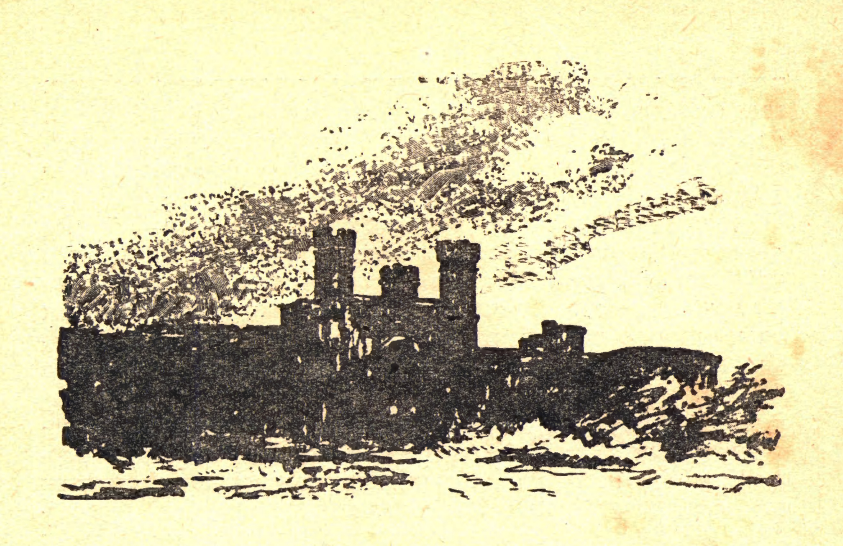
С. СМИРНОВ

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Краткий очерк
героической обороны 1941 года

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1957

Этот очерк является расширенным и дополненным переизданием книжки С. Смирнова «Крепость на границе» (изд-во ДОСААФ — 1956)

ВОЙНА!

В ранний предрассветный час 22 июня 1941 года ночные наряды и дозоры пограничников, охранявших западный государственный рубеж Советской страны, заметили странное небесное явление. Там, впереди, за пограничной чертой, над истерзанной гитлеровцами землей Польши, далеко на западном краю чуть светлеющего предутреннего неба, среди уже потускневших звезд самой короткой летней ночи, вдруг появились какие-то новые, невиданные звезды. Непривычно яркие и разноцветные, как огни фейерверка — то красные, то зеленые, — они не стояли неподвижно, но медленно и безостановочно плыли сюда,

к востоку, прокладывая путь среди гаснущих ночных звезд. Они усеяли собой весь западный горизонт, сколько видел глаз, и вместе с их появлением оттуда, с запада, донесся нарастающий рокот множества моторов.

Этот рокот быстро нарастал, заполняя собой все вокруг, и, наконец, разноцветные огоньки проплыли в небе над самыми головами дозорных, пересекая невидимую линию воздушной границы. Сотни германских самолетов с зажженными бортовыми огнями стремительно вторглись в воздушное пространство Советского Союза.

И прежде чем люди, охваченные внезапной, зловещей тревогой, успели осознать смысл этого непонятного и дерзкого вторжения, предрассветная полумгла на западе озарилась мгновенно взблеснувшей зарницей, яростные вспышки взрывов, вздымающих к небу черные столбы земли, забушевали на первых метрах приграничной советской территории, и все потонуло в в тяжком, оглушительном грохоте, далеко сотрясавшем землю. Тысячи германских орудий и минометов, скрытно сосредоточенных в последние дни у границы, открыли огонь по нашей приграничной полосе, и всегда настороженно-тихая линия государственного рубежа сразу превратилась в ревущую, огненную линию фронта...

Так началось вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, так началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

В это утро в один и тот же час военные действия начались на всем огромном пространстве западной границы СССР, протянувшейся на три с лишком тысячи километров от Баренцева до Черного моря. После усиленного артиллерийского обстрела, после ожесточенной бомбежки приграничных объектов более

двухсот германских, финских и румынских дивизий начали вторжение на советскую землю, осуществляя так называемый «план Барбаросса», разработанный генералами гитлеровской Германии.

Три мощные группы германских армий двинулись в наступление на восток. На севере фельдмаршал Лееб направлял удар своих войск через Прибалтику на Ленинград. На юге фельдмаршал Рундштедт нацеливал свои войска на Киев. Но самая мощная группировка противника развертывала свои операции в середине огромного фронта, там, где, начинаясь у пограничного города Бреста, широкая лента асфальтированного шоссе уходит в восточном направлении через столицу Белоруссии — Минск, через древний русский город Смоленск, через Вязьму и Можайск к сердцу страны — к Москве.

Гитлеровский фельдмаршал Теодор фон Бок, командовавший Центральной группой армий, имел в своем распоряжении больше пятидесяти германских дивизий, а также две мощные танковые группы генералов Гудериана и Гота. Словно два тяжелых тарана, эти танковые массы должны были проломить оборону советских войск севернее и южнее Бреста, прорваться далеко в наши тылы и, описывая две широкие, сходящиеся дуги, встретиться через несколько дней в Минске, отсекая и зажимая в стальное кольцо наши дивизии, расположенные в пограничных районах между Минском и Брестом. Окружить и уничтожить основную массу советских войск еще по правую сторону Днепра — такова была задача, поставленная гитлеровским командованием перед Центральной группой своих армий. А затем должен был последовать новый рывок к востоку — на Смоленск и дальше, к Москве. Противник рассчитывал, что, прежде чем советское командование успеет сформировать и перебросить к линии фронта новые дивизии взамен уничтоженных в

боях за Днепром, немецкие танки войдут в Москву, решая тем самым исход борьбы на советско-германском фронте.

Не знавшие поражений в течение двух первых лет второй мировой войны, воодушевленные недавними успехами на Балканах, гитлеровские генералы были уверены в скором и победном завершении своего восточного похода. Все этапы этого похода были расписаны по дням, и накануне войны офицеры на своих пирушках поднимали тосты за победный парад на Красной площади через четыре недели.

Первые дни войны, казалось, подтверждали правильность этих самоуверенных предположений. События на фронте развивались как нельзя более благоприятно для гитлеровской армии. Была достигнута полная внезапность нападения, и советские войска в приграничных районах оказались захваченными врасплох неожиданным ночным ударом. Германская авиация сумела в первые же часы уничтожить на аэродромах и в парках значительную часть наших самолетов и танков. Таким образом господство в воздухе осталось за противником, немецкие бомбардировщики непрерывно висели над отходящими колоннами наших войск, бомбили склады боеприпасов и горючего, наносили удары по городам и железнодорожным узлам, а быстрые «Мессершмитты» носились над полевыми дорогами, преследуя даже небольшие группы бойцов, а то и гоняясь и за одиночными пешеходами, бредущими на восток.

Казалось, все шло строго по плану, разработанному в гитлеровской ставке. Точно, как было предусмотрено, танки Гудериана и Гота 27 июня встретились под Минском; фашисты овладели столицей Белоруссии и отрезали часть наших войск. Через три недели после этого, 16 июля, передовые отряды германской армии вступили в Смоленск. Здесь и там

отступающие с тяжелыми боями советские войска попадали в окружение, несли большие потери, и фронт откатывался все дальше на восток. Берлинская печать уже трубила победу, твердя, что Советская Армия уничтожена и вступление немецких войск в Москву — дело самого непродолжительного времени.

Но в эти же самые первые дни войны выявилось и нечто другое, вовсе не предусмотренное планами гитлеровского командования, что невольно заставляло задумываться наиболее дальновидных германских генералов и офицеров. Война на Востоке оказалась совсем непохожей на войну на Западе. Противник здесь был иным, и его поведение опрокидывало все привычные представления гитлеровских военачальников и их солдат.

Это началось от самой границы. Застигнутые врасплох, потерявшие большую часть своей техники, столкнувшиеся с необычайно сильным, численно превосходящим противником, советские войска тем не менее сопротивлялись с удивительным упорством, и каждая, даже небольшая победа над ними добывалась чересчур дорогой ценой. Отрезанные от своих, окруженные советские части, которые по всем законам немецкой военной науки должны были бы немедленно сложить оружие и сдаться в плен, продолжали драться отчаянно и яростно. Даже рассеянные, расчлененные на мелкие группы, очутившиеся в глубоком тылу наступающего противника и, казалось, неминуемо обреченные на уничтожение, советские бойцы и командиры, не выпуская из рук оружия, пробирались глухими лесами и болотами на восток, дерзко нападали по дороге на обозы и небольшие отряды противника, с боем прорывались через линию фронта и присоединялись к своим. Другие, оставаясь в тылу врага, создавали вооруженные отряды и начинали ожесточенную партизанскую борьбу, в которую постепенно все

больше втягивалось население оккупированных гитлеровскими войсками советских областей.

А на фронте с каждым днем крепло сопротивление Советской Армии, и, вслед за упорными арьергардными боями в западных областях Белоруссии и на Березине, противнику пришлось испытать первые сильные контрудары советских войск в долгой, кровопролитной битве под Смоленском. Наряду с одержанными победами, наряду с захватом больших пространств советской земли и быстрым продвижением вглубь России, все явственнее, как грозное и зловещее предвестие будущего, вставали перед германскими генералами цифры огромных потерь, понесенных их войсками в этих первых боях, цифры, отнюдь не предусмотренные планами фашистского командования.

И другая странная и необъяснимая вещь поражала и пугала вражеских полководцев. Во всех прежних походах на Западе, против кого бы ни сражались германские войска — будь то против голландцев или французов, против англичан или греков, — они имели перед собой привычную линию фронта. По ту сторону этой линии был расстроенный, дезорганизованный отступлением противник, силы которого все больше слабели и которого предстояло лишь добить. Но все, что было позади, являлось уже прочно завоеванной, покоренной землей.

Тут, в России, все было не так. Правда, по ту сторону линии фронта тоже были отступающие, терпящие неудачи войска, но, вопреки тому, что обычно случалось во всех кампаниях на Западе, сила сопротивления этих войск не уменьшалась, а возрастала по мере отступления вглубь страны, несмотря на все тяжелые испытания, которые выпали на их долю. А то пространство, что лежало позади линии фронта, отнюдь нельзя было считать ни завоеванным, ни покоренным. Это огромное пространство можно было тоже назвать

полем сражения, ибо здесь повсюду шла вооруженная борьба, то явная, то скрытая, но всегда необычайно ожесточенная и упорная. Дрались советские части, пробивающиеся из окружения, дрались сотни и тысячи мелких групп, пробирающихся к фронту по тылам врага. И уже поднималось грозной и неистребимой силой в густых лесах и непроходимых болотах Белоруссии губительное для захватчиков всенародное партизанское движение, руководимое подпольными организациями Коммунистической партии.

Фронт был повсюду, куда ступила нога оккупанта, он простирался на сотни километров в глубину, от линии передовых отрядов немецко-фашистских войск до самой границы СССР. Мощный вал немецкого вторжения, перекатившийся через границу 22 июня, оказался не в силах стереть с советской земли эту невидимую линию государственного рубежа, ее не смогли вытоптать ни гусеницы германских танков, ни миллионы солдатских сапог. Здесь и там по всему протяжению границы, оставшись в тылу врага, продолжали сражаться окруженные группы пограничников, целые заставы, гарнизоны отдельных пограничных дотов, армейские части. В районе Бреста несколько дней шла неравная и упорная борьба на разных участках границы, прежде чем врагу удалось подавить эти очаги сопротивления.

Но и после этого здесь, на берегу Западного Буга, оставался пункт, где борьба еще шла с невиданным ожесточением, и горсточка советских воинов, стиснутая в огненном кольце, окруженная вдесятеро превосходящими ее силами противника, с необыкновенной решимостью и стойкостью, которых не мог не признать даже враг, отстаивала первые пяди нашей родной земли.

Они дрались, когда немецкие танки уже входили в Минск, они гордо отклоняли предложения против-

ника о капитуляции, когда фронт отодвинулся к Березине. Это кажется невероятным, но и месяц спустя после начала войны, когда авангарды германских войск были уже за Смоленском, последние группы наших воинов, мучимых голодом и жаждой, истекающих кровью, все еще не сложили оружия, продолжая свою удивительную, беспримерную борьбу.

Этими легендарными героями, вписавшими в историю Великой Отечественной войны одну из ее первых и самых славных страниц, были бойцы и командиры небольшого советского гарнизона, находившегося 22 июня 1941 года в стенах старой русской крепости, стоящей близ города Бреста на самой границе СССР.

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Еще в древние времена, в том месте, где в Западный Буг впадает один из его притоков — небольшая речка Мухавец, на пологих холмах, покрытых густыми зарослями береста, возникло славянское поселение — Берестье. Впоследствии это поселение превратилось в довольно значительный и укрепленный город, который, оказавшись сначала под властью Литвы, а потом — Польши, стал называться Брестом, или Брест-Литовском.

Город-крепость, постоянный объект борьбы между тремя сильными государствами — русским, польским и литовским, на стыке которых он находился, — такова историческая судьба Бреста на протяжении столетий. За это время не раз появлялись под его стенами войска чужеземных завоевателей, не однажды город подвергался грабежу и разрушениям, а его жители — истреблению.

В самом конце XVIII века эти земли снова вошли в состав России. После войны 1812 года царское правительство решило превратить Брест в один из глав-

ных опорных пунктов русской армии в западных областях страны. Так, сто с лишним лет тому назад у слияния Мухавца с Бугом возникла нынешняя Брестская крепость.

Русские военные инженеры, умело используя преимущества местности, создали здесь действительно неприступные по тем временам укрепления. Массивный земляной вал десятиметровой высоты оградил со всех сторон крепостную территорию, протянувшись в длину на шесть с половиной километров. В толще этого вала были устроены многочисленные складские помещения, которые могли вместить запасы, необходимые для целой армии. Там, где земляной вал не пролегал по берегу реки, у подножия его были прорыты широкие рвы, заполненные водой из Буга и Мухавца. Эти рвы в сочетании с естественными рукавами рек образовали как бы четыре острова — четыре укрепления, составляющие вместе Брестскую крепость.

Мухавец, который течет прямо на запад, недалеко от впадения в Буг разделяется на два рукава. Омываемый с севера и юга этими двумя протоками, а с юго-запада самим Бугом, в центре крепостной территории лежит небольшой возвышенный островок. Этот остров и стал центральным ядром Брестской цитадели.

В отличие от трех других частей крепости он не был обнесен земляным валом. Зато по всей его внешней окружности тянулось одно непрерывное двухэтажное строение из темнокрасного кирпича — здание крепостных казарм, образующее сплошное кольцо, или, как тогда говорили, «рондо».

Пятьсот казематов казарменного здания могли вместить гарнизон численностью в двенадцать тысяч человек со всеми запасами, нужными для жизни и боя этих войск на длительное время. Кроме того, под казармами находились обширные подвалы, а еще ниже

подвалов, как бы во втором глубинном этаже, протянулась во все стороны сеть подземных ходов.

Толстые, полутораметровые стены казарм успешно могли противостоять снарядам любого калибра. Надежно защищенные этими стенами, стрелки имели возможность почти безнаказанно обстреливать наступающего неприятеля через узкие прорези бойниц. Здесь и там на внешней стене казарм полукругом выдавались вперед полубашни с такими же бойницами для флангового обстрела атакующего противника. Двое ворот — Тереспольские и Холмские — в южной части кольцевого здания и большие, трехарочные ворота в северной его части глубокими туннелями соединяли внутренний двор казарм с мостами, ведущими к трем другим укрепленным секторам крепости.

Эти три укрепления прикрывали со всех сторон центральную часть цитадели. Два из них, так называемые Западный и Южный острова, защищали ее с юга. Самое же обширное укрепление, занимавшее почти половину всей крепостной площади, ограждало Центральный остров с севера, охватывая его словно большой подковой, концы которой упирались в Буг и Мухавец.

Ядро крепости было защищено отовсюду. Прежде чем приблизиться к крепостным казармам, осаждающий противник должен был овладеть по меньшей мере одним из трех внешних укреплений цитадели. А каждое из этих укреплений, окруженное валом и водой, со своими бастионами и равелинами, с прочными укрытиями для солдат и орудий, со складами боеприпасов и снаряжения, размещенными в глубине валов, представляло собой как бы отдельную крепость.

В 1842 году строительство было закончено, и над Брестской крепостью был торжественно поднят военный флаг России. Можно было смело сказать тогда, что над Западным Бугом встала поистине грозная

твердыня — одна из самых современных и мощных крепостей. Вопрос заключался лишь в том, надолго ли она останется такой.

В войнах прошлого, когда борьбу вели сравнительно небольшие армии, крепости играли очень важную роль. Крепость с сильным гарнизоном могла остановить наступление целой армии противника, и неприятель, опасаясь действий этого гарнизона в своем тылу, не решался пройти мимо крепости, а вынужден был предпринимать долгую и трудную осаду или блокировать цитадель, выделив для этого значительную часть своих войск. Случалось, что порой вся война сводилась к борьбе за овладение теми или иными крепостями.

Фортификация — наука об укреплении местности в военных целях и, в частности, наука о строительстве крепостей — развивалась в постоянном и тесном взаимодействии с прогрессом военной техники вообще. Особенно же сильное влияние на крепостное строительство оказывало развитие артиллерии, и не будет большим преувеличением сказать, что, в известном смысле, пушки не только разрушали, но и создавали крепости.

Артиллерия властно диктовала инженерам свои требования. От калибра снарядов, от их пробивной силы зависели толщина стен крепости и другие особенности ее укреплений. Дальнобойность орудий во многом определяла размеры крепостной территории, и чем дальше летели снаряды, тем дальше вперед приходилось выносить внешние укрепления крепости, чтобы надежно обезопасить от неприятельского огня центральное ядро цитадели. Словом, с момента появления первых пушек история крепостей, по существу, стала историей их борьбы с артиллерией.

В середине прошлого века новая Брестская крепость вполне отвечала требованиям военной техники того времени. Но уже несколько лет спустя Крымская

война и оборона Севастополя наглядно показали, что эта техника двинулась дальше и что ни одна из существующих крепостей не может считаться достаточно современной. А вскоре после этого произошла подлинная революция в артиллерии, тотчас же повлиявшая на судьбу крепостей.

Наряду с прежними гладкоствольными пушками появились первые орудия с нарезами в канале ствола. Это резко увеличило как дальнобойность артиллерии, так и точность ее огня. Теперь любая крепость оказывалась уязвимой на всю глубину своей территории: противник, подойдя к ее внешним валам, легко мог обстреливать центр цитадели.

Военные инженеры принялись искать выход. И они вскоре нашли его в создании так называемых фортовых крепостей. Существующие крепости обносились поясом фортов — отдельных укреплений, снабженных артиллерией и гарнизоном и вынесенных на несколько километров за пределы внешнего крепостного вала. Таким образом, вокруг крепости создавалось новое оборонительное кольцо, державшее противника в отдалении от цитадели и тем самым защищавшее ее центр от артиллерийского огня.

Между тем нарезная артиллерия все больше совершенствовалась, и дальнобойность орудий росла. Наступило время, когда это кольцо фортов оказалось недостаточным, — центр крепости вновь был под угрозой обстрела.

Не оставалось ничего другого, как снова выдвинуть вперед оборонительные позиции крепости. Вынесенный еще на несколько километров вперед, в дополнение к первому, возникает второй пояс таких же фортов. Впрочем, было ясно, что и его хватит ненадолго: с появлением еще более дальнобойных пушек та же проблема с неизбежностью встала бы опять.

Холмские ворота Брестской цитадели

Но к этому времени возникло другое обстоятельство, которое и решило окончательно судьбу крепостей.

Эпоха империализма вывела на театр военных действий огромные многомиллионные массы войск, с которыми ни в какое сравнение не могла идти ни одна

из армий прошлого, даже так называемая «Великая армия» Наполеона, которую французский полководец двинул в 1812 году на Москву. И как только появились эти новые большие армии, крепости окончательно утратили свою стратегическую роль. Они уже не могли служить сколько-нибудь значительными препятствиями для наступающих войск такой численности. Армии, вторгшиеся в страну, просто проходили мимо крепостей, попутно блокируя их небольшой частью своих сил и нисколько не задерживая своего наступления. Наоборот, крепости оказывались теперь невыгодными для обороняющейся стороны: необходимость содержать крепостные гарнизоны отвлекала часть войск от маневренной борьбы на решающих участках фронта, способствовала ненужному дроблению сил. А если добавить к этому неизмеримо возросшую огневую мощь артиллерии и появление такого нового и сильного средства борьбы, как авиация, станет ясно, что судьба крепостей была бесповоротно решена — они отжили свой век.

Первая мировая война застала Брестскую крепость в самом разгаре строительства второго пояса фортов. Однако уже начальные месяцы войны на Западном фронте показали русскому командованию, что реконструкция крепостей не спасет их. Самые мощные, самые современные крепости Бельгии и Франции, такие, как Льеж, Намюр, Мобеж, были не в силах остановить или даже задержать наступление германских войск и пали одна за другой в течение нескольких дней.

Это было поучительно, и русское командование извлекло уроки из боев на Западном фронте. Работы в Брестской цитадели были прекращены, а ее гарнизон и почти всю артиллерию отправили на фронт. В крепости остались лишь склады, а сама она стала местом формирования резервных дивизий для фронта. Когда

Зак. 41

Развалины Тереспольских ворот цитадели

же летом 1915 года немцы предприняли наступление на Восточном фронте и подходили к Бресту, большая часть складов была вывезена, а войска, находившиеся в то время в цитадели, по приказу командования взорвали часть фортов и отошли без боя, оставив крепость противнику. С тех пор и до конца войны Брестская крепость находилась в руках немцев, и именно здесь в 1918 году был подписан тяжелый для молодой Советской республики Брестский мир.

После империалистической войны западнобелорусские области вошли в состав панской Польши, и ее войска хозяйничали в Брестской крепости на протяжении двадцати лет, вплоть до 1939 года, когда земли Западной Белоруссии по праву вошли в состав Белорусской Советской Социалистической Республики.

В Брестскую крепость пришли советские войска. Конечно, в наше время эта старая цитадель не имела хоть сколько-нибудь серьезного военного значения, и ее укрепления ни в какой мере не могли противостоять современной артиллерии и авиации. Но зато казармы и складские помещения вполне можно было использовать для размещения воинских частей и необходимых запасов, а переоборудованные крепостные форты со временем должны были войти в систему мощного Брестского укрепленного района, который начали строить наши войска на берегу Западного Буга.

Весной 1941 года на территории Брестской крепости размещались части двух стрелковых дивизий Советской Армии. Это были стойкие, закаленные, хорошо обученные войска, и они день ото дня продолжали совершенствовать свое воинское мастерство в продолжительных и трудных походах, на стрельбах, в постоянных занятиях и учениях, на маневрах.

Одна из этих дивизий — 6-я Орловская Краснознаменная — имела долгую и славную боевую историю. Созданная в годы гражданской войны, она получила крещение в памятных сражениях с германскими интервентами в районе Пскова, а потом успешно громила Деникина на юге России. Бойцы и командиры ее полков бережно хранили в памяти передаваемый из поколения в поколение рассказ о том, как в 1918 году, когда только что сформированная дивизия выезжала на фронт, проводить ее на вокзал приехал В. И. Ленин, выступивший с речью перед красноармейцами.

Другая — 42-я стрелковая дивизия — была создана в 1940 году во время финской кампании и уже успела хорошо показать себя в боях на линии Маннергейма. Многих ее бойцов и командиров Правительство наградило за доблесть и мужество орденами и медалями. Лучшим в этой дивизии считался 44-й стрелковый

полк, которым командовал недавно окончивший Военную Академию имени М. В. Фрунзе майор Петр Гаврилов. Доброволец 1918 года, участник гражданской войны, коммунист с почти двадцатилетним стажем, майор Гаврилов обладал недюжинными организаторскими способностями, был исключительно волевым человеком, очень строгим и требовательным командиром, который с большой настойчивостью и уменьем обучал и воспитывал своих бойцов. Этому человеку в дальнейшем суждено было сыграть выдающуюся роль в организации героической обороны Брестской крепости.

Но если еще весной крепость была довольно густо населена войсками, то уже в начале лета 1941 года полки обоих соединений, артиллерийские и танковые части были, как всегда, выведены в лагеря, расположенные в окрестностях Бреста. Началась обычная летняя лагерная учеба, шли работы по сооружению укрепленного района на берегу пограничного Западного Буга. В крепости остались лишь штабы да дежурные подразделения от полков — большей частью одна — две роты.

Таким образом, в ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, гарнизон Брестской крепости насчитывал в общей сложности меньше двух полков пехоты. Если к тому же учесть, что все это были мелкие подразделения от разных частей, разбросанные по всей крепостной территории и не представлявшие в целом единого слаженного войскового организма, станет понятным, насколько сложной в этих условиях была оборона. Что же касается артиллерии и танков, то их оставалось в крепости совсем мало, и вдобавок часть машин и пушек с вечера была разобрана и оставлена так до утра в связи с назначенным на воскресенье смотром боевой техники.

Гитлеровское командование располагало сведени-

ями о численности гарнизона, оставшегося в крепости. И фельдмаршал фон Клюге, командовавший 4-й немецкой армией, которая наступала на Брест, надеялся овладеть цитаделью в первые же часы боев. Чтобы вернее обеспечить этот успех, он решил создать здесь подавляющее превосходство в силах. В приграничную полосу напротив Брестской крепости был выдвинут целый армейский корпус генерала Шрота — три свежие, пополненные пехотные дивизии, из которых одна — 45-я дивизия — когда-то первой вошла в горящую Варшаву и в побежденный Париж и пользовалась в германской армии славой одного из лучших соединений, заслужив не раз личное одобрение Гитлера. Этой дивизии теперь предстояло нанести главный удар по Брестской крепости.

Вся корпусная артиллерия Шрота с многочисленными приданными ему артиллерийскими и минометными частями была подтянута к крепости и замаскирована в густых зарослях левого берега Буга. Германские генералы были почти уверены, что уже один этот мощный и неожиданный огневой удар в сочетании с усиленной бомбежкой с воздуха должен будет сломить дух крепостного гарнизона и пехоте, которая бросится в атаку после артиллерийской подготовки, останется лишь взять в плен ошеломленных и подавленных русских солдат.

У противника было более чем десятикратное превосходство в силах. Это превосходство возрастало во много раз благодаря полной внезапности ночного нападения.

С давних времен германская военщина делала ставку на короткую войну, на так называемую «одноактную победу», достигнутую одним решительным и смертельным для противника ударом. Клаузевиц, Мольтке, Шлиффен, все создатели немецкой военной доктрины мечтали о такой быстротечной войне, и на

протяжении десятков лет германский генеральный штаб разрабатывал свои военные планы, исходя из подобной «мгновенной» победы над будущими противниками. При этом важнейшее значение придавалось внезапности нападения, в которой немецкие военные теоретики видели ключ к достижению быстрой победы в войне.

Гитлеровские генералы были прямыми наследниками и верными продолжателями теоретиков агрессивного германского милитаризма. Теория «блицкрига» — молниеносной войны — стала краеугольным камнем всей их деятельности и легла в основу всех многочисленных захватнических планов, которые они не только разрабатывали в тиши кабинетов, но и практически осуществляли на полях сражений Европы.

«План Барбаросса» тоже был планом молниеносной, скоротечной войны, и внезапность нападения составляла один из главных его элементов. Заключив с Советским Союзом договор о ненападении, усыпляя бдительность советских людей миролюбивыми заверениями, гитлеровская Германия в глубокой тайне готовила свое злодейское нападение. И врагу в значительной степени удалось осуществить внезапность.

Скрытно, главным образом под покровом ночной темноты, выдвигались к границе пехотные дивизии. По ночам в приграничной полосе устанавливались орудия и танки, тщательно замаскированные кустарником. Оживилась тайная гитлеровская агентура в пограничных районах Советского Союза. Фашистская разведка то и дело перебрасывала через наш государственный рубеж своих шпионов и диверсантов.

В районе Бреста гитлеровские агенты действовали особенно активно. В последние дни перед войной наши пограничники нередко задерживали здесь шпионов. 21 июня вечером в городе и даже в крепости появи-

лись немецкие диверсанты, переодетые в форму советских бойцов и командиров. Часть из них была якобы переброшена через границу в товарном составе с грузами, который немцы подали накануне войны на станцию Брест в счет поставок Германии по торговому договору с Советским Союзом. Под покровом ночи эти диверсанты выводили из строя линии электроосвещения, обрезали телефонные и телеграфные провода в городе и крепости, а с первыми залпами войны принялись действовать в нашем тылу.

Но как бы скрытно ни проводил враг свои приготовления, они не могли остаться совершенно незамеченными. О сосредоточении германских войск близ границы сообщала наша разведка. Пограничники, зорко наблюдавшие за прирубежной полосой, доносили, что с каждой ночью в левобережных зарослях поймы Западного Буга появляются все новые, тщательно замаскированные немецкие орудия.

Сведения о зловещих замыслах гитлеровцев приходили и другими путями. По ту сторону Буга жители приграничных польских деревень пристально наблюдали за накоплением немецких войск у государственного рубежа Советского Союза. Иногда германские офицеры и солдаты открыто говорили полякам о предстоящем нападении на СССР. И многие местные жители — настоящие друзья нашей страны — обеспокоенно думали о том, как бы предупредить советское командование о готовящейся войне. Несколько раз смелые польские крестьяне с риском для жизни переплывали Буг и предупреждали пограничников о намерениях фашистского командования.

Все эти сообщения немедленно передавались пограничниками в Москву и докладывались лично Берия, занимавшему тогда пост Наркома внутренних дел. Но в ответ на эти тревожные вести всегда следовал один и тот же стандартный приказ: «Усилить наблюдение».

Словом, в районе Бреста врагу в значительной степени удалось осуществить внезапность нападения.

Неожиданность первого мощного удара, большое численное и техническое превосходство, полная отмобилизованность и готовность к борьбе уже закаленных в боях войск — все эти обстоятельства давали гитлеровской армии огромные преимущества. Их было бы достаточно, чтобы одержать решительную и окончательную победу в войне с любым другим государством. Но они, как известно, не принесли гитлеровцам победы в войне против СССР, несмотря на все успехи, которых добилась германская армия в первый период Восточного похода.

То, что произошло летом 1941 года в Брестской крепости, было лишь маленьким эпизодом во всей титанической, до предела напряженной борьбе на советско-германском фронте. Однако эпизод этот был необычайно характерным. В нем, как в капле воды, нашла свое отражение вся та мощь гнева советского народа, который в конце концов захлестнул и смел с лица земли зловещую силу гитлеризма. Бои за Брестскую крепость должны были заставить врага задуматься о многом.

Здесь, на этом маленьком участке фронта, преимущества немецко-фашистских войск сказались в полной мере. Особенно большим здесь было численное и техническое превосходство врага, и именно тут была достигнута полнейшая внезапность нападения. И все же это не принесло ожидаемого «молниеносного» успеха, и небольшую по своим масштабам победу противнику пришлось покупать небывало дорогой ценой. Горсточка советских воинов, защищавшая в Брестской крепости первые метры родной земли, своей героической борьбой как бы сделала грозное предостережение врагу, осмелившемуся ступить на нашу землю. Сквозь огонь и дым этих жестоких боев в старой русской крепости

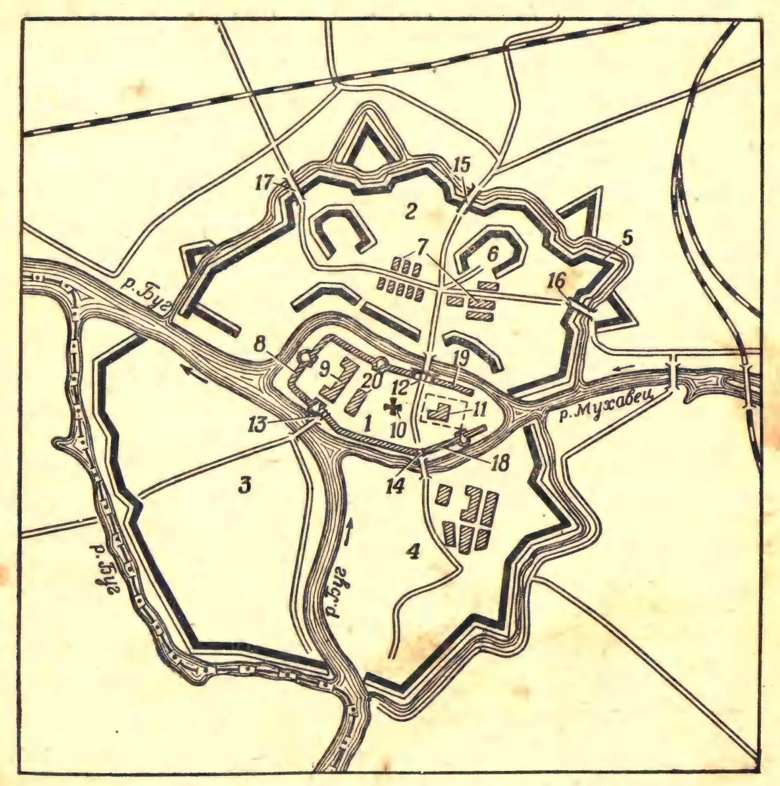
проницательный взор мог бы различить и зимний разгром фашистской армии под Москвой, и ее сталинградскую катастрофу, и развевающееся знамя Победы над поверженным берлинским рейхстагом...

ГАРНИЗОН ПРИНИМАЕТ БОЙ

Брестская крепость спала спокойным, мирным сном, когда над Бугом прогремел первый залп фашистской артиллерии. Только бойцы пограничных дозоров, которые залегли в кустах у реки, да ночные часовые во дворе крепости увидели яркую вспышку на еще темном западном краю неба и услышали странный нарастающий свист. В следующий миг грохот сотен рвущихся снарядов и мин потряс землю.

Страшное это было пробуждение. Бойцы и командиры, заснувшие накануне в предвкушении завтрашнего воскресного дня отдыха, с его развлечениями, с традиционным футбольным матчем на стадионе, с танцами в полковых клубах, с отпусками в город, внезапно проснулись среди огня и смерти, и многие погибли в первые же секунды, еще не успев прийти в себя и сообразить, что происходит вокруг.

Густая пелена дыма и пыли, пронизанная сверкающими, огненными вспышками взрывов, заволокла всю крепость. Рушились и горели дома, люди гибли в огне и под развалинами. У домов комсостава в северной части крепости и около здания пограничной комендатуры на Центральном острове с криками метались по двору обезумевшие, полураздетые женщины с детьми и падали, пораженные осколками. В казармах, на окровавленных нарах стонали раненые, бойцы с оружием и без оружия поспешно бежали вниз по лестнице, в подвалы, ища спасения от непрерывного, нарастающего артиллерийского огня и бомбежки.

Примерный план Брестской крепости (1941 год)

1 — Центральный остров; *2* — северная часть крепости; *3* — Западный остров; *4* — Южный остров; *5* — земляные валы; *6* — восточный форт; *7* — дома комсостава; *8* — кольцевые казармы; *9* — здание казарм 333-го полка; *10* — здание клуба (бывшая церковь); *11* — Белый дворец; *12* — трехарочные ворота цитадели; *13* — Тереспольские ворота цитадели; *14* — Холмские ворота цитадели; *15* — Северные (главные) входные ворота крепости; *16* — Восточные, или Кобринские, ворота крепости; *17* — северо-западные ворота крепости; *18* — участок казарм 84-го полка; *19* — оборона группы Фомина и Зубачева в последние дни июня; *20* — здание погранзаставы.

Неизбежное замешательство первых минут усиливалось еще из-за того, что во многих подразделениях не оказалось средних командиров — они, как обычно, в ночь с субботы на воскресенье ночевали на своих квартирах, и с бойцами в казармах оставались только сержанты и старшины. Те из командиров, которые жили в домах комсостава в северной части крепости, с первыми выстрелами бросились к своим подразделениям в казармы Центрального острова. Однако мост, ведущий туда, находился под непрерывным пулеметным обстрелом — видимо, гитлеровцы заранее перебросили сюда своих диверсантов, и они, засев в кустах над Мухавцом, преградили огнем путь к центру крепости. Десятки людей погибли в то утро на этом мосту, и лишь немногим командирам удалось проскочить его под огнем и присоединиться к своим бойцам. А другие, жившие в самом городе, не смогли даже добраться до крепостных ворот: плотное кольцо артиллерийского заградительного огня немцев сразу же отрезало крепость от Бреста.

Враг торопился использовать все преимущества своего внезапного нападения. Орудия в левобережных зарослях еще продолжали изрыгать огонь и сталь, а авангардные штурмовые отряды автоматчиков 45-й пехотной дивизии уже форсировали Буг на резиновых лодках и понтонах и ворвались на Западный и Южный острова Брестской крепости.

Только редкая цепочка пограничных дозоров и патрулей защищала эти острова. Пограничники сделали все, что могли. Из прибрежных кустов, с гребня вала, протянувшегося над рекой, они до последнего патрона обстреливали вражеские переправы. Группы пограничников засели в дотах, в казематах внутри валов, залегли в развалинах домов, полные решимости не отступать ни на шаг. Но их было слишком мало, чтобы сдержать этот натиск. Огневой вал артиллерии против-

ника с неистовой силой прошел по этим островам, расчищая дорогу пехоте, а тем временем понтон за понтоном и лодка за лодкой пересекали Буг. Густые цепи автоматчиков буквально затопили оба острова, подавляя немногочисленные посты пограничников или обходя и блокируя узлы сопротивления и быстро продвигаясь к центру крепости.

На Южном острове не было наших подразделений. Здесь помещались только склады да располагался большой окружной госпиталь, при котором жила часть медицинского персонала со своими семьями. Первые же снаряды разрушили и подожгли госпитальные корпуса и жилые дома. По двору госпиталя растерянно метались выбежавшие из палат больные. Раненный в голову осколком снаряда заместитель начальника госпиталя по политической части батальонный комиссар Богатеев пытался организовать сопротивление врагу, но, естественно, врачи, сестры и санитары не могли противостоять отборной пехоте противника. Попытка эта была тут же сорвана наступавшими немецкими автоматчиками, а сам Богатеев убит. Лишь немногие из больных и служащих госпиталя успели перебежать через мост у Холмских ворот в центральные казармы, а остальные, спасаясь от огня, укрылись в убежищах внутри земляных валов или в подвалах зданий, и вражеские автоматчики, прочесывая остров, перестреляли их или взяли в плен.

На Западном острове немецкая пехота, окружив частью своих сил сражавшиеся группы пограничников, вышла к мосту у Тереспольских ворот цитадели. Большой отряд автоматчиков тотчас же перешел этот мост и, войдя в ворота, оказался во дворе крепостных казарм.

Посредине двора, возвышаясь над соседними постройками и господствуя над всем Центральным островом, стоит большое массивное здание с высокими

стрельчатыми окнами. Когда-то это была крепостная церковь, которую потом поляки превратили в костел. С приходом в крепость советских войск в церкви был устроен гарнизонный клуб.

Войдя во двор цитадели, немцы сразу же оценили все выгоды этого здания и поспешили занять его, тем более, что клуб был пуст, — в минуты первоначального замешательства никто из наших не успел подумать о том, чтобы закрепиться тут. Автоматчики установили здесь рацию, а в окна во все стороны выставили пулеметы.

Развалины гарнизонного клуба (бывшей церкви)

Это был удар в самое сердце нашей обороны. Теперь противник обладал ключевой, командной позицией Центрального острова, и из окон клуба мог обстреливать с тыла казармы, плотным огнем разъединив, разобщив наши подразделения.

Враг, воодушевленный этим успехом, немедленно

постарался закрепить и развить его. Большая часть отряда автоматчиков двинулась дальше, к восточной оконечности острова, стремясь полностью овладеть центром крепости. Извещенная по радио немецкая артиллерия прекратила обстрел этого участка цитадели.

Прямо против клуба, в восточной части острова, стояло обнесенное бетонной оградой с железными прутьями, полуразрушенное в 1939 году здание так называемого Белого дворца, где когда-то был подписан Брестский мир.

Южная часть дворцовой ограды тянулась вдоль казарм, образуя как бы широкую улицу. Автоматчики двинулись по этой улице густой нестройной толпой, гортанно перекликаясь и непрерывно строча по окнам.

Ответных выстрелов не было. Казалось, что советский гарнизон, сокрушенный, подавленный артиллерийским огнем и бомбежками, уже не в силах оказать сопротивление наступающим и центр крепости будет захвачен без боя. Сквозь дым и пыль в свете разгорающегося утра совсем недалеко впереди были видны разрыв кольцевого здания казарм в восточном углу острова и высокая водонапорная башня на берегу, в том месте, где Мухавец разветвляется на два рукава.

И вдруг совершенно неожиданный, ошеломляющий удар обрушился на противника. Какой-то глухой, протяжный шум послышался внутри казарменного здания, двери, ведущие во двор, рывком распахнулись и с оглушительным, яростным «ура» в самую середину наступающего немецкого отряда потоком хлынули вооруженные советские бойцы, с ходу ударившие в штыки.

В несколько минут враг был смят и опрокинут. Штыковой удар словно ножом рассек надвое немецкий отряд. Те автоматчики, что еще не успели поравняться с дверями казармы, в панике бросились назад,

к зданию клуба и к западным Тереспольским воротам, через которые они вошли во двор. А большая часть отряда, отрезанная от своих, кинулась бежать по улице к восточному краю острова, и за ней по пятам с торжествующим «ура» неслись атакующие бойцы, на ходу работая штыками. А за ними, также крича «ура», бежали другие бойцы, вооруженные кто саблей, кто ножом, а кто просто палкой или даже обломком кирпича. Стоило упасть убитому немецкому автоматчику, как к нему разом бросались несколько человек, стараясь завладеть его оружием, а если падал кто-нибудь из атакующих, его винтовка тотчас же переходила в руки другого бойца и продолжала беспощадно разить врагов.

Прижатые к берегу Мухавца, гитлеровцы были быстро перебиты. Часть автоматчиков бросилась спасаться вплавь, но по воде ударили наши ручные пулеметы, и ни один из фашистов не вышел на противоположный берег.

Это был первый контрудар, нанесенный германским войскам, штурмующим крепость, и нанесли его бойцы 84-го стрелкового полка, занимавшего юго-восточный сектор казарменного здания.

В ту ночь в расположении полка был только один стрелковый батальон и несколько штабных подразделений. Почти все командиры находились в лагерях с двумя другими батальонами либо ночевали на городских квартирах. Лишь два или три лейтенанта — командиры взводов — спали в общежитии при штабе, да здесь же, в своем служебном кабинете, временно жил заместитель командира полка по политической части полковой комиссар Ефим Фомин.

Накануне вечером Фомин получил отпуск на несколько дней для того, чтобы привезти в крепость семью, оставшуюся на месте его прежней службы в Латвии. Часов в десять он выехал на вокзал, но би-

летов на поезд уже не было, и комиссар вернулся в штаб, отложив свой отъезд на сутки. Он допоздна засиделся, беседуя с секретарем полкового бюро ВЛКСМ заместителем политрука Самвелом Матевосяном, и едва они успели задремать, как на крепость обрушились вражеские снаряды и бомбы.

Полковой комиссар
Е. М. Фомин

Окна этой части казармы были обращены на Мухавец, в сторону границы. Несколько снарядов сразу же попали внутрь помещений, вызвав пожары и разрушения. Кое-где пирамиды с винтовками были разбиты взрывами или завалены, и немало бойцов осталось безоружными. Зажигательный снаряд попал в кабинет Фомина, и комиссар, полузадохшийся от едкого дыма, едва успел выбраться из своей комнаты.

Он тотчас же принял командование подразделениями полка, а его ближайшим помощником стал комсорг Матевосян. Потребовалось некоторое время, чтобы преодолеть первоначальное замешательство, вооружить бойцов и собрать их в безопасном помещении подвала. Там Фомин обратился к ним с короткой речью, напоминая о долге перед Родиной и призывая их стойко и мужественно сражаться с врагом. А затем по приказу комиссара Матевосян повел людей в первую штыковую атаку, которая успешно закончилась уничтожением отрезанной группы автоматчиков на восточном краю острова.

Заместитель политрука С. М. Матевосян. 1941 г.

С. М. Матевосян. 1956 г.

Между тем остатки немецкого отряда, бросившиеся назад к Тереспольским воротам, уже не смогли вернуться к своим. Путь отступления оказался отрезанным.

Около Тереспольских ворот находились дома, где помещались 3-я погранкомендатура 17-го отряда и 9-я пограничная застава, несшая службу в крепости. А за этими домами, поперек всего центрального двора цитадели, протянулось длинное двухэтажное здание — казармы 333-го стрелкового полка, где в ночь начала войны, как и в расположении других частей, оставалось лишь несколько мелких подразделений, в том числе группа курсáнтов полковой школы младших командиров и музыкантский взвод.

Первыми снарядами были разрушены и подожжены помещения комендатуры и заставы; немало пограничников, а также многие из жен и детей коман-

диров, живших в этих домах, были погребены под развалинами. Рушились казармы 333-го полка, полуодетые бойцы спешили укрыться от бешеного огня в подвалах. Словом, тут, как и повсюду, в первые минуты царила растерянность, и немецкий отряд, ворвавшийся во двор через Тереспольские ворота, без помехи прошел тогда мимо этих домов.

Начальник девятой погранзаставы лейтенант А. М. Кижеватов

Но за то время, пока автоматчики заняли клуб и попытались продвинуться к восточному краю острова, где их встретили штыковой атакой бойцы полкового комиссара Фомина, обстановка на участке Тереспольских ворот тоже изменилась.

Пограничники быстро опомнились от первоначального замешательства и заняли оборону в развалинах здания заставы. Тут же появился их командир — начальник 9-й заставы лейтенант Андрей Кижеватов. Только что на глазах лейтенанта от немецкого снаряда погибли его жена и маленький сын, но Кижеватов, мужественно перенося этот тяжелый удар, командовал уверенно и энергично, расставляя пограничников в обороне. В подвалы казарм 333-го полка спустились начальник химической службы лейтенант Александр Санин и старший лейтенант Потапов, возглавившие своих бойцов. Женщин и детей, многие из которых прибежали сюда из своих квартир, надежно укрыли

в глубоких подвалах дома. У окон первого и второго этажей, у подвальных амбразур были расставлены стрелки и пулеметчики, готовые встретить врага. И когда остатки немецкого отряда, разгромленного в штыковой схватке, преследуемые по пятам бойцами 84-го полка, кинулись назад к Тереспольским воротам, по ним в упор ударили из пулеметов и винтовок бойцы Кижеватова, Потапова и Санина. Часть гитлеровцев полегла под этим огнем, а те, что уцелели, поспешили укрыться в здании клуба. Та дорога, по которой они полчаса тому назад вступили во двор цитадели, была теперь преграждена.

Создалось довольно своеобразное положение. Автоматчики прорвались в центр крепости и завладели там решающей, ключевой позицией — клубом, из окон которого их пулеметы могли нарушать и дезорганизовать нашу оборону. Но зато они сами внезапно оказались отрезанными и окруженными и лишь по радио держали связь со своим командованием. Впрочем, они были уверены, что их вот-вот должны выручить, — штурм крепости продолжался с нарастающей силой и в бой вступали все новые части врага.

Обтекая крепостные валы с запада и с востока, пехота противника вскоре сомкнула кольцо вокруг крепости. Артиллерия продолжала засыпать цитадель снарядами, и в густом дыму, поднимавшемся к небу от множества пожаров, над крепостью кружили «Юнкерсы». Автоматчики были не только на Западном и Южном островах, не только в центре крепостного двора, но и прорвались через валы в северную часть цитадели. Почти половина Брестской крепости уже находилась в руках врага, и, казалось, самые ближайшие часы должны с неизбежностью решить исход сражения в пользу противника.

Но то, что произошло на Центральном острове, случилось и в других местах крепости. Застигнутый

врасплох гарнизон, оправившись от первого замешательства, начал упорную, ожесточенную борьбу. Так было повсеместно — на всех, не связанных друг с другом, отрезанных огнем противника, участках цитадели. Женщин, детей и раненых укрывали в безопасных местах, солдаты вооружались и кто-нибудь из средних командиров, оказавшихся на месте, возглавлял их, организуя оборону, а если такого командира не было, командование принимал один из сержантов или бойцов. Меткий винтовочный и пулеметный огонь выкашивал ряды атакующих автоматчиков, скупые точные выстрелы снайперов разили гитлеровских офицеров, и в решительные моменты штыковые контрудары наших стрелков неизменно отбрасывали назад с тяжелыми потерями наступающую пехоту.

Все усилия штурмовых отрядов врага пробиться в центральную цитадель на выручку к своим автоматчикам, запертым в здании клуба, терпели неудачу. Мост через Буг у Тереспольских ворот находился теперь под ружейным и пулеметным огнем, — пограничники и бойцы 333-го полка зорко сторожили здесь каждое движение противника, плотно закупорив эту дорогу. Заняв госпиталь на Южном острове, немцы попытались проникнуть во двор центральной крепости через Мухавец по мосту, ведущему к Холмским воротам. Но как раз напротив этого моста в кольцевом здании находились казармы 84-го полка, и комиссар Фомин заранее учел опасность атаки с Южного острова, расставив часть своих людей у окон, обращенных в сторону госпиталя. Огонь из пулеметов и винтовок буквально сметал с моста автоматчиков всякий раз, как те поднимались в атаку. И хотя противник весь день повторял здесь попытки прорыва и мост был завален трупами гитлеровцев, пройти к воротам врагу не удалось. Тщетными были и попытки немцев форсировать Мухавец на резиновых лодках: десятки

таких лодок с автоматчиками пошли ко дну под огнем наших стрелков.

С удивлением и досадой германское командование видело, что сопротивление крепостного гарнизона не только не ослабевает, но час от часу становится более упорным и организованным и что в крепости то и дело возникают все новые очаги обороны. На Западном и Южном островах, захваченных противником, продолжали отчаянно драться группы пограничников, окруженные и блокированные автоматчиками. Эти бойцы в зеленых фуражках дрались так ожесточенно, до последнего патрона, до последнего дыхания и наносили врагу такой урон, что уже вскоре, взбешенные их упорством, гитлеровские офицеры отдали приказ своим солдатам не брать пограничников в плен даже раненными, а расстреливать их на месте.

Но пограничники и не сдавались в плен, предпочитая умереть в бою или покончить с собой, но не даться живыми в руки врагов. Так погиб на Западном острове молодой белорус сержант Петринчик. Раненный, он был окружен автоматчиками и долго отстреливался, лежа в развалинах одного из домов, посылая каждую пулю точно в цель. Только один-единственный последний патрон он не послал во врага, а оставил его для себя.

Так погиб неизвестный пограничник, который в ночь начала войны стоял на посту, охраняя камеру, где были заперты два немецких шпиона, пойманных накануне в крепости. Он не ушел с поста, хотя вокруг него то и дело падали немецкие снаряды. Когда появились автоматчики, пограничник вступил с ними в бой. Изнутри камеры бешено колотили в дверь шпионы, громкими криками призывая своих на помощь, и гитлеровцы, слыша эти крики, рвались вперед. У пограничника оставалась последняя обойма патронов, и он, поняв, что ему не сдержать натиска врагов, принял

Группа пограничников Брестской крепости

решение... Ворвавшись в камеру, автоматчики нашли там три трупа — молодой боец уничтожил обоих шпионов, а потом выстрелил себе в сердце.

Прочная оборона возникла в северной части крепости. Здесь отдельные группы бойцов объединил и возглавил командир 44-го стрелкового полка майор Петр Гаврилов. С первыми взрывами немецких снарядов он, оставив дома больную жену и подростка-сына, бросился бежать к своему штабу, надеясь спасти боевое знамя и секретные документы. Штаб полка находился на Центральном острове в крайнем западном секторе кольцевых казарм, где огонь врага был осо-

бенно сильным. Когда Гаврилов прибежал туда, штабные помещения уже горели. Пробраться внутрь было невозможно, снаряды противника продолжали кромсать горящее здание, и, видимо, знамя и документы уже погибли в огне. В предрассветной полутьме, в густом дыму и пыли, поднимаемой взрывами, во дворе мелькали фигуры бойцов. Кое-как Гаврилову удалось собрать десятка два людей из своих подразделений, и он повел их через мост к выходу из крепости, намереваясь выбраться с ними на северную окраину Бреста, где было предписано сосредоточиться всему его полку в случае боевой тревоги.

Однако оказалось, что гитлеровцы уже отрезали путь в город. На валу у северных ворот и за валом, на берегу обводного канала, залегли стрелки, ведя огонь, а на том берегу в кустах мелькали настороженно пригнувшиеся фигуры вражеских автоматчиков.

Здесь, у северных ворот, собралось несколько сот бойцов. Среди них оказались два—три лейтенанта и политрука, но не нашлось никого из старших командиров, и Гаврилов принял командование над этими разрозненными группами солдат из различных частей. Тут же были сформированы три роты, и по приказанию майора стрелки залегли на гребне северного и северо-восточного земляного вала, а одна из рот заняла оборону фронтом на запад — туда, где находились казармы 125-го полка и откуда доносились гул ожесточенного боя и крики атакующих автоматчиков.

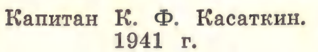
В центре этой обороны, к западу и к востоку от дороги, ведущей к воротам, возвышались два форта. Каждое из этих укреплений с двумя подковообразными валами, с узким двориком между ними, с массивным зданием, стоявшим в центре подковы, и с казематами в толще валов могло быть использовано как опорный пункт обороны. Гаврилов приказал одной из рот занять западный форт, а в бетонном доте, не-

давно построенном рядом с фортом, поставить станковый пулемет.

Что же касается восточного форта, то он стал главным узлом обороны отряда Гаврилова. Оказалось, что здесь уже был небольшой гарнизон — в форту располагалась часть бойцов 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, командование над которыми приняли старший лейтенант Шрамко, лейтенант Дамиенко и прибежавший сюда лейтенант Яков Коломиец из 125-го стрелкового полка. Зенитчики занимали здание, находившееся в центре подковообразного укрепления, и были уже готовы к бою. У окна на втором этаже установили счетверенный пулемет, два бойца поспешно набивали запасные ленты, другие окна заняли ручные пулеметчики и стрелки. У зенитчиков была исправная радиостанция, телефонные аппараты и кабель, а в складах форта хранились боеприпасы и продовольствие. Неподалеку от форта в окопах стояли на огневых позициях два зенитных орудия и вскоре около них заняли свои места расчеты во главе с командиром огневого взвода — лейтенантом.

Гаврилов принял зенитчиков под свое командование и устроил тут в форту свой штаб, руководство которым поручил бывшему командиру отдельного батальона связи капитану Константину Касаткину. Батальон Касаткина находился в лагере за Брестом, а капитан на эту ночь приехал в крепость к семье, где его и застигла война. Он попытался было выйти за крепостные валы и присоединиться к своему батальону, но враг уже отрезал путь в город, и Касаткину не оставалось ничего другого, как примкнуть к отряду майора Гаврилова. Назначенный начальником штаба, он тотчас же оборудовал командный пункт в одном из центральных казематов форта и с помощью связистов зенитного дивизиона установил телефонную связь со всеми тремя ротами. Тем временем политрук Скрип-

Капитан К. Ф. Касаткин.
1941 г.

К. Ф. Касаткин.
1956 г.

ник, которого Гаврилов назначил своим заместителем по политической части, укрыл в одном из фортовых убежищ женщин и детей, собравшихся сюда из соседних домов комсостава, и тут же организовал госпиталь, поручив заботу о раненых оказавшейся здесь медицинской сестре — военфельдшеру Раисе Абакумовой.

Вскоре небольшой отряд майора Гаврилова был готов встретить противника, и когда час спустя гитлеровцы атаковали внешние валы и западный форт, их остановил сильный огонь, и все атаки врага на этом участке потерпели неудачу.

Упорный бой шел и у восточных, Кобринских, ворот крепости. В районе этих ворот размещался 98-й противотанковый артиллерийский дивизион под командованием майора Никитина. В первые же минуты противник направил сюда особенно сильный

огонь. Большинство орудий и тягачей было уничтожено или повреждено и, вдобавок, подразделение лишилось своего командира. Тогда руководство обороной приняли на себя заместитель Никитина по политической части старший политрук Николай Нестерчук и начальник штаба дивизиона лейтенант Иван Акимочкин.

Приказав укрыть в надежных помещениях внутри валов женщин и детей, сбежавшихся сюда, Нестерчук и Акимочкин велели выкатить оставшиеся пушки на валы, организовали подвоз боеприпасов из склада, расставили в обороне пулеметчиков и стрелков. И когда немцы, обойдя крепость с юго-востока, показались вблизи Кобринских ворот, по ним в упор ударили пушки и пулеметы дивизиона. Противник был остановлен, и атаки его на этом участке одна за другой выдыхались под нашим огнем.

Так, в упорных боях, которые повсеместно с каждым часом становились все ожесточеннее, прошла первая половина дня 22 июня. Немецкая артиллерия все так же обстреливала крепость, «Юнкерсы» штурмовали с воздуха очаги нашей обороны, и пехота противника продолжала атаковать на всех участках. Но уже вскоре донесения о потерях наступающих на крепость частей стали столь угрожающими, что гитлеровское командование вынуждено было основательно задуматься над этими цифрами.

Много месяцев спустя на одном из участков советско-германского фронта было захвачено вместе с архивом штаба 45-й пехотной дивизии «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» — любопытный документ, в котором содержались некоторые подробности боев за Брестскую крепость. Вот что происходило в крепости в этот первый день войны по свидетельству штабных офицеров противника.

«Все же вскоре (около 5.30—7.30) стало ясно, — говорится в этом донесении, — что позади нашей пробившейся вперед пехоты русские начали упорно и настойчиво защищаться в пехотном бою, используя стоящие в крепости 35—40 танков и бронемашин. При быстром огне они применяли мастерство снайперов, кукушек, стрелков из слуховых окон чердаков, из подвалов и причинили нам вскоре большие потери в офицерском и унтер-офицерском составе.

Перед обедом стало ясно, что артиллерийская поддержка при ближнем бое в крепости невозможна, так как наша пехота соприкасалась очень близко с русской и нашу линию нельзя было установить в путанице построек, кустарников, обломков, частично она была отрезана или блокирована русскими гнездами сопротивления. Попытки отдельных пехотных противотанковых орудий и легких полевых гаубиц действовать прямой наводкой не удавались большей частью из-за недостаточного наблюдения и угрозы собственным людям, в остальном — из-за толщины сооружений и стен крепости.

По тем же самым причинам проходящая мимо батарея штурмовых орудий, которую командир 135-го пехотного полка по собственному решению подчинил себе после обеда, не оказывала никакого действия.

Введение в действие новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерва корпуса) на Южном и Западном островах с 13.15 не принесло также изменений в положении: там, где русские были изгнаны или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, домов, труб и других укрытий появлялись новые силы. Стреляли превосходно, так, что потери значительно увеличивались.

Личным наблюдением командир дивизии в 13.15 в 135-м пехотном полку (Северный остров) убедился, что ближним боем пехоты крепости не взять, а около

14.30 решил оттянуть собственные силы так, чтобы они окружили крепость со всех сторон, а потом (предположительно после ночного отступления с раннего утра 23.6) вести тщательно наблюдаемый огонь на поражение, который бы уничтожал и изматывал русских. В 18.30 это решение было категорически одобрено командующим 4-й армией...»

Это донесение довольно верно передает обстановку первого дня боев за крепость. Правда, танков и бронемашин у обороняющихся было не тридцать пять—сорок, как утверждают немецкие штабисты, а всего несколько штук, и отнюдь не толщина крепостных стен была главным препятствием для атакующих. Упорное героическое сопротивление маленького гарнизона, его умелые, решительные действия заставили германские войска остановиться перед крепостью в первый же день войны. И не только остановиться. Приказ, полученный в штурмующих частях к вечеру 22 июня, был, по существу, первым приказом об отступлении, отданным германским войскам с момента начала второй мировой войны. Гитлеровская армия не отступала ни разу ни на западе, ни на севере, ни на юге Европы, но она вынуждена была отступить в районе Брестской крепости в первый же день войны на востоке против СССР.

«Проникшие в крепость части, — говорится дальше в донесении, — ночью были согласно приказу отведены обратно на блокадную линию. При этом было весьма неприятно то, что русские тотчас же продолжали атаки на оставленные районы, а, кроме того, группа немецких солдат (пехотинцев и саперов, количество их потом так и не удалось установить) осталась запертой в церкви крепости (Центральный остров). Временами с этими запертыми была радиосвязь».

Следует добавить, что эта радиосвязь вскоре была прервана. Гарнизон крепости не только атаковал и

прочно занял районы, из которых отошли немцы, но и успешно ликвидировал многие окруженные группы противника. На Центральном острове бойцы Фомина и стрелки Потапова и Кижеватова с двух сторон атаковали клуб, где засели автоматчики с радиостанцией. Сопротивление врага было сломлено, и отряд фашистов в клубе уничтожен.

В первый день противнику не только не удалось овладеть крепостью за несколько часов, как он рассчитывал, но его штурмовые отряды были наполовину уничтожены и на многих участках отброшены или отведены назад. Только Южный и Западный острова, где, впрочем, продолжали сражаться группы наших пограничников, немцы удержали за собой. Вся же остальная территория крепости, буквально усеянная трупами в зеленых мундирах, по-прежнему была недосягаемой для врага, и там всю ночь без сна и отдыха трудились советские бойцы и командиры, укрепляя свои оборонительные рубежи и готовясь завтра с рассветом встретить новый штурм.

НА САМОМ ПЕРВОМ РУБЕЖЕ

С самого начала боев, с первых же часов войны одно и то же чувство владело каждым защитником Брестской крепости — от командиров, возглавлявших оборону, до рядовых стрелков. Это была глубокая, непоколебимая уверенность в том, что предательски напавший враг будет в самом скором времени наголову разбит и снова отброшен за государственный рубеж, что вот-вот на помощь осажденной крепости подойдут войска, стоявшие в окрестностях Бреста, и граница будет прочно восстановлена.

Граждане великой страны, хорошо знающие мощь своей Родины и ее армии, воспитанные на славных победных традициях советских войск, не могли думать

иначе и вовсе не представляли себе ни огромных сил своего врага, ни тяжких последствий его внезапного нападения. Разве мог кто-нибудь из них хоть на мгновение допустить мысль о том, что пройдут еще долгие и страшные три года, прежде чем руины этих крепостных стен снова увидят советских воинов?! Если бы в этот первый день обороны в рядах защитников крепости нашелся человек, который посмел бы сказать, что Советской Армии потребуются даже не годы, а месяцы или недели для того, чтобы отбить нападение гитлеровской Германии, товарищи сочли бы его сумасшедшим либо расстреляли бы на месте, как труса и изменника. Нет, они ждали помощи с часу на час, со дня на день. Мысль о скорой встрече со своими придавала им новые силы в их неравной борьбе, укрепляла их волю и решимость.

Радист Б. Михайловский

Уже в эти первые часы крепость была отрезана от внешнего мира, окружена кольцом немецких войск. Что делается там, за пределами крепостных стен, что происходит в городе и в соседних приграничных районах — гарнизон не знал. Штабы соединений размещались в Бресте, и оттуда пока что не поступало никаких указаний, — видимо, посыльные и офицеры связи не могли добраться сюда. Что же касается телефонных и телеграфных линий, то они либо были перерезаны

немецкими диверсантами перед началом военных действий, либо повреждены во время обстрела.

Прежде всего командиры, возглавившие оборону на Центральном острове крепости, попытались связаться с вышестоящим командованием по радио. Но радиостанций в подразделениях было очень мало и почти все они оказались разбиты или повреждены артиллерийским огнем противника. Только на участке 84-го полка, где в казармах была оставлена часть инвентаря полковой роты связи, удалось к середине дня наладить одну из радиостанций. Полковой комиссар Фомин составил несколько шифрованных радиограмм в адрес командования дивизией и велел срочно передать их.

Однако дивизионная и другие радиостанции не отвечали на призывы крепости. Все попытки передать кодированную радиограмму ни к чему не привели. Казалось, гитлеровцы не только окружили крепость, но и заполонили весь эфир: на всех волнах слышались гортанные немецкие команды, и лишь изредка прорывались отрывочные, яростные возгласы наших танкистов, ведущих где-то бой с танками врага, или выкрики летчиков, дерущихся в воздухе с «Юнкерсами» и «Мессершмиттами».

Тогда Фомин решил оставить условный код и перейти на открытый текст. Учитывая возможность радиоперехвата противника, он составил преувеличенно бодрую радиограмму, и комсомолец-радист Михайловский снова сел к микрофону.

— Я крепость, я крепость! — понеслись в эфир новые призывы. — Ведем бой. Боеприпасов достаточно, потери незначительны. Ждем указаний, переходим на прием.

Снова и снова повторял Михайловский эти слова, но ответа на них не было. Радиостанция продолжала посылать свои сигналы, пока, наконец, у нее не иссякло

питание, и голос сражающейся крепости замолк в эфире навсегда.

Такая же неудача постигла и радиста восточного форта, который по приказанию Гаврилова непрерывно посылал в эфир свои сигналы. Ответа на них не было, и майор, убедившись, что все попытки наладить радиосвязь напрасны, приказал выключить рацию и, экономя батарейки, включать ее только для приема и записи последних известий.

В этот первый день кое-где в подразделениях еще работали батарейные радиоприемники. Один из таких приемников стоял в клубе 98-го противотанкового дивизиона. Этот клуб был оборудован в подземном бетонированном помещении какого-то бывшего склада, и сюда-то Нестерчук, возглавивший оборону артиллеристов, приказал поместить жен и детей командиров. Здесь, в темном подземном зале, где рядом с радиоприемником, над лежащими вповалку на полу женщинами и детьми высилась строгая, неподвижная фигура красноармейца Соколова, охранявшего боевое знамя дивизиона, люди услышали около полудня сквозь грохот разрывавшихся наверху снарядов далекий голос из Москвы. По радио выступал В. М. Молотов. Каждое слово этой речи западало глубоко в сердца людей, которые уже несколько часов жили среди пламени и смерти, в кипящем котле войны. И как только В. М. Молотов кончил говорить, содержание его речи, передаваемое из уст в уста, скоро стало известно всем артиллеристам, которые в это время вели упорный бой с автоматчиками на крепостных валах.

Немного позднее текст речи В. М. Молотова был принят в восточном форту, а также связистами в подвале здания 333-го стрелкового полка на Центральном острове. В тесном, узком отсеке подвала едва-едва слышался голос московского диктора, — батареек для

нормального питания не хватало, — но собравшаяся здесь группа бойцов, затаив дыхание, ловила слова этой речи. Старший лейтенант Потапов велел также привести сюда несколько раненых, чтобы они потом пересказали речь тем своим товарищам, которые уже не могли ходить. И здесь слова Молотова вдохнули в защитников крепости новые силы и еще больше укрепили их уверенность в том, что долгожданная помощь вот-вот должна подойти.

Между тем продолжались попытки установить связь с командованием. Несколько раз в течение этого первого дня, в разное время и из разных мест крепости командиры посылали в город группы разведчиков. В большинстве случаев эти группы поредевшими возвращались обратно — им не удавалось пробраться сквозь плотное кольцо немецкой пехоты. Другие исчезали бесследно — вероятно, если отдельные разведчики и добирались до города, то вернуться в крепость и доложить, что происходит в Бресте, они уже не могли.

В середине дня полковой комиссар Фомин решил послать в город разведку на броневиках.

Внутри ограды Белого дворца в одном из домов располагался отдельный разведывательный батальон. В ночь начала войны в казармах этого подразделения находилась группа бойцов, а поблизости, в автопарке, стояли семь бронемашин, находившихся в ремонте. Работая под огнем врага, бойцы во главе с комсоргом батальона, принявшим командование, сумели в течение нескольких часов восстановить пять броневиков. Подъехав к уже горевшему складу боеприпасов, работая среди пламени, ежеминутно рискуя взлететь на воздух, они погрузили в машины запас снарядов и патронов и явились к Фомину получить боевую задачу.

В это время комиссар, сидя в подвале Белого дворца, допрашивал только что взятого в плен немец-

кого офицера. Пленный оказался подполковником, офицером разведки 45-й пехотной дивизии. В его полевой сумке вместе с подробным планом крепости были найдены важные штабные документы, которые представляли большой интерес для нашего командования. Комиссар как раз обдумывал, каким путем переслать эти документы в штаб дивизии, когда ему доложили о готовности бронемашин. Решено было, что три броневика попытаются прорваться в город и что командование этой группой примет ближайший помощник комиссара, комсорг полка замполитрука Матевосян. Ему и поручил Фомин доставить в штаб бумаги, взятые у пленного.

Впрочем, к этому времени Матевосян уже считался не заместителем политрука, а полковым комиссаром. У Фомина оказалась с собой его вторая запасная гимнастерка с четырьмя прямоугольниками на петлицах, и он приказал комсоргу надеть ее. Когда Матевосян попытался возразить, Фомин объяснил ему, что в крепости мало командного состава и бойцы будут чувствовать себя уверенней, видя в своих рядах еще одного старшего командира. Комсоргу оставалось только выполнить приказ начальника, и он, так внезапно повышенный в звании, в дальнейшем командовал одним из решающих участков обороны в районе 84-го полка. Сейчас же ему предстояло выполнить новое, опасное и ответственное поручение Фомина и установить связь со штабом дивизии.

Комиссар горячо обнял на прощанье комсорга, и тот занял место в кабине головной машины. Три броневика под огнем пулеметов противника стремительно проскочили мост у трехарочных ворот цитадели и направились к северным внешним воротам крепости. Но там в это время шел бой, а в самом туннеле ворот горела немецкая машина, загораживая путь. По команде Матевосяна броневики свернули налево — к северо-за-

Защитники Брестской крепости

С картины худ. П. А. Кривоногова

падным воротам, но и там застали ту же картину. Оставались только одни — восточные, Кобринские, ворота — ближайшие к городу — и комсорг поспешно направил головную машину туда.

Дорога к этим воротам вела мимо группы домов комсостава 125-го и 333-го стрелковых полков. Еще издали Матевосян и его спутники заметили, что там идет бой. Автоматчики, полукольцом охватив дома, вели непрерывный огонь по окнам, а в ответ из домов раздавались скупые расчетливые выстрелы.

Дружно развернувшись, броневики ударили с тыла по гитлеровцам из всех своих пулеметов. В несколько минут фашистский отряд был уничтожен. И тогда, освобожденные от осады, выпрыгивая из окон, выбегая из дверей, к своим спасителям радостно бросились наши люди. Здесь было несколько бойцов и командиров, но больше всего женщин и детей.

Опередив других, к вышедшему из кабины Матевосяну подбежала молодая женщина. Ее нарядное цветастое платье было разорвано, из рассеченной пулей щеки текла кровь и в руках она сжимала немецкий автомат. Задыхаясь, еще полная жаром недавнего боя, она схватила его за руку:

— Товарищ комиссар, что нам делать? Боеприпасы кончаются!

Остальные, окружив комсорга тесной толпой, наперебой расспрашивали его о положении в крепости. Здесь был какой-то капитан с окровавленной повязкой на лбу, женщины, испуганно прижимающие к себе маленьких детей, и женщины с оружием, какой-то мальчик-подросток, зажавший в руках немецкую гранату с длинной деревянной ручкой, полураздетые бойцы с винтовками.

Матевосян, как мог, успокоил этих людей, советуя им попытаться пройти в центральную крепость, где находится штаб обороны. Он уверенно говорил о том,

что вскоре подойдут на выручку наши части, и враг будет разбит и отброшен. Поручив капитану командование этой группой, он снова сел в машину, и броневики, набирая скорость, пошли к Кобринским воротам.

Но там тоже шел бой, а сами ворота были загорожены разбитыми тягачами и пушками 98-го артиллерийского дивизиона. Выхода из крепости не было. Пришлось возвращаться назад, и полчаса спустя Матевосян привел все три бронемашины в ограду Белого дворца, доложив Фомину о своей неудаче.

Дальнейшие попытки разведки решили отложить до ночи. А пока что можно было только догадываться о том, что происходит в городе и его окрестностях по дальнему гулу боев, доносившемуся в крепость в редкие минуты затишья. Весь первый день слышался этот гул, то приближаясь, то отдаляясь, и слухи о подходе наших войск то и дело разносились по крепости, заставляя осажденных сражаться с удвоенным упорством.

Весь день немецкая авиация господствовала в воздухе, и «Юнкерсы» непрерывно пикировали над крепостью. Два или три раза появлялись наши истребители, и, хотя численный перевес в воздушных боях всегда был на стороне противника, крепость встречала криками «ура» эти краснозвездные самолеты. В первой половине дня наша маленькая «Чайка», израсходовав в воздушном бою все патроны, вдруг рванулась вперед и протаранила вражескую машину над Брестским аэродромом. Бойцы, находившиеся в ограде Белого дворца и наблюдавшие эту схватку, потрясенные подвигом советского летчика, разом открыли бешеный огонь по вражеским позициям, словно хотели отомстить за героическую гибель нашего пилота. Когда же, полчаса спустя, один из самолетов-штурмовиков противника, снизившись, стал обстреливать из пулемета этот участок обороны, стрелки встретили

его дружным залпом, и задымившаяся машина, едва не задев за верхушки деревьев Западного острова, упала где-то за Бугом. Так гибель нашего отважного пилота, совершившего первый в истории Великой Отечественной войны воздушный таран, была вскоре же отомщена стрелками 84-го полка, которые первыми в истории Великой Отечественной войны сбили вражеский самолет огнем из винтовок.

В этот же первый день другой фашистский бомбардировщик был сбит зенитчиками, орудия которых стояли неподалеку от восточного форта. Пораженная снарядом в упор, огромная машина, объятая пламенем, упала за домами комсостава, сопровождаемая ликующими криками бойцов. Но зато остальные самолеты тотчас же принялись жестоко бомбить позиции зенитчиков, так что вскоре одно из орудий вышло из строя, часть артиллеристов погибла, а их командир лейтенант был серьезно ранен, хотя и не покинул своего места на огневых. Но тем не менее потеря бомбардировщика заставила гитлеровских летчиков быть осторожнее и держаться на большей высоте.

В ожиданиях и несбывшихся надеждах на освобождение от осады прошел весь первый день. И как только начала спускаться темнота, командиры снова сделали попытки послать в город разведчиков.

Но противник, оттянувший свои силы за крепостной вал, был настороже. По всей линии осады над крепостью непрерывно взлетали ракеты, местами валы освещались с помощью прожекторов — наблюдатели врага зорко следили за каждым движением осажденных. Перебраться через валы разведчикам не удавалось: всякий раз по ним открывали сильный пулеметный огонь.

На участке 84-го полка двое разведчиков, отправленных Фоминым, с восточной окраины Центрального острова переплыли Мухавец. Но затем, там, где они

должны были выйти на берег, поднялась бешеная стрельба, и вскоре стало ясно, что посланные погибли или попали в руки врагов. Фомин уже готов был с досадой отказаться от дальнейших попыток, как вдруг комсомолец-радист Михайловский предложил оригинальный способ разведки под водой.

Несколько человек надели противогазы. Отсоединенная от коробки гофрированная трубка свинчивалась с несколькими другими и на конце этого шланга укреплялся небольшой деревянный поплавок. Бойцы привязали к ногам кирпичи и осторожно спустились в Мухавец. Дыша через шланги с поплавками, они двинулись вверх по течению реки, тяжело ступая под водой по неровному, илистому дну. Они уже выходили за пределы крепости, и им казалось, что разведка их будет вполне успешной, как вдруг неожиданное подводное препятствие преградило им путь. Река оказалась перегороженной поперек течения прочной железной решеткой.

Один из разведчиков решил подняться наверх и попробовать перелезть через решетку. Но едва его голова показалась на поверхности, как наблюдатели противника при свете непрерывно взлетающих ракет заметили его, и по воде с обоих берегов ударили немецкие пулеметы. Видимо, пулеметчики специально охраняли эту решетку, и водолазы, убедившись, что обойти препятствие нельзя, вернулись обратно.

Потом пленные немецкие солдаты рассказали защитникам крепости, откуда появилась эта решетка. Командование противника опасалось, чтобы осажденному гарнизону крепости не доставили подкреплений с помощью катеров по Мухавцу, и вечером первого дня немецкие саперы поставили это заграждение, которое с берегов охраняли два пулемета.

С возвращением водолазов пришлось оставить последнюю надежду на связь с городом. Оставалось

ждать, пока кольцо осады будет разорвано ударами наших войск извне. Впрочем, никто не сомневался, что это случится в самые ближайшие часы.

Но прошла ночь, наступило ясное, солнечное утро, и тогда все услышали, что гул окрестной канонады, который вчера раздавался так мощно в стороне города, сегодня едва слышался где-то далеко на востоке и к концу дня затих совсем. Люди поняли, что противник потеснил наши войска, что фронт отдалился от крепости, и впервые подумали о том, что, быть может, им придется драться во вражеском кольце еще не один день, прежде чем наши отступающие армии оправятся и нанесут противнику контрудар. И каждый внутренне приготовился ко всем тяжким испытаниям, которые ему предстояло вынести в этой неравной и жестокой борьбе.

Но долго думать об этом было некогда. С первыми лучами рассвета снова загрохотали пушки, закружились над крепостью «Юнкерсы», и отдохнувшие, пополненные штурмовые отряды вражеских автоматчиков с новой силой атаковали осажденных со всех сторон. Все помыслы и чувства бойцов были теперь направлены на то, чтобы выстоять, отбить натиск врага, и лишь в короткие моменты передышки между артиллерийским обстрелом и очередной атакой люди жадно прислушивались к дальнему гулу канонады на востоке, словно стараясь по этим невнятным звукам отгадать, что происходит там, на фронте.

А на фронте в районе Бреста уже второй день происходили тяжелые, трагические события.

Уже в первые часы войны Брест оказался в руках противника. С утра на его улицах рвались снаряды и бомбы, рушились и горели дома, с чердаков раздавались выстрелы гитлеровских диверсантов, самолеты с бреющего полета расстреливали бегущих из города мирных жителей, неубранные трупы валялись на мо-

стовой, и городская больница была забита ранеными. Городские учреждения и штабы воинских частей вынуждены были выехать из Бреста на восток, в сторону Кобрина. Однако уже вскоре Московское шоссе, ведущее туда, было перерезано наступающими частями немцев — отряды автоматчиков вышли на южную окраину города, переправившись через Мухавец. Начались убийства мирных жителей, повальные грабежи и насилия; на горящих улицах вместе с гитлеровцами действовали уголовники, выпущенные ими из тюрьмы.

Кое-где группы вооружившихся брестских коммунистов пытались организовать сопротивление врагу, но большинство их было тут же рассеяно или уничтожено многочисленными отрядами немецких автоматчиков. И только два таких очага сопротивления в городе противнику удалось подавить далеко не сразу.

Несколько часов шел бой за здание Облвоенкомата. Сюда еще рано утром пришло несколько десятков партийных и советских работников города вместе со своими семьями. Они вооружились, запаслись боеприпасами и во главе с областным военным комиссаром Стафеевым заняли в доме круговую оборону, забаррикадировав окна и двери. Ворвавшиеся в город гитлеровцы тотчас же осадили Облвоенкомат. Началась интенсивная перестрелка; подползая к дому, гитлеровские солдаты забрасывали в окна гранаты, несколько раз «Юнкерсы» начинали бомбить этот район и бомбы рвались совсем близко от здания. У осажденных появились убитые, раненые, и врач Облвоенкомата едва успевал делать перевязки. Потом был тяжело ранен комиссар Стафеев, но он лежа продолжал руководить боем.

Положение стало безнадежным и в середине дня осажденные приняли решение выпустить на улицу женщин и детей и после этого сражаться до конца. Но когда женщины и дети вышли из дверей с белым фла-

гом, автоматчики открыли по ним огонь и многие были убиты и ранены.

Только к вечеру, после того как были расстреляны последние боеприпасы осажденных, гитлеровцам удалось сломить их сопротивление. Комиссар Стафеев и другие раненые были зверски перебиты, часть людей захвачена в плен и только немногим удалось пробиться сквозь кольцо врагов и окраинными улицами выйти из города.

Но еще более упорный бой завязался в северной части Бреста у здания железнодорожного вокзала.

Вечером в субботу 21 июня с соседней станции на Брестский вокзал прибыла небольшая воинская команда одной из авиационных частей, направляющаяся в Пружаны — за несколько десятков километров от Бреста. Это были два взвода — около 50 бойцов во главе со старшиной Басовым. Отправить их с вечерними поездами военный комендант не мог и команде было разрешено переночевать в помещении вокзального агитпункта.

С первыми взрывами немецких снарядов и бомб старшина Басов вывел своих людей и занял с ними оборону на подступах к вокзалу с тем, чтобы прикрыть возможную отправку наших эшелонов на восток. Патронов у бойцов оказалось мало, но в одном из подвальных помещений был обнаружен склад боеприпасов, принадлежащий, видимо, военизированной железнодорожной охране. Теперь группа Басова могла вести длительный бой.

Вскоре к этой группе присоединилось несколько пограничников, которые под натиском врага с боем отступали со стороны Буга. Вслед за тем на дороге, ведущей к вокзалу, появился отряд гитлеровских мотоциклистов. Подпустив их поближе, бойцы дружным огнем уничтожили большую часть этой колонны.

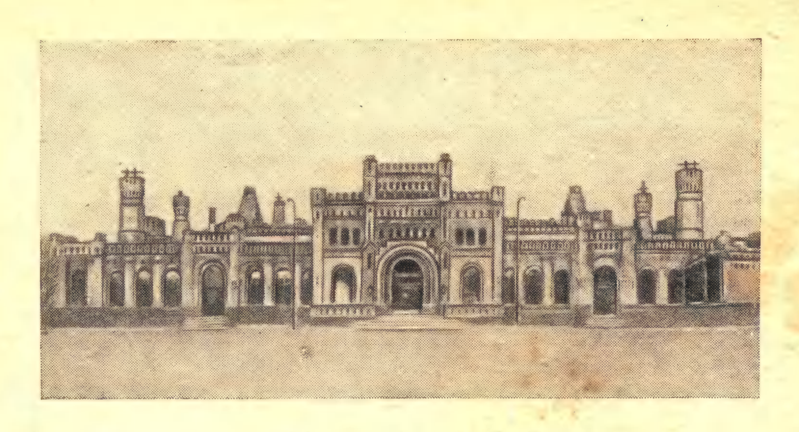
На смену мотоциклистам появились бронетранспортеры с автоматчиками. Враг подбрасывал к станции все новые силы, и маленький отряд Басова вынужден был отойти в здание вокзала, в залах которого к этому времени собралось несколько сот жителей Бреста, сбежавшихся сюда в надежде уехать с поездами на восток.

Фашистские самолеты непрерывно кружили над станцией, бомбили вокзал и здание постепенно разрушалось. Было ясно, что в вокзальных помещениях долго не продержишься. Но зато здесь были солидные подвалы, надежно защищавшие от бомб и дававшие полную возможность держать круговую оборону. В темноту этих подвалов и спустились все, кто находился на вокзале. У подвальных окон Басов расставил пулеметчиков и стрелков, и когда противник попытался штурмовать вокзал, точный, уверенный огонь осажденных отбросил его назад с большими потерями. Гитлеровцам пришлось начать правильную осаду. Подвалы вокзала превратились в маленькую крепость.

Однако положение осажденных было очень тяжелым. Они оказались почти совсем без продуктов питания. Маленький склад станционного буфета, находившийся в подвале, не мог обеспечить питанием всю эту массу людей даже на один день. И старшина Басов решил, что гражданское население должно покинуть подвал. Только для коммунистов было сделано исключение, и они, взяв оружие, встали в ряды бойцов.

Началась долгая и изнурительная борьба. Гитлеровцы прорвались в вокзал, но проникнуть в подвалы им не удавалось. Изо всех щелей, из подвальных амбразур бойцы зорко сторожили каждое движение врага и каждый день десятки гитлеровцев находили свою смерть под пулями стрелков Басова.

Ежедневно гитлеровское командование через громкоговорящие установки обращалось к защитникам

Брестский вокзал

вокзала с предложениями о капитуляции, обещая сохранить им жизнь. Но на эти предложения отвечали только выстрелами.

На третий или четвертый день фашисты попытались затопить подвалы. Были пущены в ход помпы и потоки воды устремились в помещения, занятые осажденными. Уже вскоре Басов и его бойцы оказались по пояс в воде, но они продолжали отстреливаться. Впрочем, гитлеровцы должны были отказаться от своего намерения — водопроводная сеть вышла из строя и поблизости неоткуда было взять воды, чтобы заполнить подвалы доверху.

Тогда у противника возник новый план. Плотно забаррикадировав двери в подвал, стараясь закрыть все отдушины, гитлеровцы пустили туда удушливый газ. И хотя часть бойцов при этом погибла, остальные уцелели и вели свою неравную борьбу.

Не удалась и попытка залить подвалы бензином и поджечь. В конце концов фашисты решили затопить

подвальные помещения нечистотами, которые непрерывно подвозили сюда на машинах.

Это была страшная по своему упорству и ожесточению борьба, продолжавшаяся больше двух недель. В полной темноте, голодные, до предела изнуренные люди, бродя по грудь или по горло в зловонной жиже, не выпускали из ослабевших рук винтовок и по-прежнему отвечали огнем на призывы врага сдаться в плен. Когда наступали минуты затишья, они слышали со стороны крепости гром артиллерии и треск перестрелки, и сознание того, что неподалеку от них ведут такую же упорную борьбу их товарищи, придавало этим измученным, полумертвым людям новые силы.

В первых числах июля старшина Басов с небольшой группой бойцов сделал попытку прорваться через кольцо врага. Ночью они выбили одну из дверей, забаррикадированных гитлеровцами, и вырвались из подвала. Те, что остались внизу, слышали, как у вокзала загремели разрывы гранат и вспыхнула перестрелка. Никто из этой группы не вернулся назад, и так и осталось неизвестным, удалось ли Басову со своими людьми прорваться или все они пали в неравном бою.

К концу первой декады июля в подвале уцелело всего несколько человек. Однажды ночью, переодевшись в штатское платье убитых здесь жителей Бреста, эти последние защитники вокзала осторожно выбрались наверх и, пользуясь темнотой, вышли из осады, пробираясь лесами и болотами к линии фронта. Так окончилась эта героическая борьба.

Между тем фронт день за днем, час за часом отодвигался все дальше. Наши войска, в большинстве своем еще никогда не воевавшие, серьезно расстроенные первым внезапным ударом врага, не могли сдержать натиска мощных, прекрасно вооруженных и закаленных в боях на Западе германских армий.

Несмотря на упорное, героическое сопротивление отдельных частей и соединений, фронт то здесь, то там оказывался прорванным, войска попадали в окружение, и дивизии Гудериана и Гота уже были глубоко в нашем тылу, стараясь сомкнуть свои танковые клещи позади советских частей, с тяжелыми боями отступавших из приграничных районов. День ото дня армии противника проникали все дальше вглубь страны, и потребовались долгие месяцы ожесточенной борьбы и напряжение всех сил и воли Коммунистической партии, армии и народа, чтобы зимой остановить врага уже далеко на востоке, под стенами Москвы.

Но эта будущая победа под Москвой, как и все последующие победы Советской Армии, ковалась именно в эти трагические и героические дни 1941 года на землях Белоруссии, Прибалтики и Украины. Кузнецами этой победы были сотни и тысячи безымянных героев-воинов, павших на безвестных рубежах, яростно дравшихся в окружении, пробивавшихся с оружием в руках к фронту через тылы врага или с тяжелыми арьергардными боями отступавших со всей массой наших войск вглубь страны. Их пули и гранаты, их снаряды и мины, их ответные удары по врагу уничтожили первые сотни тысяч чужеземных захватчиков — цвет и гордость гитлеровской армии — и заложили тем самым прочный фундамент будущей победы.

Борьба шла не только по всей ширине, но и по всей глубине огромного фронта, от тех рубежей, где в этот час находились авангарды германских танковых дивизий, до приграничных районов, где дрались окруженные части, где уже начинали свою боевую работу первые отряды партизан.

И, как боевое охранение всей огромной Страны Советов, как самый передовой, далеко выдвинутый на запад бастион нашей обороны над берегом Буга, в стенах старой русской крепости, стоящей на первых мет-

рах нашей земли, на самом первом рубеже войны, с невиданной стойкостью и упорством в кольце осады продолжал драться маленький гарнизон советских войск.

БОЕВЫЕ ДНИ И НОЧИ

Всю первую ночь при бледном, мерцающем свете ракет в крепости шла тихая, но напряженная работа. Артиллерия противника постреливала лишь изредка, ведя ленивый, беспокоящий огонь, атаки автоматчиков прекратились, на некоторых участках гитлеровцы оттянули войска за внешний вал. Пользуясь этой ночной передышкой, командиры, предугадывавшие на завтра новый, еще более ожесточенный штурм, обходили свои участки обороны, расставляли бойцов, перераспределяя огневые средства, учитывая запасы патронов. В сухой, прокаленной огнем и дневным солнцем земле копали могилы, наскоро хороня павших товарищей. Собирали оружие и патроны убитых врагов, рылись в развалинах обрушенных складов, пополняя свой боезапас.

Кое-где соседние подразделения, днем отрезанные друг от друга группами просочившихся в крепость автоматчиков, теперь смогли восстановить между собой связь и условиться о взаимодействии в завтрашних боях. Установил контакт с полковым комиссаром Фоминым командир из 455-го стрелкового полка лейтенант Анатолий Виноградов, который с несколькими десятками своих бойцов держал оборону в северной части кольцевых казарм. К Фомину прислал связного также капитан Иван Зубачев, возглавивший оборону на участке 44-го полка в западной части Центрального острова.

В районе Тереспольских ворот с наступлением темноты произошла некоторая перегруппировка наших сил. Пограничники во главе с лейтенантом Кижевато-

вым покинули развалины своей заставы и присоединились к бойцам 333-го полка. С этих пор Андрей Кижеватов вместе со старшим лейтенантом Потаповым и лейтенантом Саниным стал одним из руководителей обороны на этом участке. В эту ночь командиры отправили отсюда связных в сторону расположения 84-го полка, и вскоре между ними и полковым комиссаром Фоминым, устроившим свой штаб в подвале Белого дворца, была протянута телефонная линия. Правда, связь эта оказалась ненадежной и существовала недолго — немецкие снаряды, время от времени рвавшиеся во дворе цитадели, то и дело обрывали кабель.

Капитан И. Н. Зубачев

Усталые бойцы в эту ночь почти не смыкали глаз или дремали поочередно, урывками, — надо было зорко следить, чтобы враги не подобрались под покровом темноты и не атаковали внезапно. Но командование противника, видимо, решило дать в эту ночь отдых своим пехотинцам, до предела измотанным во вчерашних ожесточенных боях. Враг пополнял поредевшие штурмовые отряды, подтягивал свежие подразделения, эвакуировал раненых и тоже хоронил убитых. Ночь прошла довольно спокойно.

А с утра все началось снова, с удвоенной силой. С первыми проблесками рассвета артиллерия противника, теперь уже расставленная по всему кольцу осады, стала засыпать крепость снарядами, и пикиров-

щики закружились над головами бойцов. Снова все вокруг заволокло дымом, опять здесь и там вспыхнули пожары, и вдоль всей линии обороны затрещали пулеметы, автоматы и винтовки. Штурм крепости возобновился.

И опять, как вчера, группы автоматчиков прорывались через валы, проникали в северную часть крепости и настойчиво атаковали центральную цитадель. Отряды противника вышли на северный берег Мухавца и засели в кустах по обе стороны моста, ведущего к трехарочным воротам. Их пулеметы непрерывно обстреливали оттуда окна и бойницы казарм, и несколько раз автоматчики форсировали вброд рукав Мухавца, врываясь на восточный угол Центрального острова. Тогда Матевосян, которому комиссар Фомин поручил этот участок обороны, выводил своих людей из ограды Белого дворца в штыковую атаку.

Сквозь грохот взрывов и треск стрельбы слышался певучий и тревожный звук горна, играющего сигнал атаки, в перестук пулеметов и автоматов вплеталась раскатистая, сухая дробь барабана — горнист и барабанщик полка шли в рядах атакующих бойцов. Уже один вид этих людей, покрытых пылью и пороховой копотью, с измученными, но суровыми и решительными лицами, с воспаленными от дыма и бессонницы глазами, был страшным для врага. Их громовое «ура», их стремительный штыковой удар неизменно обращали противника в бегство. Каждый раз попытки фашистов закрепиться на северо-восточной окраине Центрального острова заканчивались потерей нескольких десятков своих автоматчиков.

Противник по-прежнему атаковал казармы и со стороны Южного острова, через Холмский мост. Но здесь бойцы комиссара Фомина уверенно отражали этот натиск огнем из окон первого и второго этажей. Теперь у них были не только пулеметы и винтовки. В

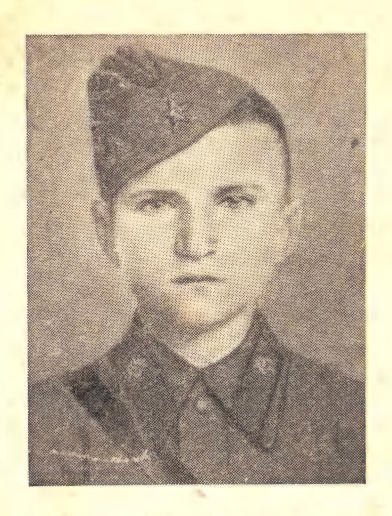
одном из складов боепитания, уцелевшем от вражеского обстрела, были найдены автоматы ППД, которыми тут же вооружилась часть стрелков. Полковые минометчики нашли в этом складе небольшой запас мин и теперь стреляли из окон по расположению противника в районе госпиталя. Возникло даже своеобразное состязание в меткости стрельбы: минометчики били по большому флагу со свастикой, который был поднят над крышей главного госпитального корпуса. Дважды гитлеровцы устанавливали этот флаг и дважды минометчики сбивали его.

В этот день автоматы и минометы появились и в расположении 333-го полка. Еще накануне боеприпасы здесь были на исходе: стрелки израсходовали почти все свои патроны в непрерывных боях первого дня. За ночь удалось собрать несколько немецких автоматов и обойм с патронами — их сняли с убитых солдат противника. Но этого хватило бы ненадолго, и люди с тоской думали о том, что произойдет, когда этот небольшой запас патронов иссякнет.

И вдруг положение было спасено благодаря подростку, воспитаннику музыкантского взвода 333-го полка Пете Клыпе.

Пете Клыпе было четырнадцать лет, но небольшой рост делал его скорее похожим на 10—12-летнего мальчика. Очень подвижной, сообразительный и смелый, он был всеобщим любимцем.

Сын старого коммуниста, железнодорожника из Брянска, рано потерявший отца, он уже с двенадцати лет ушел в армию, где служили его старшие братья. Так попал он и в Брестскую крепость — его брат лейтенант Николай Клыпа был командиром музыкантского взвода 333-го полка, а Петя был зачислен в этот же взвод воспитанником и играл в оркестре на трубе. Облаченный в новенькую красноармейскую форму, сшитую специально для него, он носил ее с особым

Воспитанник Петя Клыпа.
1941 г.

П. С. Клыпа.
1956 г.

мальчишеским достоинством, с безупречной военной выправкой, и все в крепости знали и любили этого маленького смышленого бойца.

Вечером в субботу лейтенант Николай Клыпа, как обычно, ушел на свою квартиру, находившуюся вне крепости, и с началом войны уже не смог присоединиться к своему взводу. Петя же по случайности остался ночевать в казарме музыкантов вместе со своим товарищем, таким же, как он, воспитанником, шестнадцатилетним Колей Новиковым. Там его и застало нападение гитлеровцев.

Хотя в первые же минуты вражеского обстрела Петя был оглушен и контужен взрывом снаряда, так что даже на время потерял сознание, он, очнувшись, не испугался происходящего вокруг. Окровавленный полуголый мальчик тотчас же схватился за оружие,

готовый встретить врага, и командиры ставили его в пример некоторым растерявшимся бойцам.

Быстро оправившись от контузии, Петя принялся выполнять поручения командиров. Лежа под огнем на втором этаже здания, он наблюдал за передвижением противника и доносил о нем лейтенанту Санину. Посланный в разведку, он смело пробирался под обстрелом на самые опасные участки, и ему обычно сопутствовал его старший товарищ Коля Новиков. Когда гитлеровцы ворвались в цитадель и начались штыковые атаки и рукопашные схватки, Петя шел в бой в первых рядах бойцов и смело сражался бок о бок со взрослыми мужчинами.

На второй день на рассвете мальчики попросили разрешения у старшего лейтенанта Потапова сходить в разведку. Их отпустили, поручив выяснить расположение вражеских пулеметов на берегу Буга.

Пробравшись по подвалам к окну, выходящему в сторону Тереспольских ворот, Петя, оставив товарища внизу, осторожно выбрался наружу. Чтобы добежать до ворот, надо было проскочить метров пятнадцать по открытому пространству. Мальчик бросился вперед, но навстречу ему, откуда-то с башни, возвышающейся над воротами, протрещала автоматная очередь. Возвращаться назад было уже поздно, и Петя стремглав кинулся в ближайшее помещение кольцевых казарм рядом с воротами.

Это были конюшни пограничников — длинный ряд сообщающихся друг с другом помещений. Пробираясь из конюшни в конюшню к западной оконечности острова, Петя вдруг наткнулся на уцелевший склад боеприпасов и оружия. Тут на аккуратных стеллажах лежали новенькие, недавно привезенные в крепость автоматы, покрытые слоем густой смазки, громоздились штабеля ящиков с патронами, гранатами, минами. И хотя этот склад находился в самом западном углу

казарм, обращенном в сторону противника, он по какой-то счастливой случайности остался неразрушенным.

Мальчик радостно кинулся назад и пять минут спустя вдвоем с Колей Новиковым доложил командирам о своей находке. Тотчас же на склад отрядили бойцов, и оба воспитанника вместе с ними принялись таскать ящики, ловко перебегая открытое место, по которому то и дело стрелял немецкий автоматчик с Тереспольской башни. Они стали настоящими героями дня, эти два мальчика, благодаря которым бойцы получили возможность успешно и долго продолжать борьбу на этом участке.

Те же ребята из окон западной части казарм заметили большой понтонный мост через Буг, который фашисты навели за ночь около крепости. По мосту непрерывным потоком переправлялась немецкая пехота, шли тяжело нагруженные машины с боеприпасами, тянулись обозы.

Минометчики, в достатке снабженные теперь минами, тотчас же взяли этот мост под обстрел. Первые же мины, разорвавшиеся на дощатом настиле моста, наглухо закупорили движение. Одна из машин, поврежденная взрывом, съехала в воду, другой грузовик беспомощно остановился посредине моста, загораживая дорогу. Солдаты в панике бросились на берег, но мины догоняли их, и там и в самой гуще толпы, скопившейся у переправы, то и дело вставали черные дымные столбы разрывов. Немецкая артиллерия поспешно открыла ответный огонь, стараясь подавить минометы, но они были надежно укрыты в помещениях казарм, и обстрел переправы продолжался, преграждая врагу путь через Буг.

С еще большим ожесточением, чем накануне, развернулись в этот день бои в северной части крепости. Роты Гаврилова, окопавшиеся на валах, огнем отби-

вали одну атаку за другой, и все попытки автоматчиков форсировать обводной канал и взобраться на валы были тщетными. Каждый раз десятки трупов оставались на берегу канала, а уцелевшие гитлеровцы опрометью бросались назад, пытаясь укрыться в зарослях кустарника на противоположном берегу, где они уже успели нарыть целую сеть окопов и траншей.

Несколько раз из этих кустов выходили и танки. Их подпускали вплотную к валу и забрасывали гранатами. Одну из машин удалось подбить, и гитлеровцы оттащили ее назад на буксире.

И все же группе танков удалось прорваться через северные ворота. Хотя пехота была отсечена от них огнем стрелков Гаврилова, две или три машины прошли в район домов комсостава и затем, проскочив через мост у трехарочных ворот, появились в центральном дворе крепости. Остановившись неподалеку от ворот, один из танков стал прямой наводкой обстреливать казармы.

И тогда из подвала здания 333-го полка выбежали два смельчака. Они решили принять бой с немецкой машиной. Это были помощник начальника штаба 44-го полка старший лейтенант Семененко и неизвестный старшина-артиллерист.

Прямо на площади перед подвалом находился артиллерийский парк 333-го полка. В канун начала войны здесь стояло несколько орудий. Большинство из них было исковеркано и разбито взрывами немецких снарядов, но одна из пушек оказалась еще исправной. Ее-то и решили обратить против прорвавшегося танка двое смельчаков, тем более, что рядом с орудием на земле валялись ящики со снарядами.

Во дворе рвались немецкие мины, но, невзирая на обстрел, старшина и Семененко лихорадочно работали, поворачивая пушку в сторону танка. Панорама орудия оказалась разбитой, но старшина наводил его по

Старший лейтенант
А. И. Семененко. 1941 г.

А. И. Семененко.
1956 г.

стволу. Семененко подал первый снаряд. Пушка выстрелила, и у самых гусениц танка взметнулось черное облако разрыва.

Немцы, видимо, заметили орудие, и башня танка стала медленно поворачиваться в его сторону. Но уже второй снаряд был заложен в казенник, и, прежде чем наводчик в фашистском танке успел прицелиться, этот снаряд ударил прямо в башню, заклинив ее. Потом последовало еще два выстрела, и машина беспомощно задергалась на месте — она была подбита. Но в следующую минуту на площадке артпарка стали рваться мины, и оба артиллериста-добровольца устремились назад, к подвалу. Цель была достигнута: гитлеровцы прицепили этот танк к другой машине и оттянули его за крепостные ворота.

А в это время в северной части крепости у главных входных ворот появилась вторая группа танков.

И тогда с ними вступили в бой зенитчики из отряда майора Гаврилова.

После бомбежек в строю оставалось только одно орудие. Тяжело раненный лейтенант — командир огневого взвода — не уходил от пушки, кое-как сделав себе перевязку. И когда первый танк появился в тоннеле ворот, он, превозмогая слабость, встал к орудию.

Гитлеровские танкисты обнаружили зенитчиков после первого же выстрела. Приостановившись в воротах, танк стал посылать снаряд за снарядом. Но прежде чем вражеский артиллерист успел пристреляться, метко пущенный снаряд зенитчиков угодил в фашистскую машину, и она, дымясь, осталась стоять в узких воротах, загораживая собою путь остальным танкам.

Но молодой лейтенант, который, несмотря на свою рану, лично наводил орудие, заплатил за этот успех жизнью. Последние силы покинули его, лейтенант упал на пушку, и подбежавшие к нему бойцы увидели, что их командир мертв.

Когда о его смерти доложили майору Гаврилову, командир отряда, своими глазами видевший этот поединок танка и зенитки, тотчас же вызвал своего начальника штаба капитана Касаткина:

— Немедленно оформите ходатайство о присвоении посмертно звания Героя Советского Союза. Как только придут наши, я передам эту бумагу командованию.

Но этот документ, как и многие другие, пропал во время боев в крепости, и даже фамилия героя-артиллериста доныне остается неизвестной.

День уже клонился к вечеру, когда наступило недолгое затишье и огонь противника по крепости заметно ослабел. В это самое время бойцы, дежурившие у амбразур северного сектора кольцевых казарм, увидели, как на противоположном берегу Мухавца появи-

лась фигура человека, одетого в форму советского командира. Человек, выбежав из-за земляного вала, стремительно метнулся к реке и, как был в одежде и сапогах, бросился в воду и поплыл через Мухавец к казармам. К счастью, враг пока еще не заметил его и вслед плывущему не раздалось ни одного выстрела.

Опасаясь провокации, стрелки у амбразур взяли неизвестного на прицел, настороженно наблюдая за ним. Но командир, видимо, понимая, что его могут принять за вражеского лазутчика, уже подплывая к берегу, крикнул:

— Не стреляйте! Я свой!

В следующую секунду он выбежал на берег, и, прежде чем немецкий пулеметчик, лежавший на гребне вала, успел дать первую очередь, пришелец вскочил в ближайшее окно и оказался в безопасности, в одном из казарменных отсеков среди бойцов, тотчас же обступивших его.

Те, которые служили в 44-м полку, сразу узнали в этом командире начальника полковой школы старшего лейтенанта Василия Бытко. До нитки мокрый, в полной командирской форме, даже с портупеей через плечо и с полученным в Финляндии орденом Красной Звезды на гимнастерке, он стоял перед своими бойцами, сжимая в руке еще теплый от недавних выстрелов пистолет. Оказалось, что Бытко сумел пробиться с боем сквозь кольцо вражеских войск, обложивших крепость, и пришел к осажденным, чтобы принять командование над подразделениями своей школы.

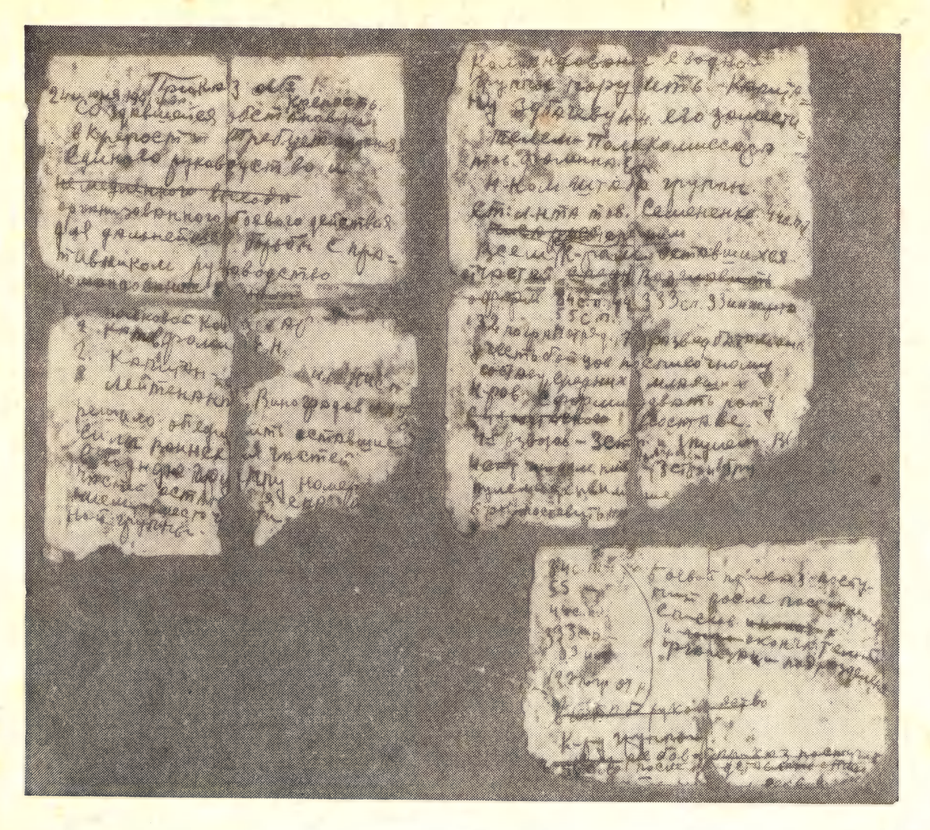
Весть о приходе старшего лейтенанта, который в одиночку сумел пройти через кольцо осады, была встречена защитниками крепости с восторгом. По всей линии северного сектора казарм вдруг прокатилось

протяжное ликующее «ура», и вместе с этим возгласом из отсека в отсек передавалась волнующая новость о командире, пробившемся в крепость. А Бытко уже уверенно распоряжался, обходя линию обороны на этом участке, расставляя по-новому бойцов, давая указания сержантам и старшинам. Один вид этого волевого, энергичного командира вызывал у бойцов новый прилив сил, внушал им новые надежды на скорое освобождение, укреплял их волю к борьбе.

...Утром на третий день гитлеровцы предприняли сильную атаку из северной части крепости на центральные казармы. У моста и трехарочных ворот завязался упорный бой. Атаку удалось отбить, но при этом был тяжело ранен комсорг Матевосян, которого товарищи отнесли в подвал Белого дворца. Гитлеровцы, откатившись назад, больше не атаковали, но вскоре над Центральным островом загудели «Юнкерсы», начавшие долгую и методическую бомбардировку казарм.

У защитников крепости бомбежка считалась как бы временем отдыха. Атаки немецкой пехоты прекращались с появлением самолетов, и тогда почти все бойцы спускались в глубокие подвалы, где они были в безопасности от бомб. Только дежурные пулеметчики неизменно оставались на местах и лежали под бомбежкой, зорко следя, чтобы противник нигде не воспользовался ослаблением нашей обороны.

В этот день, 24 июня, бомбежка была особенно длительной, и такая долгая «передышка» позволила группе наших командиров, возглавлявших участки обороны в центре крепости, собраться на совещание. Обсудив обстановку и приняв необходимые решения, участники совещания составили приказ, который лейтенант Виноградов, сидя у подвального оконца, тут же набросал на нескольких листках бумаги.

Приказ № 1

Много лет спустя, уже после войны, при разборке крепостных развалин, были найдены под камнями эти маленькие полуистлевшие листки. Из них впервые стали известны имена людей, взявших на себя в те страшные дни руководство обороной крепости.

В этом «Приказе № 1» от 24 июня 1941 года говорилось о том, что создавшаяся обстановка требует организации единого руководства обороной крепости для дальнейшей борьбы с противником и что собравшиеся командиры решили объединить все свои подразделения в одну сводную группу.

Опытному боевому помощнику командира 44-го полка, старому коммунисту, в прошлом участнику гражданской войны и участнику боев с белофиннами, капитану Ивану Николаевичу Зубачеву было поручено возглавить эту сводную группу. Его заместителем по политической части стал полковой комиссар Фомин, а начальником штаба группы — старший лейтенант Семененко. Приказ предписывал также всем средним командирам произвести учет своих бойцов и разбить их на взводы.

Дописать этот приказ не удалось: бомбежка кончилась, автоматчики снова кинулись в атаку, и командиры поспешили наверх к своим подразделениям. А затем бои приняли такой ожесточенный характер, что оказалось просто невозможно составить списки сражающихся бойцов: и состав подразделений и расположение наших сил все время менялись в зависимости от постоянно меняющейся обстановки и все возрастающего натиска противника.

Но хотя «Приказ № 1» во многом оказался невыполненным и неисполнимым, он сыграл важную роль в обороне крепости. Организация единого командования в центре цитадели укрепила нашу оборону, сделала ее более прочной и гибкой.

БУДЕМ ДРАТЬСЯ ДО КОНЦА!

Давно смолк дальний гул пушек на востоке — фронт ушел за сотни километров от границы. Теперь в моменты ночного затишья вокруг крепости стояла тишина глубокого тыла, нарушаемая лишь ноющим гуденьем бомбардировщиков дальнего действия, проплывающих высоко в небе. Но затишье случалось редко. Обстрел крепости и атаки пехоты не прекращались ни днем, ни ночью, противник старался не давать осажденным отдыха, надеясь, что измотанный в этих непрерывных боях гарнизон вскоре капитулирует.

С каждым днем становились все более призрачными надежды на помощь извне. Но надежда помогала жить и бороться, и люди заставляли себя надеяться и верить. Время от времени стихийно возникал и мгновенно разносился по крепости слух о том, что началось наше наступление, что в район Бреста подходят наши танки. Эта весть вызывала новый прилив сил у бойцов, они с удвоенным упорством отстаивали свои рубежи и еще яростнее становились их ответные удары по врагу. И хотя слухи о помощи всегда оказывались ложными, они возникали снова, и всякий раз им безоговорочно верили.

Когда однажды ночью над крепостью прошел отряд наших дальних бомбардировщиков, их тотчас же узнали по звуку моторов. А когда еще несколько минут спустя где-то далеко на западе, в районе ближайшего железнодорожного узла за Бугом, загромыхали глухие взрывы, все поняли, что советские самолеты бомбят эшелоны противника, и крепость возликовала. Люди закричали «ура», кое-где открыли огонь по расположению врага, гитлеровцы всполошились, и их артиллерия тотчас же возобновила обстрел цитадели.

В другой раз над крепостью днем появился наш истребитель. Одинокий советский самолет, неведомо как залетевший сюда с далекого фронта, неожиданно вынырнул из-за облаков, снизился над Центральным островом и, сделав круг, приветственно покачал крыльями, на которых ясно были видны родные советские звезды. И такое восторженное, неистовое «ура» разом огласило всю крепость, что, казалось, летчик должен услышать этот многоголосый крик, несмотря на оглушительный грохот снарядов и рев мотора своей машины.

А потом со стороны границы примчалось несколько «Мессершмиттов», и настороженно притихшая крепость сотнями глаз взволнованно следила, как истребитель, отстреливаясь короткими очередями от наседающих врагов, уходит все дальше на восток, постепенно взбираясь все выше к спасительным облакам, пока, наконец, самолеты не растаяли в небе. Но весь этот день осажденные дрались с особенным подъемом, и даже многие тяжело раненные выползли на линию обороны с винтовками в руках. Никто не сомневался в том, что этот одинокий самолет был послан командованием, чтобы ободрить защитников крепости и дать им понять, что помощь не за горами. Как бы то ни было, неизвестный советский летчик сумел вдохнуть в защитников крепости новые силы и на время внушил им твердую уверенность в успешном исходе обороны.

Но время шло, помощь не приходила, и по всему становилось ясно, что обстановка на фронте сложилась пока что неблагоприятно для наших войск. И хотя люди еще заставляли себя верить, каждый в глубине души уже начинал понимать, что благополучный исход день ото дня становится все более сомнительным. Впрочем, стоило кому-нибудь заикнуться вслух об этих сомнениях, как товарищи резко обрывали его.

Среди осажденных как бы установилось молчаливое, никем не высказанное условие — не заговаривать о трудностях борьбы, не допускать ни малейшей неуверенности в победе.

Будем драться до конца, каков бы ни был этот конец! Это решение, нигде не записанное, никем не произнесенное вслух, безмолвно созрело в сердце каждого защитника крепости. Маленький гарнизон, наглухо отрезанный от своих войск, не получавший никаких приказов от высшего командования, знал и понимал свою боевую задачу. Чем дольше продержится крепость, тем дольше полки пехоты врага, стянутые к ее стенам, не попадут на фронт. Значит, надо драться еще упорнее, выиграть время, сковать эти силы противника здесь, в его глубоком тылу, наносить врагу возможно больший урон и тем самым хоть немного ослабить его наступательную мощь. Значит, надо драться еще ожесточеннее, еще смелее, еще настойчивее и как можно дороже продавать свою жизнь.

И они дрались с необычайным ожесточением, с невиданным упорством, проявляя удивительное презрение к смерти.

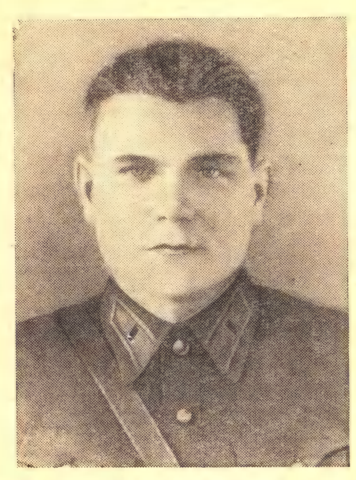
Раненные по нескольку раз люди не выпускали из рук оружия и продолжали оставаться в строю. Истекающие кровью, обвязанные окровавленными бинтами и тряпками, они, собирая последние силы, шли в штыковые атаки. Даже тяжело раненные старались не оставить своего места в цепи обороняющихся. Если же рана была такой серьезной, что уже не оставалось сил для борьбы, бойцы нередко кончали с собой, чтобы избавить товарищей от забот о себе и в дальнейшем не попасть живыми в руки врага. Много раз в эти дни защитники крепости слышали последнее восклицание: «Прощайте, товарищи! Отомстите за меня!», за которым тотчас же следовал выстрел...

В первые дни боев в северной части крепости, в районе домов комсостава, гитлеровцы захватили в плен группу наших бойцов и командиров во главе с раненым комбатом 125-го полка капитаном Владимиром Шабловским. Вместе с этой группой в плен попало несколько женщин и детей, в том числе жена Шабловского и его четыре маленькие дочки, старшей из которых было восемь лет, а младшей — восемь месяцев.

Под усиленным конвоем автоматчиков пленных повели в тыл. Измученные, истерзанные люди с трудом брели, поддерживая друг друга. Шабловский шел с рукой на перевязи, неся на другой, здоровой руке младшую дочь. На пути колонны оказался мост. Когда пленные дошли до его середины, капитан поцеловал девочку, передал ее жене и, громко крикнув товарищам: «Слушай мою команду! За мной!», бросился через перила моста в воду. Несколько бойцов тотчас же последовали за командиром. Автоматчики открыли бешеную стрельбу, и все, кто прыгнул, были перебиты тут же, в воде. Но они и искали смерти, а не спасения — раненные и обессиленные, они все равно не смогли бы спастить вплавь.

Гибель капитана Шабловского и его бойцов произвела сильное впечатление даже на врагов. Гитлеровцы тотчас же повернули всю колонну назад и отвели пленных в Брестскую городскую тюрьму. А когда день или два спустя через этот же мост вели группу наших женщин с детьми, захваченных в крепости, пожилой немецкий солдат, конвоировавший их, вдруг рассказал им о том, как погибли русский капитан и его бойцы, и в тоне этого рассказа слышалось почтительное удивление врага перед бесстрашием советских воинов.

Гитлеровских генералов и офицеров, командовавших штурмом крепости, бесило это неожиданное для них упорство осажденных. Их части надолго застряли

Капитан В. В. Шабловский

здесь, на первых метрах советской земли, тогда как авангарды наступающей немецко-фашистской армии уже овладели Минском и двигались дальше в направлении Смоленска и Москвы. В то время как там, на фронте, наступавшие войска стяжали победные лавры, получали ордена, захватывали в городах и селах богатые трофеи, здесь, у стен Брестской крепости, в глубоком тылу, немецких офицеров подстерегали не только меткие пули советских стрелков, но и явное неудовольствие своего командования. Из ставки Гитлера то и дело запрашивали, почему крепость еще не взята, и тон этих запросов с каждым днем становился все более недовольным и раздраженным. Но крепость продолжала сражаться, хотя осаждающие не останавливались ни перед какими мерами, чтобы скорее сломить сопротивление гарнизона.

Все новые батареи подтягивались к берегу Буга. Уже без передышки, день и ночь, продолжался обстрел крепости. Мины дождем сыпались во двор цитадели, методично перепахивая каждый квадратный метр территории, кромсая осколками кирпичные стены казарм, превращая в лохмотья железо крыш. Крупнокалиберные штурмовые орудия врага постепенно разрушали крепостные строения. С первых же дней гитлеровцы стали применять при обстреле снаряды, разбрызгивающие горючую жидкость, а вскоре

в дополнение к ним в крепости появились немецкие огнеметы. Вперемешку с бомбами с самолетов, то и дело налетавших на крепость, сбрасывали бочки и баки с бензином, и порой некоторые участки крепости превращались в сплошное море огня.

Здесь и там стены зданий, служивших убежищем для защитников крепости, под бомбами и снарядами штурмовых пушек становились дымящимися развалинами, где, казалось, не могло остаться ничего живого. Но проходило немного времени, и из этих руин снова раздавались пулеметные очереди, трещали винтовочные выстрелы: уцелевшие бойцы, раненые, опаленные огнем, оглушенные взрывами, продолжали борьбу.

По ночам противник посылал к казармам группы своих диверсантов-подрывников. Таща за собой ящики с толом, они старались подползти к зданиям, занятым защитниками крепости, и заложить взрывчатку. Партии саперов пробирались в наше расположение по крышам и чердакам, спуская пачки тола через дымоходы. В темноте чердаков вспыхивали внезапные рукопашные и гранатные бои, здесь и там раздавались неожиданные взрывы, обрушивались потолки и стены, засыпая бойцов. Но и оглушенные, израненные, полузадавленные этими обвалами люди не выпускали из рук оружия. Вот как описана в немецком донесении одна из таких операций саперов: «Чтобы уничтожить фланкирование из дома комсостава на Центральном острове, туда был послан 81-й саперный батальон с поручением подрывной партией очистить этот дом. С крыши дома взрывчатые вещества были опущены к окнам, а фитили зажжены; были слышны крики, стоны раненых при взрыве русских, но они продолжали стрелять».

Враг уже не гнушался никакими, самыми подлыми средствами, стремясь скорее подавить упорство осажденных. Захватив госпиталь и перебив находившихся

там больных, группа автоматчиков, надев больничные халаты, попыталась перебежать в центральную крепость через мост у Холмских ворот. Но бойцы Фомина успели разгадать этот маскарад, и попытка врага была сорвана. В другой раз, атакуя на этом же участке, солдаты противника погнали перед собой толпу медицинских сестер, взятых в плен в госпитале, а когда наши пулеметчики огнем с верхнего этажа казарм отбили и эту атаку, гитлеровцы сами перестреляли женщин, за спинами которых им не удалось укрыться. Во время штурма восточного форта фашисты выставили впереди своих атакующих цепей шеренгу пленных советских бойцов, и защитники форта слышали, как эти пленные кричали им: «Стреляйте, товарищи! Стреляйте, не жалейте нас!»

С первых дней враг стал засылать в крепость своих агентов, переодетых в форму советских бойцов и командиров. То это были провокаторы, которые делали вид, что они бежали из немецкого плена, и распускали всевозможные панические слухи, стараясь смутить дух осажденных. То это были прямые диверсанты, исподтишка поражавшие защитников крепости предательскими выстрелами в спину. Но уже вскоре наши воины научились распознавать лазутчиков врага, и их быстро вылавливали и уничтожали.

Каждый день над крепостью на смену бомбардировщикам появлялись маленькие трескучие самолеты, разбрасывавшие листовки. В этих листовках, заранее отпечатанных в Берлине, говорилось о том, что германские войска заняли Москву, что Красная Армия капитулировала и что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Потом стали сбрасывать листовки с обращением непосредственно к гарнизону крепости, где гитлеровское командование, отмечая мужество и стойкость осажденных, пыталось доказать бесполезность борьбы и предлагало защитникам крепости «почетную

капитуляцию». Но на все эти призывы крепость отвечала огнем. Однажды на участке 84-го полка бойцы залпами из винтовок сбили немецкий самолет, разбрасывавший листовки. В другой раз стрелки Фомина собрали десятка два таких листовок, и на каждой из них старшина Меер, немец из Поволжья, нарисовал свинью с усиками Гитлера, подписав внизу по-немецки: «Не бывать фашистской свинье в советском огороде!» Тут же группа комсомольцев отправилась «на охоту», и вскоре в расположение полка был доставлен пленный гитлеровец. Его с ног до головы оклеили листовками и в таком виде отправили назад, к своим.

Когда наступали минуты затишья, в разных местах крепости начинали работать немецкие громкоговорящие установки. Они также передавали обращения к гарнизону, призывая осажденных сложить оружие и обещая всем сдавшимся «хорошее обращение, питание и заботливый уход за ранеными». Впрочем, день ото дня тон этих обращений становился все более угрожающим, и вкрадчивые уговоры сменялись зловещими ультиматумами, в которых защитникам крепости давалось на размышление полчаса или час, после чего противник грозил «стереть крепость с лица земли и смешать с землей ее гарнизон». Но и на эти угрозы бойцы отвечали выстрелами, а однажды в ответ на такую передачу над северными воротами крепости появилось полотнище, на котором кровью было написано: «Все умрем, но крепости не сдадим!»

Обычно после передачи очередного ультиматума немцы прекращали обстрел крепости и наступала мертвая тишина, нарушаемая лишь громким голосом диктора, время от времени повторявшего: «Осталось десять минут!», «Осталось пять минут!» И как только истекал назначенный срок, на крепость разом обру-

шивался шквальный огонь немецких пушек и минометов и начиналась жестокая бомбежка с воздуха.

При этом враг применял все более тяжелые фугасные бомбы, взрывов которых не выдерживали наиболее мощные крепостные строения, а в глубоких подвалах, где укрывались бойцы, трескались бетонные полы и у людей от сотрясения воздуха шла кровь из носа и ушей.

Особенно ожесточенную бомбежку крепости предпринял противник в воскресенье 29 июня. На этот раз на цитадель было решено обрушить самые тяжелые бомбы.

С утра жители Бреста обратили внимание на то, что на крышах высоких зданий города сидят офицеры, глядя в бинокли в сторону крепости. Гитлеровцы заранее хвастливо говорили жителям, что сегодня защитники цитадели должны будут выбросить белый флаг. В ясном летнем небе над крепостью закружились десятки бомбардировщиков, и тотчас же раздались мощные оглушительные взрывы бомб, от которых сотрясался весь город до самых дальних окраин и в стенах домов образовывались трещины, как при землетрясении. Крепость окутало дымом и пылью, и издали было видно, как там в страшных вихрях взрывов взлетают высоко вверх вырванные с корнем вековые деревья. Казалось, что и в самом деле после такой бомбежки в крепости не останется ничего живого.

Но когда бомбежка кончилась, а дым и пыль рассеялись, офицеры на крышах напрасно смотрели в бинокли — над развалинами и остатками зданий нигде не было видно белого флага. Можно было подумать, что там не осталось никого живого, но прошло несколько минут, и снова послышались пулеметные очереди и трескотня винтовок. Люди, нивесть как уцелевшие среди этого урагана взрывов, продолжали борьбу.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

Тяжелейшие бомбежки, непрерывный артиллерийский и пулеметный обстрел, нарастающие атаки пехоты, огромное численное и техническое превосходство врага — все это делало невероятно трудной борьбу героического гарнизона Брестской крепости. Но это были трудности чисто военного характера, которые неизбежно сопровождают нелегкую профессию воина и к которым его загодя готовят. Только здесь они приняли свои крайние формы, возросли до высших степеней.

Однако с первых же дней осады ко всему этому прибавились трудности иного порядка, поставившие гарнизон в небывало тяжелые условия. Не только сама борьба, но и вся жизнь, весь быт осажденного гарнизона с самого начала обороны были отмечены сверхчеловеческим напряжением как физических, так и моральных сил людей. Эти особые условия и придают эпопее защиты Брестской крепости тот исключительно героический и трагический характер, который делает ее неповторимой страницей в истории Великой Отечественной войны.

Мужество защитников Одессы и Севастополя, железная стойкость ленинградцев, героические подвиги участников великой Сталинградской битвы, победы наших наступающих войск в 1944—1945 годах — все эти славные дела Советской Армии навсегда останутся в памяти человечества как непревзойденные образцы воинской доблести. Но поистине замечательные боевые качества, проявленные в этих сражениях советским воином и прочно утвердившие за ним славу лучшего солдата в мире, были бы немыслимы без той суровой школы, которую пришлось пройти нашим войскам в памятные первые месяцы войны. В десятках и сотнях арьергардных боев, в больших сражениях и в мелких стычках закалялось мужество, вырабатыва-

лось и оттачивалось воинское мастерство наших бойцов и командиров; переживая горечь поражений, они укрепляли свою волю к борьбе, и на тяжких дорогах отступления копилась в их сердцах та священная ненависть к врагу-захватчику, без которой была бы невозможна их будущая победа.

У защитников Брестской крепости не было позади этой суровой и долгой школы. То, что произошло здесь, на берегах Буга, 22 июня 1941 года и продолжалось более чем месяц, было их первым боевым крещением и для них как бы вместило в себя всю будущую войну. В кольце осады, засыпаемая снарядами и бомбами, крепость была как бы маленькой Одессой и маленьким Севастополем. Как героические ленинградцы, защитники цитадели с великим мужеством встречали невыносимые лишения, продолжая свою борьбу. Они стояли насмерть на развалинах крепости и дрались с таким же ожесточением, как герои Сталинграда.

Но Одесса и Севастополь, Ленинград и Сталинград каждый день и час ощущали живую, неразрывную связь с Родиной. Вся могучая Отчизна была с ними в эти дни, весь народ с волнением следил за ними, воля великой Коммунистической партии постоянно вдохновляла их в неравной борьбе, и все их действия уверенно и твердо направлялись Верховным Главнокомандованием. Вся страна заботилась о том, чтобы гарнизоны городов-героев, осажденные, отрезанные, блокированные врагом, ни в чем не испытывали нужды. Радио и газеты разносили по всему миру вести об их героической борьбе, и имена отважных воинов были у всех на устах.

Всего этого были лишены защитники Брестской крепости. В самый грозный и страшный час в жизни народа, когда сердце каждого советского человека было полно глубокой тревоги за судьбы Родины, стена

огня и смерти наглухо отгородила маленький гарнизон, сражающийся у границы, и единственными известиями, проникавшими к ним извне, были лживые сообщения немецких листовок и немецких радиоагитаторов, твердивших о разгроме Советской Армии, о падении Москвы, о капитуляции Советского Союза. Они не получали никаких приказов своего командования, им не сбрасывали с самолетов боеприпасов и продуктов, о них не писали в газетах, и страна даже не знала о том, что они ведут борьбу. Обращаясь мыслями к Родине, к ушедшим на восток товарищам, к своим родным и близким, они испытывали чувство мучительной, тревожной неизвестности. Обращаясь мыслями к своей судьбе, они не могли видеть впереди ничего, кроме смерти, позора и унижений вражеского плена, и невольно думали о том, что, быть может, никто никогда не узнает об их героической борьбе и даже имена их навсегда останутся неизвестными их народу. И все-таки они продолжали бороться, потому что Родина, от которой они были отрезаны врагом, жила в сердце каждого из защитников крепости. Они вели эту борьбу не ради славы, даже не ради своей жизни, они просто выполняли свой воинский долг перед Отчизной, глубоко веря в то, что рано или поздно, но враг будет изгнан с родной земли.

Даже бывалому фронтовику, прошедшему сквозь огонь самых жарких сражений Великой Отечественной войны, трудно себе представить ту невообразимо тяжелую обстановку, в которой с начала и до конца пришлось бороться гарнизону Брестской крепости.

Здесь каждый метр земли был не один раз перепахан бомбами, снарядами и минами. Здесь воздух был пронизан свистом осколков и пуль, и грохот взрывов не затихал ни днем, ни ночью, а недолгая тишина, которая наступала после оглашения очередного враже-

ского ультиматума, казалась еще более страшной и зловещей, чем ставший уже привычным обстрел.

Зажигательные бомбы, снаряды, огнеметы, разбрызгивавшие горючую жидкость, баки с бензином, которые сбрасывали с самолетов, делали свое дело. В крепости горело все, что могло гореть. Эти пожары возникли на рассвете 22 июня и не прекращались ни на час в течение более чем месяца, то слегка затухая, то разгораясь в новых местах, и в безветренную погоду над крепостью всегда стояло, не рассеиваясь, густое облако дыма.

Несколько дней на плацу перед западным участком казарм, где дрались группы стрелков 44-го полка, горели машины стоявшего здесь автобатальона, и едкий запах паленой резины, стлавшийся вокруг, душил бойцов. В северо-западной части кольцевого здания долго пылал большой склад с обмундированием, и вокруг стоял такой удушливый дым, что бойцы 455-го полка, занимавшие соседние отсеки казарм, вынуждены были надевать противогазы.

Огонь проникал даже в подвалы. Кое-где в этих подвалах от многодневных пожаров развивалась такая высокая температура, что впоследствии на каменных сводах остались висеть большие застывшие капли расплавленного кирпича.

А как только начинался обстрел, с пеленой дыма смешивались облака сухой горячей пыли, поднятой взрывами и пропитанной едким запахом пороховой гари. Пыль и дым сушили горло и рот, проникали глубоко в легкие, вызывая мучительный, судорожный кашель и нестерпимую жажду.

Стояли жаркие летние дни, и с каждым днем становился все более нестерпимым запах разложения. По ночам защитники крепости выползали из укрытий, чтобы убрать трупы. Но убитых было столько, что их не успевали даже слегка присыпать землей, а на сле-

дующий день солнце продолжало свою разрушительную работу, и лишь изредка, когда поднимался ветер, эта страшная атмосфера тления немного разрежалась, и люди с жадностью глотали струи свежего воздуха.

Боец Н. Гайворонский

Были и другие, еще более тяжелые лишения.

Не хватало пищи. Почти все продовольственные склады были разрушены или сгорели в первые часы войны. Но прошло некоторое время, прежде чем эта потеря дала себя знать. Сначала, в предельном нервном напряжении боев, людям не хотелось есть. Только на второй день начались поиски пищи. Кое-что удалось добыть из разрушенных складов, небольшой запас продуктов оказался в полковых столовых. Но всего этого было слишком мало, и с каждым днем голод становился мучительнее. Иногда, обыскивая убитых вражеских солдат, бойцы находили в их ранцах запас галет, несколько кусков сахара или плитку шоколада, но эти находки отдавали прежде всего раненым, детям и женщинам, укрывавшимся в подвалах. В маленькой кладовой около кухни 44-го полка оказалась бочка сливочного масла, которого хватило на два дня. Бойцы 84-го полка на третий день нашли в развалинах столовой полмешка сырого гороха и его по приказанию Фомина разделили на всех, бережно отсчитывая по горошине. Потом начали есть мясо уби-

тых лошадей, но жара вскоре лишила защитников крепости и этой пищи. Люди превращались в ходячие скелеты, их руки и ноги — в кости, обтянутые кожей, но руки эти продолжали крепко сжимать оружие, и голод был не в силах задушить волю к борьбе.

Не было медикаментов, перевязочных средств. Уже в первый день было так много крови и ран, что весь наличный запас индивидуальных пакетов и бинтов израсходовали. Женщины разорвали на бинты свое белье, то же самое сделали с оставшимися в казармах простынями и наволочками. Но и этого не хватало. Люди наспех перетягивали свои раны чем попало или вообще не перевязывали их и продолжали сражаться. Рядовому бойцу 44-го полка Николаю Гайворонскому осколок немецкой мины распорол живот. Товарищи перетянули эту страшную рану рубашкой, и боец не выходил из строя в течение трех недель и даже принимал участие в штыковых атаках. В подвале здания 333-го полка находился раненый пограничник Бобренок. Тяжелая контузия причиняла ему особенно мучительные страдания. Он то и дело терял сознание, но и тогда не выпускал из рук винтовки, а, приходя в себя, подползал к амбразуре окна и стрелял, отбивая атаки гитлеровцев, пока очередной обморок не сваливал его на пол.

Менять повязки было нечем, и десятки тяжело раненных умирали от заражения крови. Другие оставались в строю, несмотря на потерю крови и мучительную боль.

В этих условиях медицинские работники, находившиеся в рядах защитников крепости, делали все возможное, чтобы облегчить страдания раненых воинов и самоотверженно исполняли свой долг, проявляя при этом подлинный героизм.

С первых минут войны под огнем оказывала помощь раненым старший военфельдшер 333-го полка

Старший военфельдшер
В. С. Раевская. 1941 г.

В. С. Раевская.
1956 г.

Валентина Раевская. Забыв об опасности, она работала, пока сама не была тяжело ранена осколком немецкого снаряда. Как и других, ее отнесли в подвалы здания, где жены командиров взяли на себя заботу о раненых. Но тут, как и везде, тоже нечем было делать перевязки, отсутствовали медикаменты, и раненые жестоко страдали.

Их выручил тот же вездесущий Петя Клыпа — четырнадцатилетний трубач. Вместе с товарищем он под огнем пробрался к разрушенному складу какой-то санитарной части и из-под развалин добыл небольшой запас бинтов и различных лекарств. Десятки раненых были спасены от смерти благодаря этим смелым мальчикам.

Настоящей героиней Брестской крепости была молодая женщина военфельдшер Раиса Абакумова. Как

только раздались первые взрывы снарядов, она, оставив дома старую мать и схватив санитарную сумку, кинулась к мосту, ведущему в центральную крепость, где огонь врага был особенно сильным. На дороге у моста уже лежали десятки раненых. Вокруг то и дело рвались немецкие снаряды и мины, тонко посвистывали пули, рев самолетов и вой бомб не затихал в воздухе, но Абакумова, перебегая от одного раненого к другому, делала перевязки, переносила бойцов в укрытие и остановилась только тогда, когда запас бинтов в сумке был исчерпан.

Потом она вспомнила, что по соседству в домах комсостава остались женщины с детьми, и побежала туда. Собрав жен и детей командиров из ближайших домов, она повела их к валам восточного форта, видневшимся неподалеку. Они укрылись в одном из фортовых казематов, и майор Гаврилов, принявший эту группу под свое командование, тут же поручил Раисе Абакумовой и сопровождающим ее женщинам организовать уход за ранеными.

Эту высокую красивую молодую женщину с умелыми заботливыми руками медика знали все защитники форта. Она не раз появлялась в передовых цепях обороняющихся, смело шла под пули, буквально из-под носа врага выхватывая раненых. В маленьком госпитале, организованном под ее руководством в форту, она, при отсутствии бинтов и медикаментов, ухитрялась находить способы, чтобы облегчать страдания людей. На бинты рвали рубашки бойцов, вместо шин шли в ход обломки досок, разбитые ложа винтовок.

Когда в соседнем валу бойцы обнаружили небольшой запас льда, Раиса Абакумова тотчас же отправилась туда. Это была опасная экспедиция, — чтобы попасть в соседний вал, приходилось ползком преодолевать открытое пространство, находившееся под обстре-

Военфельдшер
Р. И. Абакумова. 1941 г.

Р. И. Абакумова.
1956 г.

лом гитлеровского пулемета. Не один раз ползала туда смелая женщина, чтобы этим льдом хоть немного утолить жажду раненых бойцов.

Раиса Абакумова до конца выполнила свой долг военного медика. Когда много дней спустя обстановка в форту стала безнадежной и командование решило отправить в плен женщин и детей, она отказалась идти с ними и вместе со старухой-матерью осталась со своими ранеными, твердо решив разделить их судьбу, какой бы она ни была.

Много тяжелейших испытаний выпало в дни обороны на долю защитников крепости. Но, пожалуй, самой жестокой мукой как для раненых, так и для здоровых бойцов была постоянная, сводящая с ума жажда. Как это ни странно, но в крепости, стоящей на островах и окруженной со всех сторон рукавами рек и обводными канавами с водой, — не было воды.

Водопровод вышел из строя в первые же минуты немецкого обстрела. Колодцев внутри крепости не было, не было и запасов воды. В первый день удавалось набирать воду из Буга и Мухавца, но как только противник вышел к берегу, он установил в прибрежных кустах пулеметы, обстреливая все подступы к воде. Теперь все такие вылазки за драгоценной водой большей частью кончались гибелью смельчаков, и жажда стала самой страшной и неразрешимой проблемой. Даже ночью подползти к реке было очень опасно: по всей линии берега непрерывно взлетали немецкие осветительные ракеты, ярко озарявшие все вокруг, и пулеметы врага, как чуткие сторожевые псы, наперебой заливались трескучими злыми очередями, отзываясь на малейший шорох, на малейшее движение в прибрежных травах.

И все же ночами отдельные бойцы доставали воду. Стиснув зубами металлическую дужку котелка, плотно прижимаясь к земле и поминутно замирая на месте при взлете очередной ракеты, пластун осторожно подползал к реке. Оттолкнув в сторону трупы гитлеровцев, густо плавающие у самого берега, он, стараясь не плескать, зачерпывал котелком воду и так же медленно и бесшумно совершал свой обратный путь. И когда он, бережно неся в обеих руках свою драгоценную ношу, проходил по отсекам казарм, люди старались не смотреть на добытую им воду — они не претендовали ни на каплю ее. Вся вода поступала в подвалы — для детей и раненых, и эту воду, мутную и розоватую от крови, с величайшей тщательностью делили между ними, отмеряя каждому на один скупой глоток с помощью крышечки от немецкой фляги.

А тем, кто оставался в строю, воды не полагалось, и лишь тогда, когда они кидались в контратаку, преодолевая вброд Мухавец под огнем немецких пулеметов, кое-кто на бегу успевал сделать один — два глотка.

А в остальное время жажда терзала их, а жара, дым и пыль удесятеряли эти мучения. Спазмой стягивало пересохшее горло, рот казался сделанным из сухой пыльной кожи, распухал, становился нестерпимо шершавым и колючим язык, на котором не было ни капли слюны. Жаркий воздух словно огнем жег легкие при каждом вдохе. И если обессиленный, изнуренный жаждой и бессонницей боец на несколько минут забывался в короткой дремоте, кошмары преследовали его — ему снилась вода: реки, озера, целые океаны свежей, прохладной, целительной воды, и задремавший, проснувшись от выстрелов или от толчка более бдительного соседа, готов был кричать от бешенства, поняв, что все виденное было только сном. И случалось, что человеческие силы не выдерживали этой муки, и люди от жажды сходили с ума.

В подвалах штыками и ножами пытались рыть ямы. Земля осыпалась, ямки оказывались неглубокими, и воды в них почти не было. На участке 84-го полка в таком колодце за день собиралось меньше котелка воды, которой не хватало даже для тяжело раненных. Более глубокий колодец выкопали бойцы в районе восточного форта, но оказалось, что в этом месте когда-то располагалась конюшня и проходил сток нечистот, — вода в колодце была зловонной, и люди не могли ее пить.

Как о небывалом чуде люди мечтали о дожде, но день за днем небо оставалось безоблачным, и горячее летнее солнце по-прежнему беспощадно жгло землю. С каждым днем неистовая, доводящая до помешательства жажда становилась все более нестерпимой.

Но при всей непомерной тяжести этих лишений воинам было еще тяжелее видеть страдания женщин и детей. Командиры, семьи которых находились здесь, в крепостных подвалах, в бессильном отчаянии наблюдали, как смерть от голода и жажды с каждым днем

все ближе подкрадывается к их детям, женам и матерям. С нежностью и болью бойцы смотрели на обессиленных, исхудалых ребятишек, готовые пожертвовать всем, лишь бы хоть немного облегчить их участь. Воду, пищу, которую удавалось добыть, прежде всего несли детям, и даже тяжело раненные отказывались от своей скудной доли в пользу малышей.

Несколько раз женщинам предлагали взять детей и идти сдаваться в плен. Но они наотрез отказывались, пока еще можно было хоть чем-нибудь поддерживать силы ребят. Мысль о фашистском плене была им так же ненавистна, как и мужчинам — защитникам крепости.

В районе крепостной электростанции гитлеровцы захватили группу женщин и детей, среди которых оказались жена музыканта, старшины сверхсрочной службы Ивана Зенкина, и его четырнадцатилетняя дочь Валя. Неподалеку от этого места находилось здание 333-го полка, в подвалах которого заняли оборону бойцы Потапова и пограничники Кижеватова. Отправляя пленных под конвоем автоматчиков в тыл, немецкий офицер, не обращая внимания на мольбы матери, отделил от группы Валю. Показав на казармы 333-го полка, откуда то и дело раздавались пулеметные очереди и винтовочные выстрелы, он приказал девочке идти туда и передать обороняющимся требование немецкого командования о немедленной капитуляции, угрожая в противном случае «смешать с землей» защитников этого здания. Офицер вытолкнул Валю во двор, где гремели взрывы снарядов и свистели пули, и девочка под огнем пустилась бежать к дому.

К счастью, стрелки сразу заметили ее и прекратили огонь. Она добежала до амбразуры одного из подвальных окон, и бойцы помогли ей спуститься вниз. Валю тотчас же привели к старшему лейтенанту Потапову, и она передала ему ультиматум фашистов.

Валя Зенкина.
1941 г.

В. И. Сачковская
(Зенкина). 1956 г.

Конечно, никто и не думал о том, чтобы выполнить требование врага. Но когда Вале предложили вернуться к пославшему ее офицеру и передать ответ, она заявила, что никуда не пойдет отсюда. И хотя там, в плену, осталась ее мать, мысль о том, что она снова попадет в руки гитлеровцев, пугала девочку больше, чем пожары и взрывы, и рядом с бойцами Валя чувствовала себя спокойнее даже среди огня и смерти. Она осталась в подвале здания, вместе с женщинами ухаживая за ранеными.

Женщины перевязывали раны бойцов, о тяжело раненных они заботились так же нежно, как о своих детях. Некоторые женщины и девушки-подростки бесстрашно шли под огонь, поднося обороняющимся боеприпасы. А были и такие, которые, взяв в руки оружие, становились в ряды защитников крепости, сража-

лись плечом к плечу со своими мужьями, отцами и братьями.

Сохранился рассказ о подвиге молодой жены командира, комсомолки Кати Тарасюк. Сельская учительница, она незадолго перед войной приехала в крепость, чтобы провести отпуск вместе со своим мужем.

Сначала Катя вместе с другими женщинами находилась в подвале, ухаживая за ранеными. Лейтенант Тарасюк в это время с группой бойцов отбивал атаки противника. Когда группа его поредела, Тарасюк сам лег к станковому пулемету. Он выбрал себе позицию у подножия большого развесистого дерева, и автоматчики каждый раз откатывались назад под его меткими очередями. По одинокому пулемету вели огонь пушки и минометы. Вся земля вокруг была изрыта снарядами и минами, осколки срезали ветви дерева, и вскоре от него остался только расщепленный, изуродованный ствол. Но весь израненный, Тарасюк продолжал стрелять, пока вражеская пуля не сразила его.

Пулемет молчал недолго. Тарасюка заменил один из его бойцов. Когда Катя узнала, что ее муж погиб, она выбралась из подвала и поползла к расщепленному дереву, откуда по-прежнему раздавался треск пулемета. Вскоре и этот пулеметчик был убит. Тогда молодая женщина сама легла за щиток и вела огонь по врагу, пока ее не поразил осколок вражеского снаряда. Обезображенное, искромсанное осколками дерево, у подножия которого погибла отважная пулеметчица, жители Бреста впоследствии прозвали «деревом войны».

Женщин с винтовками, с пистолетами, с гранатами в руках можно было встретить на разных участках обороны крепости. И хотя имена этих героинь остались по большей части неизвестными, мы знаем, что многие боевые подруги командиров дрались рядом с мужьями, и становится понятным, почему гитле-

ровцы, штурмовавшие цитадель, распространяли слухи о том, что в обороне крепости участвует якобы советский «женский батальон».

ТАК УМИРАЛИ ГЕРОИ

В непрерывных ожесточенных боях, в огне непрекращающегося обстрела и яростных бомбежек бесконечно длинной чередой проходили дни, похожие друг на друга. Каждое утро, когда со стороны города над крепостью, окутанной пеленой дыма и пыли, вставало солнце, оживали надежды людей на то, что этот день будет последним днем их испытаний и что, может быть, именно сегодня они, наконец, услышат на востоке долгожданный гул советских орудий. И каждый вечер, когда солнце садилось за оголенными деревьями Западного острова, вместе со светом дня угасали и эти надежды.

Однако уже с первых дней защитники крепости решили не ограничиваться пассивным ожиданием помощи и не только отбивать атаки врага, но и попытаться самим прорвать кольцо осаждающих войск. За городом далеко на восток простирались обширные леса и непроходимые болота, тянущиеся через всю Белоруссию, а в нескольких десятках километров к северо-востоку от крепости начиналась дремучая Беловежская Пуща. Если бы удалось прорваться в эти леса, там можно было бы успешно продолжать борьбу, стать партизанами и с боями постепенно продвигаться к фронту.

Начиная с 24 июня, почти на всех участках обороны крепости делались попытки прорыва. Но вражеское кольцо было плотным, гитлеровцы держались настороже. Лишь отдельным небольшим группкам бойцов удалось выйти из осажденной крепости, а в большинстве своем ночные атаки захлебывались под огнем

пулеметов, и уцелевшие участники этих прорывов после жаркого и безрезультатного боя вынуждены были отступать назад, к казармам, каждый раз недосчитываясь многих своих товарищей.

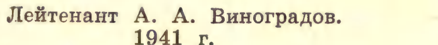
Наиболее организованные и упорные попытки прорыва предпринимались на участках 44-го и 84-го полков под командование Зубачева, Фомина, Семененко и Бытко. Прорываться решили на северо-восток и на север, и поэтому уже с 24 июня основная масса бойцов, сражавшихся на Центральном острове, сосредоточилась в северном полукольце казарм на берегу Мухавца. В южном и западном секторах, а также в клубе и Белом дворце были оставлены лишь группы прикрытия.

Вечером 25 июня среди бойцов и командиров, сражавшихся на северном участке Центрального острова, был оглашен боевой приказ командования сводной группы. Командование приказывало лейтенанту Виноградову сформировать авангардный отряд в количестве 100—120 бойцов с тем, чтобы днем 26 июня прорвать кольцо осады противника и вырваться в сторону города. В случае удачи этого прорыва в пробитую головным отрядом брешь должны были устремиться и главные силы гарнизона центральной крепости.

Всю ночь лейтенант Виноградов формировал свой отряд. Это был опытный боевой командир, еще в 1940 году награжденный за мужество и доблесть орденом Красной Звезды. Решительно и умело действовавший в первые дни обороны крепости, он уже успел завоевать прочный авторитет среди защитников цитадели.

К 11 часам утра отряд Виноградова сосредоточился на исходных позициях — близ трехарочных ворот цитадели. Заметив движение в этом районе, гитлеровцы принялись обстреливать его из артиллерии, но Виноградов умело укрыл своих бойцов. К полудню все

Лейтенант А. А. Виноградов.
1941 г.

А. А. Виноградов.
1956 г.

было готово и лейтенант явился к Зубачеву и Фомину, прося разрешения начать операцию.

В то время, как пулеметы из окон казарм ударили по немецким огневым точкам, расположенным на земляном валу по ту сторону Мухавца, Виноградов во главе своих бойцов рывком преодолел мост. Ворвавшись на вал, отряд подавил огонь врага и тотчас же двинулся на восток по берегу реки. Идти пришлось с упорным боем, но уже вскоре Виноградов вывел своих людей за внешние валы крепости. С минуты на минуту лейтенант ждал подхода главных сил, но они задерживались, и Виноградов двинулся с отрядом дальше на восток.

К семи часам вечера наполовину поредевший отряд вышел к южной окраине Бреста, где пролегало Московское шоссе, по которому в это время потоком шли

колонны гитлеровских войск. Было еще светло, и противник сразу заметил группу Виноградова. Развернулась в боевые порядки вражеская пехота, охватывая отряд кольцом, на прямую наводку выезжали орудия и сзади с ревом подходило десятка полтора фашистских танков.

Они были застигнуты на открытом поле и, заняв круговую оборону, приняли бой. Но бой этот был слишком неравным, и вскоре группа Виноградова оказалась почти полностью уничтоженной, а тяжело контуженный командир и несколько истекавших кровью бойцов без сознания попали в плен.

Главному ядру защитников цитадели так и не удалось прорваться вслед за отрядом Виноградова. Гитлеровцы успели перебросить к месту прорыва новые силы и прочно закрыли пробитую брешь. Отряд Фомина и Зубачева, попытавшийся форсировать Мухавец, был отброшен назад с большими потерями.

Но намерение прорвать кольцо осады не было оставлено. Командиры приняли решение организовать теперь прорыв под покровом ночной темноты, и с тех пор эти попытки предпринимались каждую ночь.

В самую темную, предрассветную часть ночи два больших отряда, разделенных между собой воротами, готовились к броску вдоль всей линии северных казарм. Одной из этих групп прорыва командовал полковой комиссар Фомин, другую возглавлял старший лейтенант Бытко. В то же время часть бойцов под командованием Зубачева занимала позиции у окон второго этажа, готовясь огнем поддержать атаку товарищей.

Отражаясь в спокойном ночном зеркале Мухавца, на противоположном берегу то и дело взлетали цепочки ракет, и в их колеблющемся свете за рекой виднелась черная стена земляного вала, занятого немцами. Время от времени оттуда из-за вала протягива-

лись в сторону Центрального острова светящиеся пунктиры трассирующих пуль и доносились короткие очереди пулеметов, иногда в ночном небе слышался свистящий шелест пролетающих над казармами снарядов и во дворе грохали взрывы. Стоя в простенках у окон, выходящих на Мухавец, собравшись группами у ворот, бойцы чутко вслушивались и всматривались в очертания противоположного берега, напряженно ожидая команды. И когда, наконец, по всей линии атаки со скоростью электрической искры проносилась команда «Вперед!», люди разом бросались на мост, выскакивали из окон на берег и, поднимая над головой оружие, стремительно шли по вязкому, глинистому дну Мухавца без выстрелов, без криков.

Но им удавалось выиграть всего несколько секунд. При свете ракет противник почти тотчас же обнаруживал атакующих. Огоньки автоматных и пулеметных очередей сверкали по всему гребню вала, Мухавец закипал под пулями и на мост с двух сторон обрушивался многослойный огонь пулеметов. Только тогда по всей линии атаки раскатывалось злое, яростное «ура», раздавались первые выстрелы и бойцы Зубачева из окон казарм начинали обстреливать огневые точки на валу.

Удержать огнем этот первый натиск атакующих бойцов было невозможно. Люди тонули в темной воде Мухавца, падали на мосту, но мимо убитых и раненых сквозь пулеметный огонь неистово рвались вперед другие, строча из автоматов, забрасывая гранатами противника на валу. Бойцы врывались на вал, яростно работая штыками; и здесь и там огонь врага оказывался подавленным.

Но поблизости, за валом, у немцев наготове стояли подкрепления. Свежие роты автоматчиков бросались на помощь своим, и тотчас же сказывалось численное и огневое превосходство противника. Продвижение

атакующих приостанавливалось, и командиры, видя, что дальнейшие попытки привели бы к большим и напрасным потерям, отводили остатки своих отрядов назад, за реку. Удрученные неудачей, подавленные гибелью товарищей, люди возвращались в казармы, чтобы на следующую ночь с еще большим упорством повторить попытку прорыва. Так продолжалось несколько ночей подряд, но с каждым разом атакующих становилось все меньше. Противник подтягивал на опасное направление все новые силы, и кольцо осады уплотнялось. Но какой бы дорогой ценой ни оплачивались эти попытки, они были последней надеждой осажденных, и в их отчаянном натиске выплескивалось наружу все, что переполняло сердца бойцов, — неудержимая, ищущая выхода ненависть к врагу, жгучее желание сойтись с ним грудь с грудью, поразить его своей рукой.

Наступила ночь, когда всем стало ясно, что дальнейшие атаки приведут только к полному истреблению гарнизона и ускорят захват крепости противником. Ночью 28 июня очередная попытка прорыва была отбита немцами с особенно большими потерями для атакующих, и в казармы вернулась едва ли половина людей. И тогда один из бойцов, сопровождавший Фомина, при свете очередной немецкой ракеты увидел, что исхудалое, заросшее и закопченное лицо комиссара мокро от слез. Комиссар, все эти дни неизменно сохранявший спокойствие и уверенность, невольно передававшиеся бойцам, сейчас плакал слезами гнева и отчаяния, в которых как бы слились воедино и сознание своего бессилия спасти людей, и острая душевная боль при мысли о погибших, и щемящее предчувствие неизбежной и мрачной судьбы тех, кто пока еще оставался в живых.

Никто другой не заметил этих слез, и комиссар тотчас же справился с минутной слабостью, — уже

вскоре все услышали его обычный ровный голос, отдающий распоряжения. В конце концов даже тогда, когда все надежды вырваться из окружения были потеряны и почти не оставалось веры в то, что на помощь подоспеют свои, борьба все-таки сохраняла свой последний смысл. Цель была в том, чтобы продержаться как можно дольше, сковывая силы противника у стен крепости, и уничтожить в боях как можно больше врагов, дорого продавая свою жизнь.

С этой ночи попытки прорыва на участке 44-го и 84-го полков были прекращены.

Такое решение было продиктовано не только большими потерями осажденных, но и нехваткой боеприпасов. В обороне можно было более расчетливо, экономно тратить патроны и гранаты, добывать которые удавалось теперь лишь с невероятным трудом.

То, что вначале было найдено в уцелевших или полуразрушенных складах боепитания, скоро израсходовали, отражая непрерывные атаки врага. Бойцы ухитрялись пополнять запасы даже из тех складов, которые горели и где поминутно в огне рвались с громким треском запакованные в ящиках патроны. Люди бесстрашно бросались в огонь и, ежесекундно рискуя жизнью, выхватывали ящики из горящих штабелей. Но и этого не могло хватить надолго.

День за днем недостаток боеприпасов давал себя чувствовать все сильнее. Каждая граната, каждый патрон были на счету. Если боец падал убитым, не израсходовав своего боезапаса, его патроны и гранаты тотчас же брал другой. С первых же дней стали снимать оружие и подсумки с патронами с убитых гитлеровцев. Пробираясь ползком под огнем, бойцы обшаривали каждый труп в немецком мундире, и, как ни сильно мучали людей голод и жажда, руки первым делом тянулись не к фляжке с водой, не к пище, которую можно было иногда обнаружить в карманах

убитых. Сумка с патронами, автомат и гранаты на длинных деревянных ручках были самыми желанными находками.

Постепенно становились ненужными и бесполезными пулеметы и автоматы советских марок, винтовки, наганы и пистолеты «ТТ» — патронов к ним не было. Большинство бойцов сражались с врагом его же собственным оружием — немецкими автоматами, подобранными на поле боя или захваченными во время контратак. А пополнять боезапас защитникам крепости приходилось необыкновенным способом, который, вероятно, не применялся никогда больше за всю Великую Отечественную войну.

Как только запас патронов подходил к концу, бойцы прекращали огонь из окон казарм, делая вид, что сопротивление их сломлено и они отступили на этом участке. Не отвечая на выстрелы врага, люди укрывались за простенками окон, ложились у стен так, чтобы автоматчики не могли заметить их снаружи.

Непрерывно обстреливая окна, осторожно и недоверчиво солдаты противника приближались вплотную к казармам. Вытянув шеи, автоматчики с подозрением заглядывали в окна, но рассмотреть, что делается в помещении, мешали толстые метровые стены. Тогда в окна летели гранаты. Гулкие взрывы грохотали в комнатах, осколки, разлетаясь, порой убивали или ранили притаившихся в засаде бойцов, но, готовые к этому, люди ничем не выдавали своего присутствия, и противник убеждался, что гарнизон покинул свои позиции. Автоматчики с торжествующими криками, толпой врывались внутрь сквозь окна и двери, и на них тотчас же кидались бойцы, врукопашную уничтожали врагов и завладевали их оружием и боеприпасами.

Так добывали патроны много раз. Но все равно их

было слишком мало — враг наседал все сильнее, и, зная, какой ценой достаются боеприпасы, бойцы расходовали их скупо и расчетливо, стараясь, чтобы каждая пуля попала в цель. И когда однажды кто-то из бойцов в присутствии Фомина сказал, что последний патрон он оставит для себя, комиссар тотчас же возразил ему, обращаясь ко всем:

— Нет, друзья, и последний патрон надо тоже посылать во врага. Умереть мы можем и в рукопашном бою, а патроны должны быть только для них, для фашистов.

Немцам удалось занять большинство помещений в юго-восточной части казарм, откуда ушли основные силы бойцов 84-го полка. Шли упорные бои за клуб и Белый дворец, и здания эти по нескольку раз переходили из рук в руки. Все чаще немецкие танки проникали через трехарочные ворота во двор Центрального острова. Они подходили вплотную к казармам и прямой наводкой в упор били по амбразурам окон, а иногда и врывались внутрь здания через большие, широкие двери складских помещений первого этажа. Однажды на участке 455-го полка немецкий танк вошел в казарменный отсек, над дверью которого наш санитар вывесил большое, заметное издали полотнище с красным крестом. Здесь, в этом отсеке, на бетонном полу лежали тяжело раненные. Крик ужаса вырвался у всех при виде появившегося в дверях танка, а машина, на мгновение приостановившись, со злобным ревом ринулась внутрь прямо по лежащим телам. Танк резко притормозил на середине помещения и вдруг, скрежетнув гусеницей, принялся вертеться по полу, безжалостно давя беззащитных людей...

Как ни упорно сопротивлялись защитники крепости, враг постепенно одолевал их. С каждым днем перевес его становился все более подавляющим.

В этих условиях не имело никакого смысла даль-

нейшее пребывание в крепости женщин и детей. Их неминуемо ждала смерть от голода и жажды или гибель под развалинами от тяжелых бомб, которые авиация противника ежедневно сбрасывала на крепость. Как ни жесток был враг, как ни тяжело и унизительно было попасть в его руки, все же оставалась надежда на то, что он пощадит женщин и детей. Вот почему решено было отправить их в плен.

Когда весь израненный, но оставшийся в строю бойцов начальник погранзаставы лейтенант Андрей Кижеватов пришел в подвал казарм 333-го полка, чтобы сообщить об этом решении, женщины стали протестовать.

— Не гоните нас на муки, — со слезами упрашивали они. — Все равно убьют нас фашисты да еще мучить будут. Лучше уж сами перестреляйте нас здесь вместе с ребятами.

Но Кижеватов был непреклонен, заявив, что таков приказ командования.

— Вы-то что станете делать? — спросила у него одна из женщин.

— Мы принимали присягу и будем выполнять ее до конца, — ответил Кижеватов. — Так и передайте нашим, когда они придут.

Пете Клыпе как подростку предложили тоже идти в плен вместе с женщинами и детьми. Но мальчик гордо отказался, заявив, что он считает себя красноармейцем и останется с товарищами, чтобы драться до конца.

Он уже успел показать себя и метким стрелком, уложившим не одного гитлеровца, и смелым, решительным бойцом во время рукопашных схваток, и дерзким разведчиком. Уступая его просьбам, командиры разрешили ему остаться.

Бойцы смастерили белый флаг, и женщины, взяв на руки детей, вышли к берегу Буга и сдались в плен.

Такая же сцена произошла в убежище, где находились жены и дети командиров 98-го противотанкового артиллерийского дивизиона.

Старший политрук
Н. В. Нестерчук

— Вы должны постараться спасти детей,— сказал женщинам старший политрук Нестерчук, командовавший обороной на этом участке. — Но будьте готовы ко всему — к унижениям, издевательствам, побоям и даже к смерти. Помните, что вы обязаны вынести все во имя нашей Родины и во имя своих детей.

Четырнадцатилетняя дочка Нестерчука Лида, еще в первые дни отбившаяся от матери и брата и оказавшаяся вместе с отцом, громко плакала и просила оставить ее в крепости. Но Нестерчук не согласился. Лида слышала, как он сказал одному из командиров:

— Нет, пусть она уходит — у меня не поднимется рука застрелить ее, когда наступит конец. В моем пистолете осталось два патрона — один для врага, другой для себя.

И Лида вместе с другими женщинами и детьми была отправлена в плен.

Ожесточение боев все росло. Торопясь покончить с крепостным гарнизоном, противник, не считаясь с потерями, бросал на штурм все новые силы.

В последние дни июня особенно напряженная борьба шла на северном участке Центрального ост-

рова, около трехарочных ворот, где сражались бойцы Зубачева и Фомина — главное ядро осажденного гарнизона. Немцам удалось занять несколько казарменных отсеков, примыкающих к трехарочным воротам с запада, но затем группа Бытко, державшая здесь оборону, остановила продвижение автоматчиков внутри кольцевого здания. А бойцы Фомина и Зубачева срывали все попытки врага закрепиться в восточном крыле казарм. Это крыло было тупиковым, и стоило противнику прочно занять первые помещения, примыкающие к трехарочным воротам с востока, автоматчики смогли бы теснить наших стрелков внутри здания в сторону тупика. Эту опасность сознавали все, и борьба за помещения, смежные с воротами, отличалась крайним ожесточением. По нескольку раз в день автоматчики врывались туда, но тотчас же, передаваемый из отсека в отсек, по всей линии восточного крыла казарм проносился тревожный сигнал: «Немцы в крайних комнатах!», и бойцы, не ожидая команды, дружно бросались отбивать эти помещения в бешеной рукопашной схватке. Так продолжалось изо дня в день, и вскоре крайние помещения были до половины окон завалены убитыми гитлеровцами и телами советских бойцов, но и на этих горах трупов по-прежнему яростно дрались гранатами, штыками, прикладами, и всякий раз противнику не удавалось закрепиться в этих ключевых комнатах.

Тогда к воротам были посланы команды подрывников. Как только начиналась очередная атака автоматчиков, подрывники по крышам и чердакам пробирались в восточное крыло казарм. Мощные толовые заряды спускались по дымовым трубам в первые этажи, внезапные взрывы обрушивали на головы бойцов потолки и стены, и здание постепенно, метр за метром, превращалось в развалины, под которыми гибли последние защитники этого рубежа.

Здесь, отбиваясь от наседавших автоматчиков, был похоронен под грудой камней писарь штаба 84-го полка рядовой Федор Исаев, хранивший у себя на груди боевое знамя полка. Здесь, израненные и обессиленные, были захвачены в плен дравшиеся вместе с Фоминым и Зубачевым политрук Петр Кошкаров, бойцы Александр Филь, Иван Дорофеев, Александр Ребзуев и другие.

Еще более трагичной была судьба полкового комиссара Фомина. Оглушенный взрывом, полузасыпанный камнями, он вместе с несколькими бойцами был извлечен немцами из-под развалин. Пленных привели в чувство и под сильным конвоем погнали к Холмским воротам, где их встретил гитлеровский офицер, хорошо говоривший по-русски и приказавший автоматчикам тщательно обыскать каждого из них.

Все документы советских бойцов были давно уничтожены по приказу Фомина. Сам комиссар был одет в простую солдатскую стеганку и гимнастерку без знаков различия. Исхудалый, обросший бородой, в изодранной одежде, он ничем не отличался от других пленных, и бойцы надеялись спасти его жизнь.

Но среди попавших в плен оказался предатель, который не перебежал раньше к врагу, видимо, только потому, что боялся получить пулю в спину от советских бойцов. Теперь наступил его час, и он решил выслужиться перед гитлеровцами. Льстиво улыбаясь, он выступил из шеренги пленных и обратился к офицеру:

— Господин офицер, вот этот человек не солдат, — вкрадчиво сказал он, указывая на Фомина. — Это комиссар, большой комиссар. Он велел нам драться до конца и не сдаваться в плен.

Офицер отдал короткое приказание, и автоматчики вытолкнули Фомина из шеренги. Улыбка сползла с лица предателя — воспаленные, запавшие глаза плен-

ных смотрели на него с немой угрозой. Один из немецких солдат подтолкнул его прикладом, и, сразу стушевавшись и блудливо бегая глазами по сторонам, предатель снова стал в шеренгу.

Несколько автоматчиков по приказу офицера окружили комиссара кольцом и повели его через Холмские ворота на берег Мухавца. Минуту спустя оттуда донеслись очереди автоматов.

В это время недалеко от ворот на берегу Мухавца находилась еще одна группа пленных советских бойцов. Среди них были и бойцы 84-го полка, сразу узнавшие своего комиссара. Они видели, как автоматчики поставили Фомина у крепостной стены, как комиссар вскинул руку, что-то крикнул, но голос его тотчас же был заглушен выстрелами.

Так погиб полковой комиссар Ефим Фомин, верный сын Коммунистической партии, один из главных организаторов и руководителей героической обороны Брестской крепости.

Остальных пленных спустя полчаса под конвоем вывели из крепости. Уже в сумерки их пригнали к небольшому каменному сараю на берегу Буга и здесь заперли на ночь. А когда на следующее утро конвоиры открыли двери и раздалась команда выходить, немецкая охрана не досчиталась одного из пленных. В темном углу сарая на соломе валялся труп человека, который накануне предал комиссара Фомина. Он лежал, закинув назад голову, страшно выпучив остекленевшие глаза, и на горле его были ясно видны синие отпечатки пальцев. Это была расплата за предательство.

Впрочем, гитлеровцы отнеслись к этому с полным равнодушием. Пленных построили в колонну и погнали в лагерь. Израненные, измученные люди, еле передвигая ноги, с трудом брели по пыльному проселку, то и дело оглядываясь назад, туда, где за

деревьями, окутанные клубами дыма, виднелись кирпичные стены крепостных казарм и где по-прежнему неумолчно гремели взрывы и трещали выстрелы.

Крепость продолжала борьбу.

Теперь восточная часть казарм была в руках противника. Но с еще большим ожесточением шли бои за Белый дворец, из высоких церковных окон отбивали огнем атаки врага защитники гарнизонного клуба, ядро которых составляли несколько бойцов-москвичей. Всю западную часть Центрального острова прочно удерживали за собой остатки подразделений 44-го и 333-го полков.

Группы пограничников продолжали борьбу на Западном острове — там стрельба смолкла только на четырнадцатый день. В северной части крепости еще держался окруженный со всех сторон восточный форт. Потеряв все свои пушки, из автоматов и винтовок отстреливались артиллеристы Нестерчука и Акимочкина, засевшие в валах у Кобринских ворот. Здесь, в эти дни, смертельно раненный в бою, погиб как герой пламенный коммунист Николай Нестерчук, и командование бойцами взял на себя лейтенант Акимочкин. Вместе с командиром батареи Кагановичем и командиром взвода лейтенантом Чесноковым начальник штаба зарыл в одном из казематов боевое знамя и секретные документы дивизиона и во главе артиллеристов продолжал последними боеприпасами отбивать непрерывные атаки врага.

Особенно тяжелые бои развернулись в последних числах июня в районе восточного форта. В непрерывных нарастающих атаках немцам удалось занять северный и северо-восточный валы крепости и отрезать роту, защищавшую западный форт, от основных сил группы майора Гаврилова. Но остатки этой отрезанной роты продолжали драться — с той стороны все время слышался шум боя и строчил пулемет в доте, примы-

кавшем к форту. Две другие роты, отброшенные противником от валов и сильно поредевшие, теперь сосредоточились в восточном форту и под руководством Гаврилова создали здесь такую прочную оборону, что гитлеровцы должны были прибегнуть к самым крайним мерам, чтобы сломить упорство этой горсточки советских бойцов.

«Сюда нельзя было подступиться со средствами пехоты, — писали в своем донесении немецкие штабисты, — так как превосходный ружейный и пулеметный огонь из глубоких окопов и из подковообразного двора скашивал каждого приближающегося. Оставалось только одно решение — голодом и жаждой принудить русских сдаться в плен, а поэтому необходимо было прибегнуть ко всем средствам, ускоряющим их изнурение, как-то: постоянный, беспокоящий огонь из тяжелых минометов с целью помешать русским передвигаться в окопах или по двору, прямой обстрел из танков, передача призывов (мегафон) или разбрасывание листовок».

Однако дальнейшие записи в том же самом донесении свидетельствуют, что все эти меры оказались недостаточными.

«28.6 продолжался обстрел восточного форта из танков и из штурмового орудия, но успеха не было видно, — говорится в донесении. — Обстрел из 88-мм зенитного орудия также остался без результата. Поэтому командир дивизии дал распоряжение об установлении связи с летчиками на аэродроме Мухавец, чтобы выяснить возможность бомбежки. Оказалось, что бомбежка возможна, но для этого необходимо оттянуть собственные войска примерно за внешний вал и до западного форта. Эти передвижения производились после полудня под тщательным огневым прикрытием с той целью, чтобы русские не прорвались из восточного форта. К сожалению, появившаяся

28.6 низкая облачность помешала произвести бомбежку. Опять было восстановлено тесное кольцо вокруг восточного форта. Ночью для освещения восточного форта использовались русские прожекторы (частично автофары). Русские все еще отвечали огнем на каждое неосторожное приближение.

29.6 с 8.00 авиация сбрасывала много 500-килограммовых бомб. Результата не было видно. Такое же малоуспешное действие имел новый оживленный обстрел восточного форта из танков и штурмовых орудий, несмотря на то, что были заметны в некоторых местах разрушения стен.

30.6 подготавливалось наступление с помощью бензина, масла, жира — все это скатывали в бочках и бутылках в фортовые окопы и там поджигали ручными гранатами и зажигательными пулями».

При этом немецкие штабисты стыдливо умалчивают об одном: вместе с этими бочками и бутылками во двор форта сбрасывались бомбы со слезоточивым газом, и в течение нескольких часов весь маленький гарнизон, включая женщин, детей и раненых, должен был находиться в противогазах. Но и в облаках газа и дыма от пожаров люди продолжали драться, огнем и гранатами отбивая натиск врага.

29 июня гитлеровцы предъявили защитникам форта ультиматум — в течение часа сложить оружие, угрожая в противном случае полностью уничтожить гарнизон. После оглашения ультиматума наступило затишье, и майор Гаврилов воспользовался этим, чтобы собрать открытое партийное собрание.

В большом каземате внутри вала собрались почти все защитники форта — на валу остались только дежурные пулеметчики и наблюдатели. Один за другим выступали коммунисты и клялись драться до конца, умереть, но не покориться врагу. Тут же на собрании был открыт прием в партию и десятки беспартийных

бойцов и командиров подали заявления и были приняты в ряды коммунистов. Не было бумаги, и эти заявления писались на клочках газет и даже на немецких листовках, в которых гитлеровцы призывали сдаваться в плен.

Однако было ясно, что долго продержаться будет невозможно. По приказанию Гаврилова были уничтожены штабные документы с тем, чтобы они не попали в руки врага. Решено было зарыть боевое знамя 393-го отдельного артиллерийского дивизиона, которое находилось в форту.

Это знамя еще в первые дни обороны старший лейтенант Шрамко поручил хранить зенитчику младшему сержанту Родиону Семенюку. Потом Шрамко погиб смертью героя, но Семенюк остался жив и носил знамя на груди, под гимнастеркой. Теперь наступил момент спрятать его.

Семенюк бережно обернул знамя в брезент, положил этот сверток в брезентовое ведро, найденное в соседней конюшне, а сверху накрыл его цинковым ведром. Выкопав яму в одном из казематов, он зарыл туда ведро со знаменем и тщательно утрамбовал и замаскировал это место.

А между тем срок вражеского ультиматума истек, гитлеровская артиллерия открыла огонь, над фортом снова закружились самолеты, и младший сержант поспешил занять свое место в цепи обороняющихся. Борьба продолжалась.

Только после того как форт был подвергнут массированной бомбежке, во время которой один из самолетов сбросил бомбу весом в 1800 килограммов, потрясшую своим взрывом весь Брест, после того как все постройки форта были снесены, а внутренний двор представлял сплошное море огня, немецкие роты, штурмующие это укрепление, ворвались на валы и в фортовые казематы. Они захватили в плен женщин,

детей, раненых и немногих уцелевших и обессиленных в боях защитников форта. Но при этом, как ни тщательно обыскивали автоматчики каждый каземат, они не смогли найти ни майора Гаврилова, ни его заместителя по политической части, бывшего ближайшим и энергичным помощником командира обороны в течение всех этих дней. Враги решили тогда, что оба они покончили с собой.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЩИТНИКИ ЦИТАДЕЛИ

Несколько дней спустя после гибели комиссара Фомина группа бойцов во главе с капитаном Зубачевым снова сделала отчаянную попытку прорваться из центральной крепости на север. Но фашисты к этому времени еще больше уплотнили свое кольцо на северном участке, и в упорном ночном бою группа Зубачёва была разгромлена, а несколько бойцов и раненый командир взяты в плен.

Почти одновременно с ней прекратила свое существование и группа старшего лейтенанта Бытко. Бойцам уже не удавалось добывать боеприпасы, и патроны их были на исходе. Наступил момент, когда в нагане у Бытко остался последний патрон. И тогда его товарищи заметили, что старший лейтенант всячески старается уединиться. Для него, удалого кубанца, стойкого коммуниста, испытанного боевого командира, была ненавистна даже мысль о том, что он может попасть живым в руки врага. И Василий Бытко решил последним патроном покончить с собой.

Но товарищи отгадали его намерение. Когда в момент затишья Бытко под каким-то предлогом хотел покинуть подвал, его окружили и стали уговаривать отказаться от самоубийства. Ему доказывали, что его смерть произведет тяжелое впечатление на бойцов и что он должен разделить со своими людьми судьбу,

Старший лейтенант
В. И. Бытко

которая их ожидает. Бытко молчал, опустив голову, но видно было, что эти доводы произвели свое действие.

Пока происходил этот разговор, несколько гитлеровских автоматчиков стали приближаться к подвальному окну. Подняв голову, Бытко поглядел в окно — первый автоматчик был уже в нескольких шагах от подвала.

— Ну, фашист... — произнес старший лейтенант. — Хотел я себя, а придется тебя...

И, вскинув руку, он последним выстрелом наповал уложил гитлеровца.

В тот же день последние оставшиеся в живых бойцы этой группы во главе с Бытко, старшим лейтенантом Семененко и младшим лейтенантом Сгибневым, рывком форсировав Мухавец, бросились на врага врукопашную, пытаясь пробиться в северо-западном направлении. В неравном бою группа эта была рассеяна, а все три командира оказались в плену. Ночью, уже за Бугом, когда их вели в лагерь, Бытко и Сгибнев бежали. А спустя два дня избитого и окровавленного Сгибнева гитлеровцы доставили в лагерь, и он рассказал товарищам, что Василий Бытко погиб от фашистской пули, переплывая Западный Буг.

В эти же дни смертью храбрых погиб и другой замечательный герой обороны Брестской крепости — пограничник лейтенант Андрей Кижеватов. Вместе с

несколькими своими бойцами он получил ответственное задание старшего лейтенанта Потапова — выбраться из крепости и взорвать наведенный гитлеровцами понтонный мост через Буг. Пограничники ушли, и так и осталось неизвестным, удалось ли им выполнить это задание. Но день или два спустя на окраину одной из деревень близ Бреста из последних сил приполз истекающий кровью командир-пограничник, и крестьяне узнали в нем знакомого им начальника заставы из крепости.

Кто-то тут же сбегал домой за одеждой, и люди хотели переодеть пограничника, но лейтенант, с трудом разжимая запекшиеся губы, сказал, что ему уже ничего не нужно.

Он умер тут же через несколько минут, и крестьяне ночью вырыли могилу и похоронили славного защитника Брестской крепости Андрея Кижеватова.

После ухода Кижеватова с пограничниками Потапов со своими людьми еще продолжал несколько дней удерживать район Тереспольских ворот и отбивать атаки автоматчиков с Западного острова. Однако боеприпасы подходили к концу, и старший лейтенант тоже решил сделать попытку прорваться сквозь кольцо врага. Но у него возник иной план, чем у Зубачева или Бытко. Потапов понял, что попытки прорыва на север неизбежно потерпят неудачу: противник ожидал атак именно в этом направлении и стянул туда свои главные силы. Зато гитлеровцы совсем не ожидали, что осажденные попробуют прорваться на запад или на юг, и оставили там лишь незначительные заслоны. Этим и решил воспользоваться Потапов, намереваясь вырваться со своей группой через мост на Западный остров, а затем переплыть рукав Буга, выйти на соседний Южный остров, в район госпиталя, и оттуда пробираться в сторону Южного военного городка Бреста, где перед войной стояли наши танковые

и артиллерийские части, — старший лейтенант надеялся, что танкисты еще продолжают драться в этом городке.

После одного из очередных ультиматумов, когда защитникам центральной крепости было дано «на размышление» полчаса и артиллерия противника на это время прекратила обстрел, Потапов с оставшимися в живых бойцами перебежал в помещения казарм, примыкающие к Тереспольской башне. В тот самый момент, когда срок ультиматума истек и немцы с удвоенной силой принялись обстреливать центр крепости, раздалась команда. Разом выскочив из окон на берег Буга, все бросились через мост и по протянувшейся рядом с ним дамбе — на Западный остров. Бойцы бежали без единого выстрела, и враги не сразу заметили эту атаку. А когда они спохватились и их пулеметы ударили по мосту и дамбе, большая часть людей Потапова уже успела скрыться в зарослях Западного острова, быстро пробираясь сквозь чащу кустарника на юго-восток. Сразу же за дамбой, в кустах Западного острова, группа бойцов, в числе которых были Петя Клыпа и Коля Новиков, наткнулась на человека в зеленой фуражке пограничника. Он лежал недалеко от берега с ручным пулеметом, направленным в сторону гитлеровцев. С одной стороны около пограничника горой были навалены отстрелянные гильзы, с другой лежала куча запасных патронов и дисков для пулемета. А вокруг, в кустах и на дороге, валялись десятки трупов в серо-зеленых гитлеровских мундирах — следы работы пулеметчика.

Он лежал без движения, как мертвый, но когда Петя Клыпа подбежал к нему, пограничник медленно поднял голову. Лицо его было таким страшным, что мальчик оторопело остановился. Темно-серое, цвета земли, оно было невероятно худым и обросшим щетиной. Иссиня черные пятна выделялись под глубоко

запавшими красными глазами. Видно было, что этот человек уже много дней лежит здесь у пулемета без сна, без пищи и только одна мысль, одно стремление владеет им — не пропустить врага.

Бойцы окружили его, наперебой приглашая пограничника идти вместе с ними на прорыв. Но пулеметчик так же медленно покачал головой и каким-то странным, совершенно безразличным голосом сказал:

— Я отсюда никуда не уйду.

Это было сказано так, что всем стало ясно — настаивать бесполезно. И бойцы, не теряя времени, кинулись дальше через кусты. Несколько минут спустя они вышли к рукаву реки, отделяющему Западный остров от Южного, и не останавливаясь пустились вплавь.

И в этот момент откуда-то из кустов противоположного берега по воде ударили немецкие пулеметы. Буг закипел пулями, и плывущие люди один за другим скрывались под водой. А на том берегу в кустах уже замелькали фигуры автоматчиков и солдат с собаками.

Большинство бойцов Потапова погибли в реке. Лишь части людей удалось достигнуть берега, но многие из них тут же попали в руки врага. А те, кто еще не успел броситься в реку, тотчас же повернули назад и побежали обратно к мосту и дамбе, стремясь вернуться в крепость, где еще можно было продолжать борьбу.

И борьба продолжалась, несмотря на то что главные группы защитников центральной цитадели перестали существовать как организованное целое. Только характер этой борьбы изменился. Уже не было единой обороны, не было постоянного взаимодействия и связи между отдельными группами обороняющихся. Оборона как бы распалась на множество мелких очагов сопротивления, но само сопротивление стало еще упорнее и ожесточеннее. Люди поняли, что вырваться из кольца

осады им не удастся. Оставалось одно — держаться во что бы то ни стало, драться до тех пор, пока не придут на помощь свои с востока, либо до тех пор, пока будешь не в силах держать оружие.

Солдаты и офицеры противника с удивлением видели это совершенно непонятное, необъяснимое для них упорство последних защитников цитадели. На что они надеются, что поддерживает их силы? Такие вопросы жители Бреста нередко слышали от германских офицеров и солдат, участвовавших в боях за крепость.

Все это казалось невероятным. Убитые советские бойцы и те немногие, которые живыми попали в плен, были до предела истощены. Пленные выглядели ходячими скелетами, они шатались от голода, и вид у них был такой, что, когда их вели в лагерь, в деревнях, через которые они проходили, женщины не могли без слез смотреть на них. Их мучила такая нестерпимая жажда, что, когда конвоиры разрешали им напиться, они могли пить ведрами. При виде этих живых мертвецов трудно было поверить, что они в состоянии держать оружие, стрелять и драться врукопашную. Но такие же, как эти пленные, измученные, истощенные люди продолжали борьбу в крепости — стреляли, бросали гранаты, кололи штыками и глушили прикладами дюжих автоматчиков отборных штурмовых батальонов 45-й немецкой дивизии. Что давало им силы? — это было непостижимо для врага.

Да, силы их были на исходе! Советские воины с трудом держали в руках оружие, с трудом передвигались. И только неистовая, сжигающая сердце ненависть к врагу поддерживала их в этой борьбе, перешедшей уже за грань физических сил человека. Длинная череда страшных дней, проведенных среди огня и смерти в кипящем котле Брестской крепости, была для каждого из них школой ненависти. На их глазах в огне, под бомбами и снарядами гибли беззащитные

женщины, маленькие дети, умирали, сражаясь, их боевые товарищи. Этого нельзя было забыть, как нельзя было забыть ночи на 22 июня, когда неожиданное нападение фашистских полчищ разом смяло и растоптало жизнь каждого из них. Столько неудержимой, яростной ненависти к убийцам в зеленых мундирах скопилось за эти дни в душах бойцов, что желание мстить стало сильнее голода и жажды. В этом, самом остром чувстве слилось воедино все — и воинский долг солдата, и гордая воля свободного человека, которого можно убить, но нельзя поработить, и сознание своего участия в огромной всенародной борьбе, идущей там, на востоке. Пусть они не знали никаких подробностей этой борьбы, но каждый из них чуял сердцем, что она идет не на жизнь, а на смерть.

День за днем, методично и последовательно артиллерия и отряды автоматчиков гасили последние очаги сопротивления в крепости. Но происходило нечто непонятное — эти очаги оживали вновь и вновь. Из подвалов казарм и домов, из глубоких темных казематов в толще земляных валов, то здесь, то там вновь раздавались пулеметные очереди, винтовочные выстрелы, и кладбище 45-й гитлеровской дивизии в Бресте продолжало расти и шириться. Казематы и подвалы тщательно обыскивали, в домах, где оборонялись советские бойцы, взрывали одно за другим помещения, но спустя некоторое время стрельба возобновлялась из развалин. Отдельные группы бойцов пробирались на участки, где немцы давно считали себя хозяевами, и пули настигали фашистов в самых неожиданных местах. Защитники крепости спускались в глубокие подземелья и по неизвестным немцам подземным ходам покидали занятые врагом участки крепости, продолжая борьбу уже на другом месте.

Еще 8 июля командование 45-й дивизии послало вышестоящему штабу донесение о взятии крепости,

считая, что оставшиеся очаги сопротивления будут подавлены в ближайшие часы. Но уже на следующий день число этих очагов увеличилось, и стало ясно, что борьба затянется.

Продолжали драться группы бойцов в западном секторе казарм и в подвалах 333-го полка, и вся эта часть Центрального острова оставалась недосягаемой для врага. На Западном острове еще раздавались пулеметные очереди и выстрелы пограничников. В северной части крепости продолжал стрелять дот у западного форта, и отчаянно дрались у восточных ворот последние оставшиеся в живых артиллеристы во главе с Акимочкиным. В одном из казематов внутри северного вала засели несколько стрелков, которыми командовал политрук Венедиктов. Немцы забрасывали этот каземат гранатами, но бойцы хватали на лету немецкие гранаты и кидали их во врагов. Даже восточный форт, где, казалось, после страшного штурма не осталось ни одной живой души, вдруг снова ожил, и с его валов раздались очереди ручных пулеметов. И там, на валу форта, вместе с несколькими бойцами, уцелевшими после немецкого штурма, снова был их прежний командир майор Гаврилов.

Он не попал в плен и не застрелился. Он был застигнут автоматчиками в темном каземате внутри вала форта, где последнее время находился его командный пункт. Майор был вдвоем с бойцом-пограничником, который во все дни обороны исполнял обязанности адъютанта и порученца командира. Они оказались отрезанными от остального гарнизона и, перебегая из одного помещения в другое, бросали в наседающих гитлеровцев свои последние гранаты и отстреливались последними патронами. Но вскоре стало очевидно, что сопротивление гарнизона сломлено и немцы уже овладели почти всем фортом. Боеприпасов у Гаврилова и пограничника осталось совсем мало, и коман-

дир с бойцом решили попробовать спрятаться, чтобы потом, когда немцы уйдут из форта, выбраться из крепости и идти на северо-восток, в Беловежскую Пущу, где, как они надеялись, уже наверное действуют наши партизаны.

К счастью, им удалось найти надежное убежище. Как-то, еще в самом начале боев за форт, его защитники по приказанию майора пытались прорыть проход сквозь толщу вала. В кирпичной стене каземата была пробита дыра, и несколько бойцов поочередно стали прокапывать в валу небольшой тоннель. Работы пришлось вскоре прекратить — вал оказался песчаным, и песок все время осыпался, заваливая проход. Но осталась дыра в стене и как бы глубокая нора, идущая вглубь вала. В эту нору и забрались Гаврилов и пограничник, в то время как уже совсем рядом слышались голоса гитлеровцев, обшаривавших соседние помещения.

Оказавшись в узком проходе, прорытом когда-то бойцами, майор и пограничник начали прокапывать себе путь вправо и влево от этого прохода. Сыпучий песок легко подавался, и они постепенно стали продвигаться вперед по ту сторону кирпичной стены каземата, отходя все дальше от пробитой в ней дыры, причем Гаврилов копал влево, а пограничник — вправо. Они работали с лихорадочной быстротой и, подобно кротам, отбрасывали за спину вырытый песок, засыпая за собой путь. Прошло около получаса, прежде чем в каземат вошли солдаты противника, и за это время командир и боец успели уйти каждый на два — три метра в сторону от дыры, пробитой в кирпичах.

Сквозь стену Гаврилов ясно слышал, как немцы переговариваются, обыскивая каземат. Он притаился, стараясь ни одним движением не выдать себя. Видимо, автоматчики заметили отверстие в стене — они

несколько минут стояли около него, о чем-то совещаясь. Потом кто-то из них дал туда очередь. Гитлеровцы помолчали, прислушиваясь, и, убедившись, что там никого нет, пошли осматривать другие казематы.

Гаврилов провел в своей песчаной норе несколько дней. Ни один лучик света не проникал сюда, и он не знал даже, день или ночь сейчас на воле. Голод и жажда становились все более мучительными. Как ни пытался он растянуть два сухаря, оказавшиеся у него в кармане, они вскоре кончились. Жажду он научился немного приглушать, прикладывая язык к кирпичам стен каземата. Кирпичи были холодными, и ему казалось, что на них осели частицы подземной влаги. Сон помогал забыть о голоде и о жажде, но он спал урывками, опасаясь выдать себя во сне неосторожным движением или стоном. Враги еще были в форту — их голоса слышались то дальше, то ближе, и раза два солдаты заходили в каземат.

Он не знал, жив ли его товарищ, пограничник, отделенный от него слоем песка в несколько метров толщиной. Он боялся окликнуть его даже шепотом — фашисты могли оказаться поблизости. Малейшая неосторожность могла испортить все. Теперь важно было только одно — выждать, пока солдаты уйдут. Лишь в этом было спасение и возможность снова продолжать борьбу. Мучимый голодом и жаждой в этой подземной норе, он ни на минуту не забывал о борьбе и не раз заботливо ощупывал в карманах несколько оставшихся гранат и пистолет с последней обоймой.

Голоса немцев слышались все реже, и, наконец, все вокруг, казалось, затихло. Гаврилов уже решил, что наступило время выходить, как вдруг над его головой, на гребне вала, затрещал пулемет. И по звуку выстрелов он безошибочно определил, что это ручной пулемет Дегтярева.

Кто стрелял из него — наши или немцы? Не-

сколько часов он пролежал, мучительно думая об этом. А пулемет время от времени посылал короткую скупую очередь. Чувствовалось, что пулеметчик экономит патроны, и это вселило в Гаврилова какие-то смутные надежды.

Наконец, он решился и шепотом окликнул пограничника. Тот отозвался. Они вылезли в темный каземат и прежде всего напились из вырытого тут колодца. Потом с гранатами наготове осторожно выглянули в узкий дворик форта. Стояла ночь. Чьи-то негромкие голоса доносились сверху. Это была русская речь.

На валу оказались двенадцать бойцов с тремя ручными пулеметами. Как и Гаврилову, им удалось укрыться в одном из казематов, когда форт был захвачен, а после ухода автоматчиков они вышли и снова заняли оборону. Днем они прятались в каземате, а ночью вели огонь по одиночным солдатам противника, появлявшимся поблизости. Гитлеровцы полагали, что в форту никого не осталось, и еще не успели обнаружить, что именно оттуда раздаются пулеметные очереди, тем более, что вокруг повсюду еще шла перестрелка. Еще бил пулемет из дота западного форта, стреляли в районе домов комсостава, и то затихающая, то возобновляющаяся пальба вперемешку с взрывами мин и снарядов доносилась с Центрального острова.

Гаврилов решил попытаться вывести всю эту группу в Беловежскую Пущу. Но для этого надо было пока что не обнаруживать себя. Вокруг крепости стояло еще много войск врага, и сейчас выбраться за валы было невозможно даже ночью. Оставалось ждать, но при этом быть готовыми в любой момент принять бой, если фашисты снова придут в форт.

Днем на валу оставляли только наблюдателя, а ночью наверх поднимались все и, если представлялся удобный случай, вели огонь. Так прошло еще не-

сколько дней. Бои не затихали, по-прежнему то и дело появлялись группы немецких солдат, и выйти из крепости все еще было нельзя. И самое страшное заключалось в том, что защитникам форта уже нечего было есть. Небольшой запас сухарей, оказавшийся у бойцов, кончился, и голод давал себя чувствовать все острее. Люди теряли последние силы. Гаврилов уже подумывал о том, чтобы сделать отчаянную попытку прорыва, но внезапные события нарушили все его планы.

Наблюдатель не заметил, как группа автоматчиков днем зачем-то пришла в форт. Немцы сразу же обнаружили советских бойцов. Гаврилов дремал в углу каземата, когда рядом, во дворике форта, послышались крики: «Рус, сдавайся!», и громыхнули взрывы гранат.

Автоматчиков было немного, и почти всех тут же перебили, но нескольким солдатам удалось удрать, и час спустя форт был окружен.

Первые атаки были отбиты. Но гитлеровцы подтащили сюда орудие и минометы, и вскоре среди немногочисленных защитников форта появились раненые и убитые. А затем последовала атака одновременно со всех сторон, и враг одолел числом — автоматчики взобрались на вал и забросали двор гранатами.

И снова пришлось укрываться в той же норе. Только теперь они забрались в нее втроем — Гаврилов, пограничник и еще один боец.

К счастью, в это время уже наступила ночь, и фашисты не решились в темноте обыскивать казематы. Но Гаврилов понимал, что с наступлением утра они обшарят форт сверху донизу и на этот раз, возможно, обнаружат его убежище. Надо было предпринимать что-то теперь же, ночью, не откладывая.

Они посовещались и осторожно выползли в каземат. Здесь никого не было. Не было гитлеровцев и во внутреннем дворике. Но когда они ползком пробрались к выходу из форта, то увидели, что совсем близко го-

рели костры, вокруг которых сидели солдаты. Противник в ожидании рассвета кольцом окружил форт, чтобы на этот раз не выпустить ни одного из его защитников.

Надо было прорываться с боем. Решили, что по команде Гаврилова каждый бросит по одной гранате в сидящих у костров немцев и все трое тотчас же кинутся бежать в разные стороны: пограничник на юг, к домам комсостава, боец на восток, к внешнему валу, а Гаврилов на запад, в сторону дороги, ведущей от северных ворот на Центральный остров. Его направление было самым опасным, так как по этой дороге часто ходили и ездили гитлеровцы.

Они обнялись и договорились, что тот, кому посчастливится остаться в живых, будет пробираться в заветную Беловежскую Пущу. Потом Гаврилов шепотом скомандовал: «Огонь!», и они метнули гранаты.

Гаврилов не помнил, как он пробежал линию немецких постов. В памяти остались только грохот гранатных разрывов, крики солдат, вспыхнувшая вокруг стрельба, свист пуль над головой и глубокая темнота ночи, сразу сгустившаяся перед глазами после яркого света костров. Он бежал изо всех сил, сжимая в руках вторую гранату и пистолет, бежал, не чуя под собой ног, и слышал за спиной крики, выстрелы и топот. Он опомнился, когда пересек дорогу, на счастье оказавшуюся в этот момент пустынной. Лишь тогда на секунду приостановился и перевел дух. И тотчас же над его головой просвистела пулеметная очередь.

Это стрелял неизвестный советский пулеметчик из дота западного форта. Привлеченный криками и стрельбой, он начал бить длинными очередями, целясь, видимо, по огню костров. Гаврилову пришлось упасть ничком у стены какого-то полуразрушенного дома, чтобы не угодить под его пули. Но пулеметчик невольно спас его: фашисты, бежавшие за майором,

попали под огонь, — Гаврилов слышал, как они, что-то крича, побежали обратно.

Прошло с четверть часа, и все стихло. Тогда Гаврилов, прижимаясь к земле, пополз в сторону внешнего вала крепости, постепенно удаляясь от дороги.

Ночь была непроглядно темной, и он почти наткнулся на стену. Это была кирпичная стена одного из казематов внешного вала. Он нащупал дверь и вошел внутрь.

Целый час он ходил по пустому помещению, ощупывая осклизлые стены, пока, наконец, догадался, где он находится. Здесь перед войной были конюшни его полковых артиллеристов. Теперь он понял, что попал на северо-западный участок крепости, и это обрадовало его — отсюда было ближе добираться до Беловежской Пущи.

Он вышел наружу и осторожно переполз через вал на берег обводного канала. На востоке уже светлело небо, занималась заря. Прежде всего он лег на живот у берега и долго пил затхлую стоячую воду из канала. Потом вошел в канал и двинулся на тот берег.

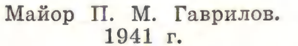
И вдруг оттуда, из темноты, донеслась немецкая речь. Гаврилов застыл на месте, всматриваясь вперед.

Постепенно он стал различать темные очертания палаток на том берегу. Потом там вспыхнула спичка, и малиновым огоньком затлела папироса. Прямо против него на берегу канала был лагерь какой-то вражеской части.

Он бесшумно вылез на берег и отполз к валу. Здесь оказалась маленькая дверь, и, войдя в нее, он попал в узкий угловой каземат с двумя бойницами, глядящими в разные стороны. Коридор тянулся из каземата дальше вглубь вала. Он пошел по этому коридору и снова попал в помещение той же конюшни.

Заметно светало. Надо было найти надежное укрытие на день, и Гаврилов, подумав, решил, что лучше

Майор П. М. Гаврилов.
1941 г.

П. М. Гаврилов.
1956 г.

всего укрыться в угловом каземате. Стены его были толстыми, а две бойницы, выходящие в разные стороны, могли пригодиться, — если бы гитлеровцы обнаружили майора, из них он мог бы отстреливаться, держа в поле своего зрения большой участок канала.

Он снова обследовал этот каземат, и только одно обстоятельство смутило его: там негде было укрыться, и стоило немцам заглянуть в дверь, его немедленно обнаружили бы.

И тогда он вспомнил, что у самой двери каземата, на берегу канала, свалены кучи навоза — его выносили сюда, когда чистили конюшни. Он торопливо принялся таскать этот навоз охапками и сваливать его в углу каземата. Прежде чем рассвело, его убежище было готово. Он зарылся в эту груду навоза и завалил себя снаружи, проделав небольшую щель для наблюдения и положив под рукой оставшиеся пять

гранат и два пистолета — немецкий и наш «ТТ» — каждый с полной обоймой.

Весь следующий день он пролежал тут. Солдаты противника ходили совсем рядом, они что-то делали на берегу канала, переговаривались, а один раз несколько человек прошли через его каземат в конюшню. Гаврилов держал наготове пистолет, но они не обратили внимания на сваленный в углу навоз.

Ночью он снова вышел на берег канала и напился. На том берегу по-прежнему темнели немецкие палатки и слышались голоса солдат. Но он решил ждать, пока они не уйдут, тем более, что стрельба в крепости, как ему казалось, мало-помалу затихала, — судя по всему, противник подавлял один за другим последние очаги сопротивления.

Три дня он провел без пищи. Потом голод стал таким острым, что терпеть дольше было невозможно. И он подумал, что где-нибудь рядом с конюшней должен быть цейхгауз, где хранится фураж, — там мог остаться ячмень или овес.

Он долго шарил по конюшне, пока руки его не нащупали сваленные в одном из углов помещения какие-то твердые комки. Он откусил от такого комка и почувствовал вкус чего-то съедобного.

Это был комбикорм для коней — смесь каких-то зерен, мякины, соломы и еще чего-то. Во всяком случае это утоляло голод и даже казалось вкусным. Теперь он был обеспечен пищей и готов ждать сколько понадобится, пока для него откроется дорога на Беловежскую Пущу.

Дней пять все шло хорошо — он ел комбикорм, а ночью пил воду из канала. Но на шестой день началась сильная резь в желудке, которая с каждым часом усиливалась, причиняя невыносимые страдания. Весь этот день и всю ночь он, кусая губы, удерживался от стонов, чтобы не выдать себя, а потом наступило

странное полузабытье, и он потерял счет времени. Когда он приходил в себя, то чувствовал страшную слабость — он с трудом шевелил руками, но прежде всего машинально нащупывал рядом с собой пистолет и гранаты.

Видимо, его выдали стоны. Он внезапно очнулся от того, что совсем рядом с ним раздались голоса. Через свою смотровую щель он увидел двух автоматчиков, стоявших здесь, внутри каземата, около груды навоза, под которой лежал он.

И, странное дело, как только Гаврилов увидел врагов, силы снова вернулись к нему и он забыл о своей болезни. Он нащупал немецкий пистолет и перевел предохранитель.

Немцы, казалось, услышали его движение и принялись ногами разбрасывать навоз. Тогда он приподнял пистолет и с трудом нажал на спуск. Пистолет был автоматическим, раздалась громкая очередь — он невольно выпустил всю обойму. Послышался пронзительный крик, и, стуча сапогами, немцы побежали к выходу.

Собрав все силы, он встал и раскидал в стороны прикрывавший его навоз. Гаврилов понял, что сейчас он примет свой последний бой с врагами, и приготовился встретить смерть, как положено солдату и коммунисту, — встретить ее в борьбе. Он положил рядом свои пять гранат и взял в руку пистолет — свой командирский «ТТ».

Немцы не заставили себя долго ждать. Прошло не более пяти минут, и по амбразурам каземата ударили немецкие пулеметы. Но обстрел снаружи не мог поразить его — бойницы были направлены так, что он мог опасаться только рикошетной пули.

Потом донеслись крики: «Рус, сдавайся!» Он догадался, что солдаты в это время приближаются к каземату, осторожно пробираясь вдоль подножия вала.

Гаврилов выждал, когда крики раздались совсем рядом, и одну за другой бросил две гранаты — в правую и левую амбразуры. Враги кинулись назад, и он слышал чьи-то протяжные стоны — гранаты явно не пропали даром.

Через полчаса атака повторилась, и снова он, расчетливо выждав, бросил еще две гранаты. И опять гитлеровцы отступили, но зато у него осталась только одна последняя граната и пистолет.

Противник изменил тактику. Гаврилов ждал нападения со стороны амбразур, но автоматная очередь прогремела за его спиной — один из автоматчиков показался в дверях. Тогда он метнул туда последнюю гранату. Солдат вскрикнул и упал. Другой солдат просунул автомат в амбразуру, но майор, подняв пистолет, дважды выстрелил в него, и дуло автомата исчезло. В этот момент что-то влетело в другую бойницу и ударилось об пол. Блеснуло пламя взрыва, и Гаврилов потерял сознание...

В Южном военном городке Бреста гитлеровское командование устроило большой лагерь для советских военнопленных, которых свозили сюда со всех фронтов. Лагерь этот, где ежедневно умирали от голода и болезней сотни людей, тем не менее имел свой госпиталь, в котором работали советские военные врачи, попавшие в плен в первые дни войны. Некоторые из этих врачей, живущие ныне в разных городах Советского Союза, рассказывают, что 23 июля 1941 года, на тридцать второй день войны, в лагерный госпиталь доставили из крепости только что захваченного в плен командира. Это был израненный, страшный на вид, обросший бородой, весь закопченный и покрытый пылью человек, исхудалый и обессиленный до такой степени, что он уже не мог глотать пищу, и пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь. Но немецкие солдаты, доставившие его в гос-

питаль, рассказывали, что когда они обнаружили этого советского командира в одном из казематов крепости и хотели взять его в плен, этот человек, в котором лишь чуть-чуть теплилась жизнь, нашел в себе силы, чтобы принять неравный бой, и целый час отбивался гранатами и отстреливался из пистолета, убив и ранив несколько гитлеровцев.

Этот командир и был майор Петр Гаврилов.

Враги были так поражены этим подвигом, что оставили Гаврилова в живых. В течение трех дней после этого в лагерный госпиталь приезжали из Бреста германские офицеры, чтобы только взглянуть на советского майора, проявившего такую беспримерную силу духа и ни с чем не сравнимую стойкость.

Но и майор Гаврилов не был последним защитником крепости. Говорят, что и в первой половине августа из крепостных подвалов и подземелий еще слышались выстрелы, летели гранаты, и не один захватчик нашел свой конец на камнях развалин цитадели. Группы советских бойцов и командиров скрывались в глубоких подземных убежищах, продолжая борьбу. Фашисты опасались ходить в одиночку по уже занятой ими крепости. Как рассказывали потом гитлеровские офицеры жителям Бреста, германское командование в конце концов отдало приказ о затоплении крепостных подземелий водами Буга... Так непокоренными погибли последние защитники брестской цитадели, безвестные и бессмертные герои этой славной обороны.

Однако до сих пор среди жителей Бреста и соседних с крепостью деревень сохранились удивительные рассказы о том, что даже несколько месяцев спустя после того, как гитлеровцы полностью овладели крепостью, отдельные советские бойцы и командиры еще скрывались в крепостных казематах и подземельях, и по ночам в развалинах еще иногда раздавались вы-

стрелы. Кое-кто из местного населения вспоминает, что зимой 1941—42 года, когда оккупанты сгоняли людей в крепость разбирать развалины, они порой видели перебегающие из каземата в каземат, от подземелья к подземелью фигуры в изодранной красноармейской одежде. И чья-то рука не раз писала на полуразрушенных крепостных стенах грозные слова:

«Смерть немецким оккупантам!»

Еще более удивительный рассказ передает участник обороны крепости, бывший старшина 84-го полка Александр Дурасов, живущий сейчас в городе Могилеве в Белоруссии.

Старшина Дурасов, раненный в боях за крепость, попал в плен и находился несколько месяцев в гитлеровском лагере под Брестом. Весной 1942 года, когда рана его зажила, он был послан в Брест и зачислен в рабочую команду, обслуживавшую немецкий госпиталь.

Вместе с военнопленными в этой команде работала и группа евреев из созданного фашистами в городе гетто. В отличие от пленных, евреи ходили без конвоя, хотя и терпели не меньше издевательств со стороны оккупантов и их прислужников. В составе группы из гетто был один музыкант-скрипач, игравший до войны в джазе брестского ресторана, человек, которого до сих пор хорошо помнят в городе.

Однажды — это было, как вспоминает Дурасов, в апреле 1942 года — скрипач опоздал вовремя явиться на работу и когда пришел, с волнением рассказал товарищам о том, что с ним случилось.

Он шел по дороге, направляясь к госпиталю, как вдруг его обогнала немецкая военная машина, в которой сидел какой-то офицер. Машина резко затормозила впереди него, и гитлеровец подозвал скрипача.

— Садись! — приказал он, открывая дверцу.

Музыкант сел, и автомобиль помчался в крепость.

Они приехали на Центральный остров и, судя по тому, как объяснял Дурасову скрипач, остановились где-то в расположении 333-го полка.

Там, среди развалин, в земле была пробита широкая дыра, уходившая куда-то глубоко вниз. Вокруг нее с автоматами наготове стояла группа немецких солдат.

— Спускайся туда! — приказал скрипачу офицер. — Там, в подземелье, до сих пор скрывается один русский. Он не хочет сдаваться и отстреливается. Ты должен уговорить его выйти наверх и сложить оружие — мы обещаем сохранить ему жизнь. Если ты не уговоришь его, можешь не возвращаться — я застрелю тебя.

Музыкант с трудом спустился вниз и попал в неширокий и темный подземный ход. Он двинулся по нему, вытянув вперед руки, и, чтобы неизвестный не застрелил его, все время громко повторял, кто он и зачем идет.

Внезапно гулко ударил выстрел, и перепуганный скрипач упал ничком на сырой пол подземелья. К счастью, пуля не задела его. И тут же он услышал доносившийся откуда-то издали слабый голос.

— Не бойся, иди сюда, — говорил неизвестный. — Я выстрелил просто в воздух. Это был мой последний патрон. Я и сам решил выйти — у меня уже давно кончился запас пищи. Иди и помоги мне.

Скрипач поднялся на ноги и двинулся вперед. Вскоре он наткнулся на человека, сидевшего у стены. Обхватив руками музыканта, неизвестный с трудом встал, навалился ему на плечо, и оба медленно пошли к выходу.

Когда они кое-как выкарабкались наверх, последние силы оставили незнакомца, и он, закрыв глаза, изнеможенно опустился на камни развалин. Гитлеровцы, стоя полукругом, молча, с любопытством

смотрели на него. Перед ними сидел невероятно исхудавший, заросший густой щетиной человек, возраст которого сейчас было невозможно определить. Нельзя было также догадаться о том, боец это или командир — вся одежда на нем висела лохмотьями.

Видимо, не желая показать врагам свою слабость, неизвестный сделал усилие, чтобы встать, но тут же упал на камни. Офицер отдал приказание, и солдаты поставили перед ним открытую банку с консервами и печенье, но он не притронулся ни к чему. Тогда офицер спросил его: есть ли еще русские там, в подземелье?

— Нет, — ответил неизвестный. — Я был один, и я вышел только для того, чтобы своими глазами посмотреть на ваше бессилие здесь, у нас, в России. Я выпустил свой последний патрон в воздух, но расстрелять меня вы не посмеете.

Офицер приказал одному из солдат вывести музыканта за пределы крепости, и дальнейшая судьба пленного так и осталась неизвестной.

Кто был этот последний герой, проведший десять месяцев в подземельях Брестской крепости, как жил и боролся он это время и что случилось с ним впоследствии? Быть может, все это навсегда останется тайной. Но тайна эта полна той же величавой трагической героики, что и вся удивительная оборона Брестской крепости, только сейчас открывающая перед нами свои волнующие загадки.

ПАМЯТЬ НАРОДА

История — память народа. Но для того чтобы помнить, надо знать, а то, что произошло в первые недели войны в Брестской крепости, долго оставалось неизвестным народу или возникало в рассказах только как легенда, как полудостоверное предание.

Еще летом 1941 года, когда наша армия с тяжелыми боями отступала вглубь страны, через линию фронта, отодвигавшуюся все дальше на восток, к Москве, время от времени проникали смутные слухи о том, что в глубоком тылу немцев, на самой границе около Бреста, какие-то части советских войск, окруженные кольцом вражеских дивизий, ведут уже много дней героическую, упорную борьбу на первых метрах приграничной земли. Эти слухи приносили группы бойцов и командиров, выходивших через фронт из окружения, это подтверждали и экипажи наших ночных бомбардировщиков, которые летали через Брест бомбить тыловые объекты врага и замечали неподалеку от города неугасающее пламя пожаров, вспышки разрывов и текучие огненные пунктиры трассирующих пуль.

Но что за войска сражаются там, на берегах Буга, сколько их и как протекает их неравная борьба — все это было неизвестно — радиосвязь с крепостью отсутствовала. И в цепи грозных и суровых событий первых месяцев войны слухи о героической обороне Брестской крепости до поры до времени остались лишь мимолетной легендой, вскоре вытесненной из памяти людей новыми битвами, новыми трудными испытаниями.

Прошло около девяти месяцев, и на одном из участков фронта в районе Орла наши офицеры, разбирая бумаги, захваченные в архиве штаба только что разгромленной 45-й пехотной дивизии противника, обнаружили там «Боевое донесение о занятии Брест-Литовска». В донесении день за днем описывались бои, происходившие в Брестской крепости в последних числах июня 1941 года, и из него явствовало, что советский гарнизон крепости вел свою героическую борьбу в течение девяти дней и что сопротивление его было окончательно сломлено к 1 июля. За сухими казенными фразами этого документа ясно чувствовалось неволь-

ное почтительное удивление противника, встретившего на первых метрах советской земли такую героическую стойкость и упорство, с которыми ему еще не приходилось сталкиваться в его победных походах по Западной Европе. И как вынужденное признание врага, звучали заключительные слова этого донесения: «Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брест-Литовска... Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

«Боевое донесение о занятии Брест-Литовска» было переведено на русский язык, и 21 июня 1942 года газета «Красная звезда» напечатала статью «Год тому назад в Бресте», где приводились выдержки из захваченного немецкого документа.

Так, фактически из уст врага, советские люди впервые узнали некоторые подробности героической обороны Брестской крепости. Смутная легенда стала былью, пусть еще недостаточно проясненной, но уже глубоко волнующей и дорогой сердцу народа.

Прошло еще два года. 28 июля 1944 года советские войска в порыве грандиозного наступления, начатого несколькими нашими фронтами в Белоруссии, освободили Брест и вошли в Брестскую крепость.

Почти вся крепость лежала в развалинах. По одному виду этих страшных руин можно было судить о силе и жестокости происходивших здесь боев. Эти руины были полны сурового величия, словно в них до сих пор жил несломленный дух павших борцов 1941 года. Угрюмые камни, местами уже поросшие травой и кустарником, избитые и выщербленные пулями и осколками, казалось, впитали в себя огонь и кровь былого сражения, и людям, бродившим среди

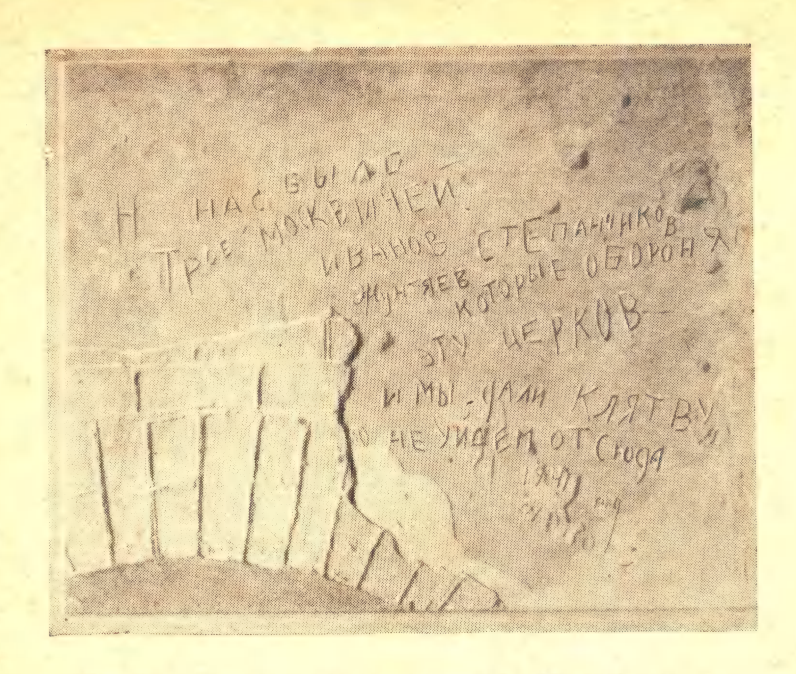
развалин крепости, невольно приходила на ум мысль о том, как много видели эти камни и как много сумели бы рассказать, если бы произошло чудо и они смогли бы заговорить.

И чудо произошло — камни вдруг заговорили. На уцелевших стенах крепостных строений, в проемах окон и дверей, на сводах подвалов, на устоях мостов стали обнаруживать надписи, оставленные защитниками крепости. В этих надписях, то безымянных, то подписанных, то второпях набросанных карандашом, то просто нацарапанных на штукатурке штыком или пулей, бойцы заявляли о своей решимости сражаться насмерть, посылали прощальный привет Родине и товарищам, говорили о преданности народу и партии. В крепостных руинах словно зазвучали живые голоса безвестных героев 1941 года, и солдаты 1944 года с волнением и сердечной болью прислушивались к этим голосам, в которых были и гордое сознание исполненного долга, и горечь расставания с жизнью, и спокойное мужество перед лицом смерти, и завет о мщении.

«Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941. Умрем, но не уйдем!» — было написано на кирпичах наружной стены близ Тереспольских ворот.

«1941 г. 26 июня. Нас было трое, нам было трудно. Но мы не пали духом и умрем, как герои», — было нацарапано на стене одного из внутренних помещений западной части казарм.

В здании клуба, наверху, на церковных хорах, там, где когда-то помещалась будка киномеханика, была обнаружена надпись, впоследствии снятая со стены и хранящаяся теперь в одном из музеев: «Нас было трое москвичей: Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву — не уйдем отсюда. 1941 год. Июль». А под этой надписью

Надпись на стене гарнизонного клуба (бывшей церкви)

находилась другая: «Я остался один. Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся. Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.».

Заговорили не только камни. В Бресте и его окрестностях нашлись живые участники и свидетели событий июня—июля 1941 года, в том числе жены и дети погибших командиров и политработников, которые в дни боев были в крепости вместе со своими мужьями и отцами, а потом, оказавшись в фашистском плену, перенесли все ужасы и тяготы оккупации. Они называли фамилии многих участников обороны, вспо-

минали отдельные эпизоды и подробности сражения за крепость.

И тогда обнаружилось странное противоречие. В немецком документе, захваченном в 1942 году в штабе 45-й пехотной дивизии, указывалось, что Брестская крепость якобы пала 30 июня 1941 года. Между тем, и люди, бывшие тогда в самой цитадели, и жители города, издали наблюдавшие сражение, в один голос утверждали, что бои продолжались дольше и закончились лишь в последних числах июля или даже в начале августа. Некоторые женщины попали в плен только 14—15 июля, и они твердо помнили, что, когда их под конвоем выводили за крепостные ворота, во многих местах крепости бой шел с прежним ожесточением. Жители Бреста свидетельствовали, что гром немецких пушек и трескотня пулеметной перестрелки слышались еще в двадцатых числах июля, и из крепости в немецкий военный госпиталь, размещенный в городе, по-прежнему привозили раненых солдат и офицеров. Словом, из показаний очевидцев становилось ясно, что крепость держалась не неделю, как это утверждалось в донесении штаба 45-й дивизии, а больше месяца.

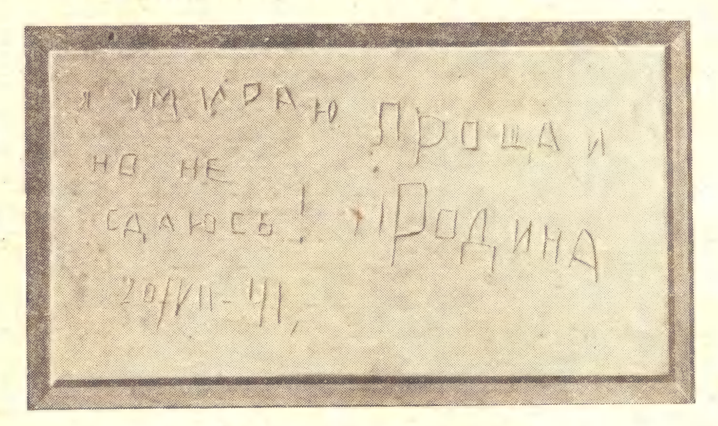
Однако каких-нибудь прямых, вещественных доказательств этого не удавалось найти. Под надписями, оставленными на стенах участниками обороны, стояло просто: «июнь» или «июль 1941», а иные и вовсе не были датированы. И только в 1952 году на стене одного из внутренних помещений в уцелевшей юго-западной части крепостных казарм сотрудник московского музея обнаружил едва различимые буквы. Неизвестный солдат, не оставивший своей подписи, неровно, вкривь и вкось выцарапал на штукатурке шесть слов:

«Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!»

Внизу была нацарапана дата: «20/VII—41».

Кусок штукатурки с этой надписью осторожно

сняли со стены, перевезли в Москву и впоследствии выставили в одном из залов Центрального музея Советской Армии. Теперь существовало неопровержимое свидетельство того, что прежняя дата падения Брестской крепости — 30 июня 1941 года, — указанная в немецком документе, была ложной.

Надпись на стене казармы

Мало-помалу выявлялись все новые детали брестской обороны. После войны в крепости были восстановлены некоторые здания, а развалины частично стали разбирать — для строительства понадобился кирпич. При этом под камнями находили останки павших бойцов и командиров, их одежду, документы, оружие. Трудящиеся Бреста торжественно, с воинскими почестями хоронили героев на городском кладбище, а оружие и другие предметы, найденные в развалинах, становились экспонатами музеев в разных городах страны.

Так, в 1949 году при разборке развалин Тереспольской башни были найдены под камнями останки командира взвода полковой школы 333-го полка лейте-

нанта Алексея Наганова, который погиб здесь в первые дни обороны. В кармане его гимнастерки сохранился комсомольский билет, давший возможность установить личность погибшего, а рядом с убитым лейтенантом лежал его пистолет, находившийся на боевом взводе.

Лейтенант А. Ф. Наганов

Так были обнаружены письма и документы некоторых участников обороны, шефское знамя одного из полков и, наконец, найдены обрывки «Приказа № 1», благодаря которым впервые стали известны имена людей, возглавивших героическую борьбу в крепости. Так были извлечены из-под камней разбитые, заржавевшие винтовки, пистолеты, автоматы наших воинов, причем если в магазинах или обоймах оружия оставались патроны, то оно, как правило, было на боевом взводе, свидетельствуя, что его владелец погиб сражаясь.

А впоследствии отыскалось не только оружие защитников цитадели, но нашлись и сами люди, сражавшиеся в крепости с оружием в руках. Кое-кто из участников героической обороны оказался в живых. Их осталось очень немного; одни испытали все ужасы фашистских концлагерей, другим посчастливилось бежать из плена, и они сражались в партизанских отрядах, а потом в рядах армии.

ОНИ ЖИВУТ СРЕДИ НАС

На окраине Краснодара, на одной из новых, недавно возникших улиц этого быстро растущего города, в ряду домов, построенных здесь за последние годы отставными офицерами, стоит маленький белый домик, окруженный густым, заботливо ухоженным виноградником. Ранним весенним утром, в жаркий летний день, пасмурной осенью в густой зелени винограда долгими часами трудится, подвязывая или подрезая лозы, уже пожилой человек в военной гимнастерке и в сапогах. У него широкое скуластое лицо с упрямым волевым взглядом темных глаз.

Этот человек — пенсионер и майор в отставке Петр Михайлович Гаврилов — один из замечательных героев обороны Брестской крепости, бывший командир восточного форта, который на тридцать второй день войны, будучи застигнут гитлеровцами в крепостном каземате, полуживой, принял последний неравный бой и своим мужеством и волей к борьбе поразил даже врагов.

Четыре долгих тяжких года пробыл он в гитлеровском плену. Коммунист с 1922 года, участник гражданской войны, он вел себя во вражеской неволе, как подобает большевику и советскому офицеру, достойно пронеся через все испытания честь гражданина социалистической Родины.

Вернувшись после освобождения, он был восстановлен в звании майора и вскоре назначен начальником советского лагеря для японских военнопленных в Сибири. Человек, только что испытавший на себе все ужасы фашистских концлагерей, он сделал этот лагерь образцовым, превосходно поставив содержание пленных. Он предотвратил эпидемию тифа среди японцев, ликвидировал злоупотребления со стороны японских офицеров в снабжении своих солдат. Обо

всех этих глубоко человечных, подлинно советских делах бывшего героя Брестской крепости говорят благодарности по службе, полученные Гавриловым в этот период.

Потом он ушел в отставку, получил пенсию и уехал с женой на юг, в Краснодар, где когда-то прожил много лет, командуя различными войсковыми подразделениями. Сейчас П. М. Гаврилов — член Советского Комитета ветеранов войны, активный общественный деятель, нередко выступающий в воинских частях, на предприятиях, в школах Краснодара с воспоминаниями о том, что довелось ему видеть и пережить в Брестской крепости.

Здесь, в Краснодаре, живут и другие участники этой героической обороны. Нередко за бутылкой молодого самодельного вина в домике Гаврилова собираются его боевые товарищи — в прошлом сержант, а теперь техник Анатолий Корж, бывшие бойцы — токарь Анатолий Бессонов, учитель средней школы Петр Теленьга, работник геленджикского дома отдыха Владимир Пузаков. Снова переживают боевые соратники памятные огневые дни, проведенные в крепости, снова встают перед их мысленным взором лица погибших друзей — капитана Ивана Зубачева, замученного в гитлеровском лагере, их земляка-кубанца старшего лейтенанта Василия Бытко, чью семью они порой навещают в станице Абинской, и многих и многих других. И нет ничего прочнее их боевой дружбы, навеки спаянной смертным огнем в жестоком сражении за Родину в стенах русской крепости.

А на другом конце Кавказа, на крайнем юге, почти на самой границе с Турцией, в суровых горах Армении, роет скальные недра земли в поисках редких металлов экспедиция геологов. Ею руководит сорокалетний приземистый и плотный инженер с веселыми жи-

выми глазами, с энергичными порывистыми движениями.

Инженера зовут Самвел Матевосян. Это тот самый заместитель политрука Матевосян, который в первые часы обороны Брестской крепости стал одним из ближайших помощников полкового комиссара Фомина и вместе со своими комсомольцами лихим штыковым ударом опрокинул и уничтожил первый отряд гитлеровцев, прорвавшийся в центр цитадели.

Дважды раненный в тот первый день, Матевосян, наскоро перевязав свои раны, продолжал командовать бойцами. Утром третьего дня тяжелое ранение окончательно вывело его из строя, и он был отправлен в подвал Белого дворца, где спустя много дней без сознания был захвачен гитлеровцами в плен.

Его отправили в лагерь Южного военного городка Бреста. Едва его рана зажила, комсомолец принялся готовить побег. Осенью 1941 года шестеро бойцов и командиров во главе с Матевосяном ночью подползли под проволоку, ограждавшую лагерь, и ушли в окрестные леса.

После этого Матевосян сражался в рядах партизанского отряда, действовавшего на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, снова был тяжело ранен, скрывался от полицаев, а потом стал одним из организаторов антифашистского подполья в городе Луцке. Когда наши войска подступили к этому городу, Матевосян со своими подпольщиками поднял восстание и помог частям Советской Армии быстрее овладеть Луцком.

Посланный затем на офицерские курсы, он вскоре окончил их и вернулся на фронт как гвардии лейтенант и командир гвардейской штурмовой роты. Во главе этой роты он прошел большой боевой путь, который закончил, приняв участие в штурме Берлина и расписавшись на стене рейхстага. Семью боевыми ра-

нениями и двумя орденами отмечена дорога офицера Самвела Матевосяна через Великую Отечественную войну.

В живых оказался и самый юный герой Брестской крепости — бывший трубач Петя Клыпа. Вместе с восемью другими товарищами он уцелел при прорыве группы Потапова и вышел из крепости. Но уже на другой день гитлеровцы захватили их в лесу близ Бреста, и Петя Клыпа оказался в лагере военнопленных на польской территории, за Бугом.

Там он встретил еще несколько таких же, как он, воспитанников из других полков. И хотя все они были старше его, этот никогда не унывающий, смелый и сообразительный мальчик сразу же стал их признанным вожаком. Он энергично принялся готовить побег, и вскоре пятеро мальчиков сумели бежать из лагеря, пришли в одну из деревень близ Бреста и устроились работать у крестьян.

Но Петя мечтал не об этом. Он уговаривал товарищей идти на восток, вслед за нашими войсками, чтобы перейти линию фронта и вновь вступить в армию. Он мечтал опять сражаться с гитлеровцами с оружием в руках.

В конце концов один из мальчиков — Володя Казьмин — согласился на предложение Пети, и оба товарища двинулись в далекий путь по лесам и болотам Белоруссии. Они прошли несколько сот километров, пока в одной из деревень их не схватили полицаи. Мальчики были отправлены на работу в Германию.

Много тяжелого пришлось пережить Петру Клыпе. Но теперь все это позади. Ныне Петр Сергеевич Клыпа — квалифицированный токарь Брянского завода «Строммашина». Одновременно с этим он учится в школе для взрослых, готовясь вскоре поступить в техникум. О славных делах юного героя Брестской крепости Пети Клыпы знают сейчас миллионы наших

А. М. Филь. 1956 г.

А. С. Ребзуев. 1956 г.

людей, справедливо называющих его «советским Гаврошем».

Жив и боевой товарищ Пети Клыпы Владимир Казьмин, когда-то пробиравшийся с ним вдвоем к фронту. Он работает сейчас инженером на электростанции города Павловска Воронежской области. А их третий товарищ, в прошлом тоже воспитанник и защитник крепости, Петр Котельников — теперь старший лейтенант и служит в одной из частей в Прибалтике.

До последнего времени считалась погибшей героиня обороны Брестской крепости военфельдшер Раиса Ивановна Абакумова. Только недавно удалось найти ее — она работает хирургической медсестрой в районной больнице поселка Кромы Орловской области. Неподалеку от нее в городе Мценске в поликлинике служит медицинской сестрой подруга и соратница Р. И. Абакумовой — Валентина Сергеевна Раевская, в первый

день войны раненная в крепости осколком немецкого снаряда.

Немало славных героев легендарной обороны живут и трудятся в разных уголках нашей страны. Кузнецом на одном из вологодских заводов работает бывший лейтенант Анатолий Виноградов, когда-то возглавивший отряд, который пробился из центральной крепости. Шофером в украинском городе Николаеве служит бывший начальник штаба сводной группы и соратник Василия Бытко старший лейтенант запаса Александр Семененко. В далекой Якутии начальником лесоучастка на золотых приисках является бывший боец 84-го полка Александр Филь, сражавшийся рядом с Фоминым и Зубачевым. Его боевой товарищ старший сержант того же полка Александр Ребзуев сейчас директор сельской школы в Великолукской области.

В Омске в одной из школ преподает географию Александр Санин, в прошлом лейтенант 333-го полка, который в первые дни обороны вместе с Потаповым и Кижеватовым возглавил бойцов, сражавшихся в районе Тереспольских ворот. Электромонтером в крупном совхозе в Саратовской области стал соратник Пети Клыпы, а потом один из славных белорусских партизан Иван Бугаков. Майором милиции в городе Петропавловске в Северном Казахстане стал бывший лейтенант 333-го стрелкового полка защитник крепости Дмитрий Беломоин. На сцене Львовского Драматического театра имени Заньковецкой играет бывший боец 9-й пограничной заставы, один из соратников Андрея Кижеватова — Сергей Бобренок.

Простые, скромные советские люди, они, ничем не напоминая о себе, работали на разных участках нашего социалистического хозяйства, будучи передовыми тружениками, как в годы войны были передовыми защитниками Отечества. Только недавно нашему народу

стали известны их имена и их славные героические дела.

Как святыню, каждый из них хранит память о героических и трагических днях бессмертной обороны Брестской крепости, и воспоминания их помогают нам воссоздать все новые подробности замечательного подвига, совершенного советскими воинами в первые месяцы Великой Отечественной войны в стенах старинной русской крепости над Западным Бугом.

НА ЗЕМЛЕ, ГДЕ СРАЖАЛИСЬ ОТВАЖНЫЕ

Несколько сот человек собралось на центральном дворе Брестской крепости в один из ясных августовских дней 1954 года. Сюда пришел кое-кто из жителей Бреста, приехали на машинах воины Брестского гарнизона — молодые солдаты первых лет службы, которые были еще малышами в годы Великой Отечественной войны, и заслуженные офицеры-фронтовики, у которых на груди блестели боевые ордена и медали за Москву и Сталинград, за Будапешт, Вену и Берлин.

Люди расположились большим полукругом прямо на траве в центре крепостного двора. За их спинами высилось полуразрушенное, иссеченное пулями и осколками здание старой церкви, где когда-то помещался клуб гарнизона Брестской крепости. Суров и мрачен был вид этого массивного строения со стенами, сплошь искромсанными железом, с пустыми проемами окон, со снесенным куполом, где на грудах слежавшихся камней уже зеленела трава и пробивался кустарник. Слева кучей бесформенных развалин лежал Белый дворец, справа, у слияния Мухавца с Бугом, виднелись остатки Тереспольских ворот и тянулись темно-красные кирпичные коробки разрушенных кольцевых казарм.

Тут же на траве поставили скамьи и длинный стол, за который сели несколько мужчин и женщин. Это

были те, кто тринадцать лет тому назад пережили здесь, в стенах крепости, трагические и героические дни славной обороны.

Из далекого Еревана поклониться памятным руинам Брестской крепости приехал бывший заместитель политрука и секретарь комсомольского бюро 84-го стрелкового полка Самвел Матевосян. Трижды здесь, на камнях крепости, пролилась его кровь, и многие из его боевых товарищей навсегда остались лежать в этой земле.

Из столицы Белоруссии — Минска приехал другой участник обороны, бывший лейтенант и командир взвода 455-го стрелкового полка, а ныне белорусский журналист Александр Махнач. Как и Матевосян, он дрался тут, в центральной крепости, и тоже пролил здесь свою кровь, — переодетый в форму советского бойца гитлеровец тяжело ранил его предательским выстрелом сзади.

Вместе с защитниками крепости сюда пришли дочь героически погибшего командира батальона капитана Владимира Шабловского Таня, студентка местного медицинского техникума, и жены командиров Аршинова-Никитина и Булыгина, которые в дни обороны находились со своими детьми в крепостных подвалах.

С напряженным вниманием, со слезами на глазах слушали собравшиеся рассказ о грозных событиях 1941 года, о боях в крепости. Матевосян и Махнач говорили о подвигах своих боевых товарищей, об их героизме и упорстве в неравной борьбе, о неукротимой ненависти к врагу и горячей любви к Родине, которая помогала защитникам цитадели преодолевать все нечеловеческие трудности этой борьбы. Образы героев ярко вставали перед слушателями, и молодые солдаты со строгими, суровыми лицами внимали этому рассказу о славных делах своих отцов и старших братьев.

А потом, по просьбе молодых воинов, участники обороны повели их по развалинам крепости.

— Вот здесь был отсек, в котором мы поместили своих раненых, — показывал Махнач, подходя к уже поросшим травой развалинам северной части казарм. — Сюда ворвался немецкий танк и задавил всех, — добавлял он. И сразу суровыми и хмурыми

А. И. Махнач и С. М. Матевосян в Бресте. 1954 г.

становились лица молодых солдат, и невольно сжимались их кулаки при упоминании о страшном злодействе гитлеровских танкистов.

Матевосян повел большую группу бойцов к руинам Белого дворца, который когда-то поручил ему оборонять комиссар Фомин. Здесь осталась лежать только высокая груда камней, но вокруг дворца еще кое-где сохранились остатки старой бетонной ограды с толстыми железными прутьями прежней решетки.

Все подошли к углу ограды.

— Тут стоял наш пулемет, — показал Матевосян.— Мы вели отсюда огонь по окнам клуба, где засели фашисты. Я думаю, здесь, в земле, можно найти много патронных гильз.

Кто-то из солдат принес лопату и принялся копать. И в самом деле, с каждым новым взмахом лопата выбрасывала позеленевшие от времени гильзы калибра наших пулеметов. Но здесь оказались не только гильзы.

Что-то смутно забелело в разрытой земле, и Матевосян, быстро нагнувшись, поднял этот предмет. То была часть человеческого черепа. Почти в самой середине кости чернело пулевое отверстие с зазубренными краями. Молча и пристально инженер смотрел на эту находку, и лишь лицо его заметно побледнело, да чуть-чуть дрожала ладонь, на которой лежала кость.

— Кто-то из наших, — глухо проговорил он. — Фашисты своих похоронили в городе.

Он поднял голову и обвел столпившихся вокруг него солдат глазами, в которых стояли слезы.

— Их тут, под камнями, много лежит, — дрогнувшим голосом сказал он. — Помните о них, товарищи!

Никто не ответил ему — все почувствовали, что слова сейчас не нужны. Но по лицам молодых солдат, взволнованным и торжественно-строгим, было видно, что все услышанное и увиденное сегодня надолго запало им душу, и дела безвестных героев 1941 года, павших в бою среди развалин старой крепости, навсегда останутся для них примером доблести и мужества, примером выполнения воинского долга перед Родиной. И каждый из них сейчас чувствовал себя наследником и хранителем боевой славы этих героев.

Когда все вместе тесной толпой направлялись к машинам, ожидавшим солдат, старшина Борис Орлов, сверхсрочник, прослуживший здесь, в Бресте, после

войны около десяти лет, рассказал о том, как однажды он встретил тут в крепости одного из ее бывших защитников.

Было это в 1951 или 1952 году летом. Группа солдат под командованием Орлова работала в западной части Центрального острова, когда, проскочив мост через Мухавец, в крепость въехала легковая машина, такси из города. Машина остановилась у Холмских ворот, и из нее вышел офицер. Сняв фуражку, он, озираясь по сторонам, медленно пошел вдоль казарм в сторону Тереспольской башни, неподалеку от которой работали солдаты Орлова.

Офицер остановился у развалин Тереспольской башни. Это был майор лет сорока, с заметной проседью в темных волосах и со строгим, резко очерченным лицом. На груди его тесно, в два ряда, пестрели ордена и медали.

Майор долго стоял с непокрытой головой, пристально глядя на камни развалин и, видимо, не замечая солдат. Те в свою очередь без особенного любопытства поглядывали на незнакомого им командира. Офицеры, ехавшие служить за границу или возвращавшиеся на Родину из оккупационных войск, нередко в ожидании поезда приезжали с вокзала осмотреть крепость, о которой ходили такие удивительные рассказы. Солдаты уже привыкли к подобным посетителям.

Но то, что произошло затем, было совсем необычным и невольно привлекло внимание солдат к приезжему. Незнакомый майор вдруг тихонько опустился на колени и потом приник грудью к пыльным и грязным, буровато-серым камням развалин, закрыв лицо руками. Громкие, неудержимо рвущиеся рыдания донеслись до солдат.

Старшина и два бойца тотчас подошли к офицеру.

— Что с вами, товарищ майор? — участливо спросил Орлов.

Майор, вздрогнув от неожиданности, оглянулся. При виде бойцов он овладел собой и встал с земли. Лицо его было мокро от слез, и глубокая скорбная складка залегла между густыми, строго нахмуренными бровями.

— Мы дрались здесь в сорок первом, — прерывающимся голосом ответил он.

Солдаты с сочувствием и живым любопытством смотрели на майора, как бы ожидая, что он заговорит о тех, памятных ему днях. Но майор больше не сказал ничего. Он постоял еще несколько минут, вытер платком глаза, надел фуражку и, козырнув солдатам и старшине, быстро пошел к машине.

— Хотел я его фамилию спросить, да как-то неудобно было, — сказал Орлов. — Вижу, расстроился человек.

— А ведь может быть их немало есть, живых защитников крепости, — задумчиво сказал один из офицеров. — Живут по разным местам и никто о них не знает...

Он был прав, этот офицер. Сейчас, в 1957 году, известно уже больше двухсот участников героической обороны, живущих в различных городах и селах страны, от Бреста до Магадана и от Мурманска до Еревана.

...Прошло около двух лет после этой встречи в крепости. В июле 1956 года советский народ отметил 15-летие обороны Брестской крепости. В эти дни в Москву для участия в торжественном вечере съехалось несколько участников тех памятных событий.

Глубоко волнующие встречи происходили у гостиницы Центрального Дома Советской Армии, где жили участники легендарной обороны. Здесь командир восточного форта П. М. Гаврилов встретился со своим бывшим начальником штаба капитаном запаса Константином Касаткиным, ныне инженером одного из

Участники обороны крепости в Москве. Слева направо — П. П. Кошкаров, С. М. Матевосян, Ф. Л. Забирко, К. Ф. Касаткин, П. С. Клыпа

Ярославских заводов, с участницей обороны форта медсестрой Раисой Абакумовой, со своим бывшим сослуживцем по 44-му полку Александром Семененко. Здесь тот же Семененко со слезами обнял старого друга, бывшего полкового интенданта, а теперь инвалида войны Николая Зорикова, потерявшего в крепости руку и приехавшего сейчас в столицу из Кали-

нинской области. Здесь брянский токарь Петя Клыпа встретился со своим однополчанином, теперь музыкантом оркестра Минской филармонии Михаилом Гуревичем. Здесь с криком радости кинулись друг к другу сражавшиеся в крепости на одном участке бывший лейтенант, а теперь вологодский кузнец Анатолий Виноградов и заведующий одним из московских гаражей, бывший политрук Петр Кошкаров. Здесь Самвел Матевосян горячо обнял сына своего погибшего комиссара, молодого юриста Юрия Фомина, приехавшего из Киева.

Участники героической обороны выступили по московскому телевидению, побывали в воинских частях и на предприятиях столицы, и москвичи повсюду оказывали им самый горячий дружеский прием. А потом в переполненном Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии состоялся торжественный вечер, на котором присутствовали сотни жителей столицы, генералы, офицеры и бойцы Советской Армии.

Несколько дней спустя группа участников обороны приехала на место памятных событий — в Брест. По пути к Гаврилову, Матевосяну, Клыпе, Абакумовой, Виноградову присоединились живущие в Минске защитники крепости Александр Махнач, Федор Журавлев, Михаил Гуревич и Александр Петлицкий.

Было дождливое ненастное утро, когда поезд подошел к Брестскому вокзалу, но сотни жителей города с цветами, с духовым оркестром ожидали под дождем гостей. Как самых близких дорогих людей встречал Брест своих замечательных героев. И здесь в толпе встречающих были другие защитники крепости, живущие сейчас в Брестской области, — лейтенант запаса Яков Коломиец, сражавшийся в восточном форту; рядовой 44-го полка Григорий Гудым; бывший телефонист, а сейчас председатель богатейшего колхоза Марк

Участники обороны входят в крепость

Пискун; жена и сын погибшего капитана Зубачева; жена и дочь героя обороны Николая Нестерчука, семьи других командиров, павших смертью храбрых в дни боев за крепость. Это была волнующая, незабываемая встреча.

В тот же день участники обороны и семьи погибших героев посетили Брестскую крепость. Глубоко взволнованные, в торжественном молчании вошли они в крепостные ворота, неся большие букеты цветов. Эти цветы они рассыпали на развалинах, под которыми погибли их боевые друзья. Над подвалом, где находился штаб обороны центральной крепости, первыми положили букеты цветов жена и сын капитана Зубачева. У крепостной стены, где гитлеровцы расстреляли

На памятных развалинах

полкового комиссара Фомина, бережно опустил цветы на землю Самвел Матевосян. Плача положила свой букет на место гибели Нестерчука его дочь Лида, когда-то девочкой пережившая здесь с отцом трудные дни обороны.

Два дня спустя на Брестском стадионе состоялся десятитысячный митинг жителей города. Бурными рукоплесканиями, криками «ура», бесчисленными букетами цветов, теплыми прочувствованными речами приветствовал трудовой Брест героев. А они с трибуны говорили о том, что этот город и его старая крепость, где пролилась их кровь, где пали их боевые друзья, навсегда останутся для них бесконечно дорогими, святыми сердцу местами.

Утром следующего дня многолюдно было на тихом зеленом участке гарнизонного кладбища, примыкающего к внешним валам крепости. Здесь на кладбище

Участники обороны возлагают цветы у стены, где был расстрелян комиссар Фомин

есть братская могила, где погребен прах десятков безыменных героев, чьи кости были найдены при разборке крепостных развалин.

Этой могиле приехали поклониться участники обороны. Большой венок из живых цветов медленно лег на земляной холмик, и десятки заботливых рук расправили красную ленту с короткой надписью: «Боевым братьям, павшим героям от товарищей по обороне крепости».

В тот же день брестчане тепло и радушно проводили своих гостей.

...Прошло еще несколько месяцев, и новый желанный гость прибыл в Брестскую крепость. Из далекой Сибири сюда приехал работник Кемеровского металлургического комбината Родион Семенюк, бывший младший сержант 393-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона. Это ему в дни обороны было поручено хранить боевое дивизионное знамя, и он, незадолго до падения форта, закопал его в одном из фортовых казематов. Сейчас, спустя 15 лет, Родион Семенюк приехал, чтобы найти спрятанное им знамя.

С волнением подходил он к восточному форту, с волнением, напрягая память, отыскивал заветный каземат. И когда он, топнув ногой по земле, сказал дрогнувшим голосом: «Вот тут!», у всех, кто пришел сюда с ним, часто забилось сердце.

Семенюк сам взял лопату. И как только лезвие наткнулось на что-то металлическое, он понял, что не ошибся, указывая место. Это было цинковое ведро, в которое он положил завернутое знамя.

За пятнадцать лет ведро все проржавело и прохудилось, и он, вынув его из земли, с тревогой подумал о том, что стало со знаменем. Осторожно вытащил он второе, брезентовое, ведро — и оно рассыпалось впрах в его ладонях. Разлезался и рассыпался также

Р. К. Семенюк с боевым знаменем 393-го зенитного дивизиона

брезент, в который было завернуто алое полотнище. Дрожащими руками он сорвал эту обертку.

Знамя было цело, и годы ничуть не испортили его. Семенюк развернул его перед всеми, и с алого бархата ярко блеснули золотые буквы:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

И ниже:

«393 отдельный зенитно-артиллерийский дивизион».

Торжественно выстроились в крепостном дворе подразделения воинской части. Четко печатая шаг, проходил перед строем знаменосец со своими ассистентами, и алое полотнище вилось за ним на ветру. А следом за этим знаменем двигалось перед строем другое, но уже без древка. Его на вытянутых руках бережно нес невысокий человек в штатской одежде, и безмолвно застывшие ряды воинов отдавали почести этому славному знамени героев Брестской крепости, овеянному дымом жестоких боев за Родину, знамени, которое нес человек, сражавшийся с ним на груди и сохранивший его потомкам.

Знамя, спасенное младшим сержантом Родионом Семенюком, было передано музею героической обороны Брестской крепости. Этот музей был торжественно открыт в одном из казарменных помещений

Центрального острова крепости 8 ноября 1956 года в дни празднования 39-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. В его залах собраны сотни экспонатов — оружие и документы, найденные под развалинами крепости, многочисленные фотографии участников героической обороны, картины художников, посвященные славной эпопее, всевозможные печатные материалы.

Множество посетителей проходит ежедневно через залы музея, посещает памятные места крепостных развалин. Многочисленные экскурсии из Бреста и области, из других городов приезжают сюда.

Брест — ворота нашей великой Родины, ее парадная дверь, ведущая в Западную Европу. Много поездов ежедневно проходит здесь, направляясь за границу или привозя пассажиров из-за рубежа. Десятки иностранных делегаций проезжают через этот город.

И все, кто хоть ненадолго останавливается на Брестском вокзале, торопятся посетить прославленную крепость, поклониться ее руинам, побывать в залах музея. Всемирно известным стал сейчас замечательный подвиг героев обороны Брестской крепости, входящий по праву в века, как один из величайших подвигов воинской доблести в истории человечества.

Этот подвиг получил высокую оценку советского народа и Советского Правительства. В начале 1957 года Указом Президиума Верховного Совета СССР одному из главных руководителей обороны Брестской крепости Петру Михайловичу Гаврилову присвоено звание Героя Советского Союза. Орденом Ленина посмертно награжден командир гарнизона Центральной крепости полковой комиссар Е. М. Фомин, орденами Отечественной войны I степени — погибшие герои обороны — капитан И. Н. Зубачев, капитан В. В. Шабловский, старший политрук Н. В. Нестерчук, лейтенант А. Ф. Наганов. Орденами Крас-

ного Знамени отмечены доблесть и мужество славных защитников Брестской крепости С. М. Матевосяна, Р. И. Абакумовой, А. А. Виноградова, П. П. Кошкарова, Р. К. Семенюка и других. Значительная группа участников героической обороны награждена различными орденами и медалями Союза ССР.

Советская Родина никогда не забывает славных патриотических дел своих защитников. Об этом свидетельствует еще раз оценка народом замечательного подвига героев Брестской крепости, подробности которого в силу исторических обстоятельств стали известны нам лишь теперь, спустя пятнадцать лет после тех памятных событий. Народ воздает ныне должное героям легендарной обороны, и советская молодежь учится на их примере беззаветному мужеству и железной стойкости в борьбе за дело коммунизма, беспредельной преданности Родине и партии, верности воинской присяге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы об этой книге по адресу: Москва, К-104, Тверской бульвар, 18. Управление Военного Издательства.

Сергей Сергеевич Смирнов
«БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Редактор *А. В. Богина*
Художник *Ю. П. Ребров*
Художественный редактор *В. Н. Клюева*
Технический редактор *Е. Н. Слепцова* Корректор *В. А. Шляпугина*

Сдано в набор 12.1.57. Г-35095. Подписано к печати 4.5.57.
Формат бумаги 70×108 1/32 — 5 1/4 печ. л. = 7,193 усл. печ. л. 7,177 уч.-изд. л.
Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18.
Изд. № 1/9571. Цена 3 р. 15 к. Зак. № 41.

1-я типография имени С. К. Тимошенко Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР.
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3.

112
95=
150
25=
18-
440
300
140
125

16
21
3

2

Цена 3 руб. 15 коп.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ